

ISSN 2712-9608

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2023 – № 3

Выпуск 47

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

Новосибирск

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2023 – № 3 (выпуск 47)

Научный журнал

Электронное сетевое издание
ISSN 2712-9608

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарёва** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селютина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
канд. искусствоведения **Т. В. Дайнеко** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН); д-р филол. наук **И. Е. Ким** (ИФЛ СО РАН); канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки); д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН); **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария); д-р филол. наук **Н. Р. Ойноткинова** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР); д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажобаева** (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан); канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ); канд. филол. наук **Е. В. Тюттешева** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, чл.-корр. Академии наук Республики Башкортостан, проф. **Ф. Г. Хисамитдинова** (ИИЯЛ УФИЦ РАН); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – председатель редакционного совета; д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ); д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан); д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБИТ СО РАН); д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИИПМНС СО РАН); д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джапуа** (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия); д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН); д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН); д-р филол. наук **М. Олмез** (Стамбульский университет, Турция); д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия); канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ICTM), Италия); д-р филол. наук **А. Н. Чугункова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2712-9608

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru
Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2023 – No. 3 (Issue 47)

Scientific Journal

An online electronic publication
ISSN 2712-9608

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA. – 2023. – No. 3 (Issue 47)

Founded in 1995, the Journal is issued four times a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
T. V. Dayneko, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences); **I. E. Kim**, Doctor of Philology (Institute of Philology, SB RAS); **N. V. Leonova**, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory); **I. A. Nevskaya**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **A. V. Nikolsky** (Frontiers Media, Switzerland); **N. R. Oinotkina**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **V. N. Solovar**, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development); **S. Zh. Tazhibaeva**, Doctor of Philology, Professor (L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan); **L. N. Tybykova**, Candidate of Philology (Gorno-Altai State University); **E. V. Tyuntesheva**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **F. G. Khisamitdinova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the RAS); **L. A. Shamina**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Head of the Editorial council; **A. E. Anikin**, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS); **M. V. Bavuu-Syuryun**, Doctor of Philology (Tuvan State University); **F. Y. Veysalli**, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan); **L. S. Dampilova**, Doctor of Philology, Docent (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS); **N. I. Danilova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS); **Z. D. Dzhapua**, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia (D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia); **V. L. Klyaus**, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); **M. G. Kondratyev**, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities); **M. Olmez**, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey); **E. K. Skribnik**, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany); **G. B. Sychenko**, Candidate of Art Studies, Docent (International Council for Traditional Music (ICTM), Italy); **A. N. Chugunekova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

- Тимкин Т. В.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Звонкость согласных в сургутском диалекте хантыйского языка
по данным электроглоттографии 9–25

Лексикология

- Сундуева Е. В.* (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)
Семантика лексемы *hэшхэл* в бурятском языке 26–34

Морфология

- Шарина С. И.* (Якутск, ИГиИПМНС СО РАН)
Функционирование причастных форм в ламунхинском говоре эвенского
языка 35–44

- Абжапарова М. Д.* (Астана, Товарищество с ограниченной ответственностью «Astana IT
University»)
Способы обозначения оттенков цвета в казахском и южносибирских
тюркских языках 45–57

Синтаксис

- Ильина Л. А.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Способы выражения сравнения в тазовском диалекте селькупского языка 58–66

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Повествовательный фольклор

- Сатанар М. Т.* (Якутск, НИИ Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова)
Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 1: Статические и ди-
намические характеристики 67–77

- Николаева Н. Н.* (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)
Когда Кабан Учитель разожжет под землей свой огонь...: об одном пер-
сонаже бурятской мифологии 78–88

Ойноткинова Н. Р. (<i>Горно-Алтайск, ГАГУ</i>) Зоонимы, обозначающие оленевых в алтайской лингвокультуре	89–98
--	-------

ХРОНИКА

Крюкова Е. А. (<i>Томск, ТГПУ</i>) 30-я юбилейная международная конференция «Дульзоновские чтения»	99–102
Озолия Л. В., Кошкарева Н. Б. (<i>Новосибирск, ИФЛ СО РАН</i>) Борис Васильевич Болдырев (10 октября 1940 г. – 24 августа 2023 г.)	103–110

CONTENTS

LINGUISTICS

Phonetics

- Timkin T. V.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Consonants voicing in Surgut Khanty based on electroglottography data 9–25

Lexicology

- Sundueva E. V.** (*Ulan-Ude, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Semantics of the lexeme *hešxel* in the Buryat language 26–34

Morphology

- Sharina S. I.** (*Yakutsk, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Functioning of participial forms in Lamukhinskiy dialect of the Even language 35–44
- Abzhaparova M. D.** (*Astana, Limited Liability Partnership «Astana IT University»*)
Ways of designating shades of color in the Kazakh and South Siberian Turkic languages 45–57

Syntax

- Ilyina L. A.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Ways of expressing comparison in the Taz dialect of the Selkup language 58–66

FOLKLORISTICS

Narrative Folklore

- Satanar M. T.** (*Yakutsk, Olonkho Research Institute, Ammosov North-Eastern Federal University*)
The image of the spirit-mistress of the earth in the olohkho epic.
Part 1: Static and dynamic characteristics 67–77

Nikolaeva N. N. (*Ulan-Ude, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

When the Boar Teacher lights his fire under the ground...: one character of Buryat mythology 78–88

Oinotkinova N. R. (*Gorno-Altai, Gorno-Altai State University*)

Zoonyms denoting deer in the Altai linguistic culture 89–98

CHRONICLE

E. A. Kryukova (*Tomsk, Tomsk State Pedagogic University*)

30th Anniversary International Conference "Dulzon Readings" 99–102

Ozolinya L. V., Koshkareva N. B. (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

Boris Vasilievich Boldyrev (October 10, 1940 – August 24, 2023) 103–110

ЛИНГВИСТИКА

ФОНЕТИКА

УДК 811.511.142

DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-9-25

Звонкость согласных в сургутском диалекте хантыйского языка по данным электроглоттографии

Т. В. Тимкин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Рассматривается звонкость согласных в сургутском диалекте хантыйского языка на материале электроглоттографии. Фонетический эксперимент был проведен с одним диктором – носителем тром-аганского говора. На горле информанта были размещены датчики, позволяющие неинвазивным путем оценить активность голосовых связок. Звонкость оценивалась по относительной длительности звукового отрезка, на которой определяется контур основного тона. В общей сложности было проанализировано более 770 звуковых фрагментов. Показано, что шумные согласные реализуются как глухие, в интервокальной позиции могут частично озвончаться, не достигая при этом значений, характерных для сонантов и гласных. Сонорные согласные в инициальной и медиальной позиции реализуются как звонкие, их коэффициент звонкости сопоставим с гласными. В финальной позиции сонорные могут реализоваться в зависимости от синтагматических условий конечно оглушенными или глухими.

Ключевые слова

хантыйский язык, сургутский диалект, консонантизм, звонкость согласных, электроглоттография, ларингограф

Для цитирования

Тимкин Т. В. Звонкость согласных в сургутском диалекте хантыйского языка по данным электроглоттографии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 9–25. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-9-25

Consonants voicing in Surgut Khanty based on electroglottography data

T. V. Timkin

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper presents an experimental phonetic study of consonant voicing in Surgut Khanty conducted with one native speaker of the Trom-Agan sub-dialect using a Rose Medical EGG-D200 laryngograph and icSpeech software. The vocal cord activity was assessed non-invasively with sensors on the speaker's throat. The recordings were segmented and annotated via Praat software and then statistically processed with the Emu-SDMS corpus manager and

© Т. В. Тимкин, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

R programming language. A voicing rate was calculated as the relative duration of the sound segment defining the fundamental frequency. Over 770 sound segments were processed. The obstruent consonants /p/, /t/, /tʃ/, /k/, /s/, /ʃ/, and /ʒ/ were pronounced voicelessly, partially voiced in intervocalic position but never having sonants' and vowels' typical values. The obstruent consonants had the voicing coefficients of 0–0,44, with the mean values for different phonemes of 0,02–0,06, while vowels feature the voicing coefficients of 0,44–0,89 and the mean values of 0,53–0,82. The sonor consonants /m/, /n/, /r/, /j/, /ɣ/, /p/, /ŋ/, and /w/ were pronounced as voiced in the initial and medial positions. In the final position, the sonor consonants were realized as devoiced or voiceless depending on the syntagmatic conditions, with the voicing coefficients of 0–0,83 and average values of 0,4–0,63. The paper provides oscillograms and glottograms for the sounds investigated. A control evaluation was conducted using the acoustic data. The comparison of the consonant voicing data from the audio recording and glottography revealed only the latter method to accurately detect a boundary of the voiced segment.

Keywords

Khanty language, Surgut dialect, consonant system, consonant voicing, electroglottography, laryngograph

For citation

Timkin T. V. Zvonkost' soglasnyh v surgutskom dialekte hantyjskogo yazyka po dannym elektroglyottografii [Consonants voicing in Surgut Khanty based on electroglottography data]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 9–25. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-9-25

Введение

Методика электроглоттографии (Electroglottography, EGG) широко применяется с 60-х гг. XX в., однако остается одной из наименее апробированных на сибирском языковом материале. Настоящая работа посвящена описанию звонкости согласных в сургутском диалекте хантыйского языка по данным электроглоттографии.

Электроглоттография, или электроларингография, – неинвазивная методика, позволяющая наблюдать деятельность голосовых связок человека в момент произнесения в реальном времени. В обзоре литературы, посвященной данному методу, N. Vieira указывает, что термины *электроглоттография*, *электроларингография*, *ларингография* являются синонимичными. При этом автор признает термин *электроглоттография* не совсем удачным, поскольку методика позволяет анализировать не глоттис, т. е. голосовую щель, а ларинкс, т. е. гортань, как единую систему. Несмотря на это, именно *электроглоттография* рекомендуется как предпочтительный термин, чтобы избежать неоднозначности, поскольку термин *ларингография* также используется в рентгенографии для обозначения методики рентгеноконтрастной съемки гортани [Vieira 2015].

В лингвистике методика использовалась, например, для изучения глоттальных согласных на материале языка хауса [Lindsey 1992], тоновой системы в языке наси [Michaud 2007], дрожащих согласных чешского языка [Howson 2014], глоттализации в языке мин [Pan 2017], противопоставления сильных и слабых согласных в языке трике [Dicanio 2012]. Таким образом, метод электроглоттографии используется для описания тех фрагментов фонетической системы, которые зависят от активности голосовых складок.

Цель данной работы – выявить различия звонких и глухих согласных сургутского диалекта хантыйского языка при помощи метода глоттографии. Сургутский диалект относится к восточному диалектному массиву хантыйского языка, по мнению некоторых авторов является отдельным сургутским хантыйским языком [Коряков 2022]. Диалект распространен на территории Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, представлен рядом говоров.

Комплексное экспериментальное изучение хантыйского консонантизма было выполнено на материале казымского диалекта, который имеет значительные отличия от сургутского [Верте 2003]. Сургутский консонантизм был описан ранее с применением таких экспериментальных методов, как электромагнитная артикулография [Тимкин 2020] и анализ спектральных моментов [Тимкин 2021]. Однако данные методики позволяют оценить соответственно положение языка и тембральные особенности звуков, но не активность голосовых связок. Внимание исследователей также привлекала такая типологически редкая особенность, как наличие подсистемы латеральных согласных [Уртегешев 2019], однако данное описание затрагивает только часть консонантной системы.

Таким образом, параметры звонкости согласных в сургутском диалекте остаются недостаточно изученными.

Материалы и методы

Фонетический эксперимент был выполнен в декабре 2021 г. с использованием экспериментальной системы, которая включает электроглоттограф EGG-D200, поставляемый компанией Laryngograph [<http://www.laryngograph.com/index.html>], и программное обеспечение icSpeech Professional, разработанное производителем Rose Medical Solutions [<https://icspeech.com/electroglottography.html>].

Прибор включает два плоских электрода, которые накладываются на горло информанту в районе гортани и прижимаются натянутой вокруг шеи эластичной лентой, достаточно свободной, чтобы не затруднять дыхание и речь. Экспериментальная установка подает на электроды сверхмалое напряжение, позволяющее измерить электрическое сопротивление голосового аппарата. Принцип исследования заключается в том, что при смыкании и размыкании голосовой щели электрические свойства цепи меняются, и прибор отражает колебания связей. Подобное преобразование механического движения в электрический сигнал роднит электроглоттограф с микрофоном, однако учитываются колебания не воздуха, а непосредственно тканей человека. Таким образом, глоттограмма устроена так, как будто бы мы могли записать колебания гортани без учета деятельности верхнего яруса речевого аппарата.

Эксперимент проводился с одним диктором – женщиной 1958 г. р., уроженкой р. Тромъеган, носителем тром-аганского говора, ведущей традиционный образ жизни, пользующейся в быту хантыйским языком и слабо владеющей русским.

Информант получала русскоязычный стимул и троекратно произносила хантыйский эквивалент в виде изолированной синтагмы. Общая база исследования составила 130 лексем. В рамках данного исследования проанализирована выборка, включающая более 770 звуковых фрагментов.

Для записи и первичной обработки сигнала использовалась программа icSpeech Professional. Звук был записан на петличный микрофон Røde SmartLav, подключенный к электроглоттографу. Синхронизация аудиосигнала и данных прибора осуществлялась автоматически при помощи соответствующих опций прибора.

Данные, записанные в icSpeech, далее были выгружены для внешней обработки. Сегментирование и аннотация материала были выполнены в программе Praat [Boersma, Weenink, 2023] на основании слухового, спектрографического и осциллографического анализа с использованием знаков Международного фонетического алфавита (МФА). Статистический анализ и визуализация результатов были произведены при помощи фонетической корпусной системы Emu-SDMS и языка программирования R с применением пакетов emur, biosignalEMG, phonTools и tidyverse [Winkelmann et al. 2018].

В непосредственном виде глоттограмма, как и аудиозапись, не дает количественной оценки особенностей произнесения. Поэтому мы оценивали также контур основного тона, полученный при помощи методики линейного предсказания, традиционно использующийся для определения высоты звука по аудиозаписи.

В настоящей работе звуки транскрибированы при помощи знаков МФА, в скобках дается соответствие по финно-угорской транскрипции (ФУТ). Лексемы записаны при помощи ФУТ в соответствии со «Словарем восточнохантыйских диалектов» Н. И. Терешкина [Терешкин 1981].

Результаты

Покажем на рисунке 1 данные глоттографии на примере лексемы *saŋki* ‘небо’.

На нижней панели графика (Sound) показана осциллограмма звука, полученная путем анализа аудиоматериала и визуализирующая звуковую волну, приходящую на мембрану микрофона. На верхней панели (EGG) представлена глоттограмма. При произнесении гласных на глоттограмме наблюдаются периодические колебания с широкой амплитудой, аналогичные тем, которые видны на осциллограмме. При произнесении сонанта [ŋ] и безударного гласного [i] амплитуда колебания на осциллограмме уменьшена за счет сужения речевого тракта, однако на глоттограмме колебания сопоставимы по амплитуде с ударным гласным.

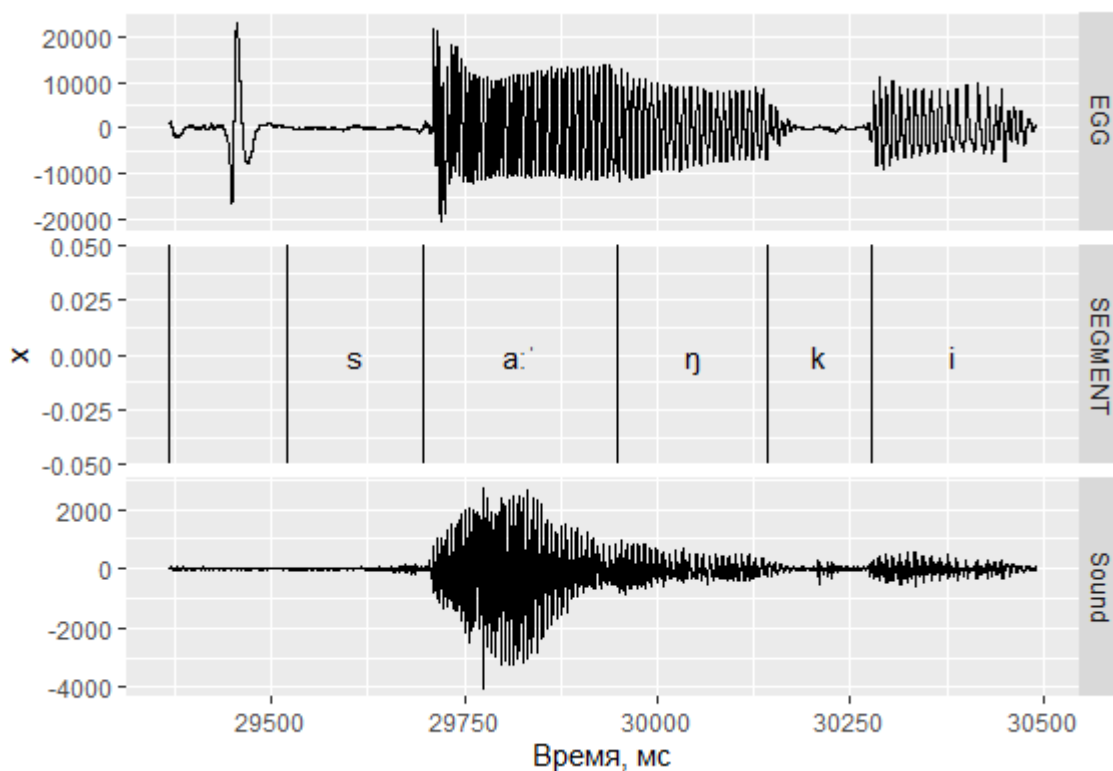

Рис. 1. Осциллограмма и глоттограмма лексемы *saŋki* 'небо'
 Fig. 1. Waveform and glottogram of the lexeme *saŋki* 'a sky'

При произнесении глухого щелевого [s] на осциллограмме наблюдается наличие неперiodического, шумового колебания, амплитуда которого несколько выше, чем фонового шума. Однако на глоттограмме аналогичное шумовое колебание не наблюдается, поскольку его источник находится в ротовой полости – выше, чем точка размещения датчиков электроглоттографа.

Наконец, при произнесении глухого взрывного [k] на осциллограмме отчетливо противопоставляются фаза смычки, характеризующаяся отсутствием колебания, и взрыва с резким нарастанием амплитуды шума. На глоттограмме весь сегмент характеризуется отсутствием фонации, при этом границы смычки не видны, поскольку голосовые связки не принимают участия в формировании данного звука, не являющегося звонким либо гортанным.

Для большей наглядности представим те же самые данные в альтернативной форме – в виде спектрального разложения. Покажем на рис. 2 две спектрограммы той же записи слова *saŋki* 'небо', что и на рис. 1. Спектрограммы построены при помощи кода на языке R с использованием инструментов пакета *phonTools*. Верхняя спектрограмма построена по данным глоттографа, тогда как нижняя – по акустическим данным.

Спектрограмма показывает распределение энергии колебания по частотным областям. По горизонтали на графиках отложено время, по вертикали – частоты. Цвет обозначает интенсивность колебания: синим цветом обозначено минимальное значение, красным – максимальное.

Мы наблюдаем, что при фонации глухих в спектре аудиосигнала присутствует шумовой компонент, сосредоточенный на высоких частотах, причем для взрывного он имеет резкое и отчетливое начало. В спектре глоттограммы шумовой компонент закономерно не отображается.

При фонации гласных в спектре аудиозаписи видны контрастные горизонтальные полосы – форманты, соответствующие резонансам речевого тракта. На спектре глоттограммы форманты не отображаются с такой же четкостью. Это хорошо соотносится с традиционной теорией «Источник–фильтр», согласно которой форманты формируются в полостях верхнего яруса речевого аппарата:

глотке, ротовой полости и носоглотке. Вполне естественно, что в спектре колебания голосовых связок форманты не фиксируются.

Наконец, на обеих спектрограммах при фонации гласных и звонких согласных наблюдаются контрастная «штриховка» из чередования ярких и темных вертикальных полос. Данное чередование соответствует циклам колебания голосовых складок и показывает фазы смыкания и размыкания голосовой щели. На спектре глоттограммы данные полосы видны более контрастно, поскольку в меньшей степени подвержены зашумлению посторонними призвуками, проникающими в микрофон.

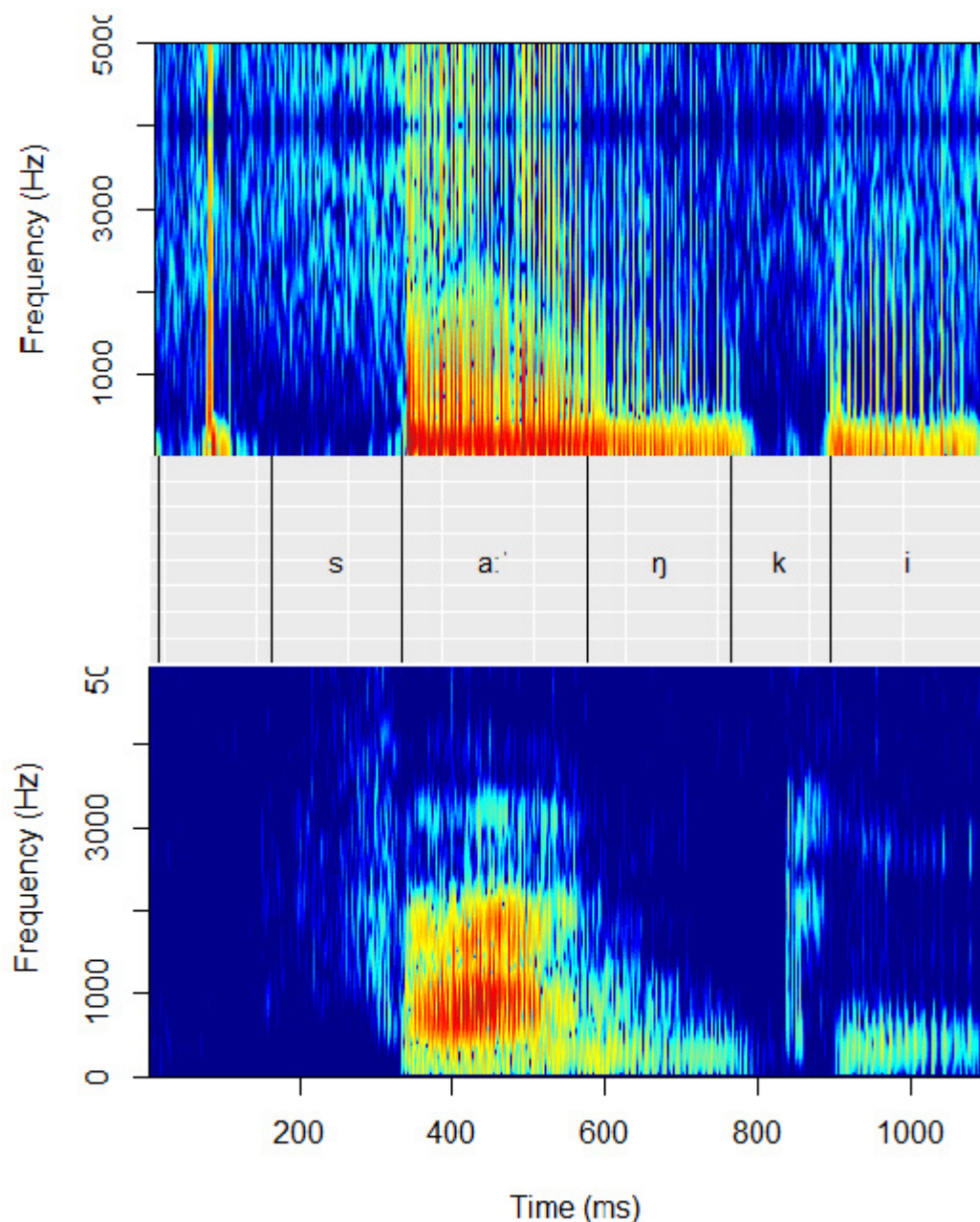

Рис. 2. Динамическая спектрограмма лексемы *sanʒki* 'небо' по данным глоттографии (верхний график) и аудиозаписи (нижний график)

Fig. 2. Dynamic spectrogram of the lexeme *sanʒki* 'a sky' based on the glottography (the upper chart) and the audiorecording (the lower chart)

Таким образом, данные глоттографии позволяют достаточно детализировано оценить активность голосовых связок. Но для лингвистической интерпретации этих данных мы считаем необходимым учитывать также количественные и качественные характеристики звуков на основе глоттограммы.

По нашему мнению, наиболее показательной характеристикой для различения глухих и звонких согласных является относительная длительность фазы озвончения. При произнесении гласных и звонких согласных голосовые связки напряжены и колеблются, порождая периодическое звуковое колебание – голосовой тон. В акустической фонетике широко применяется алгоритм линейного предсказания, который позволяет выделить в сигнале повторяющиеся периоды и вычислить частоту основного тона. Если сигнал носит непериодический, шумовой характер, то он не может быть разбит на повторяющиеся периоды, и алгоритм линейного предсказания в таких случаях не определяет основной тон. Для определения основного тона мы использовали данный алгоритм, но применили его не только к аудиозаписи, но и к глоттограмме. Приведем на рис. 3 контуры основного тона для трехкратного произнесения лексемы *saŋki* ‘небо’.

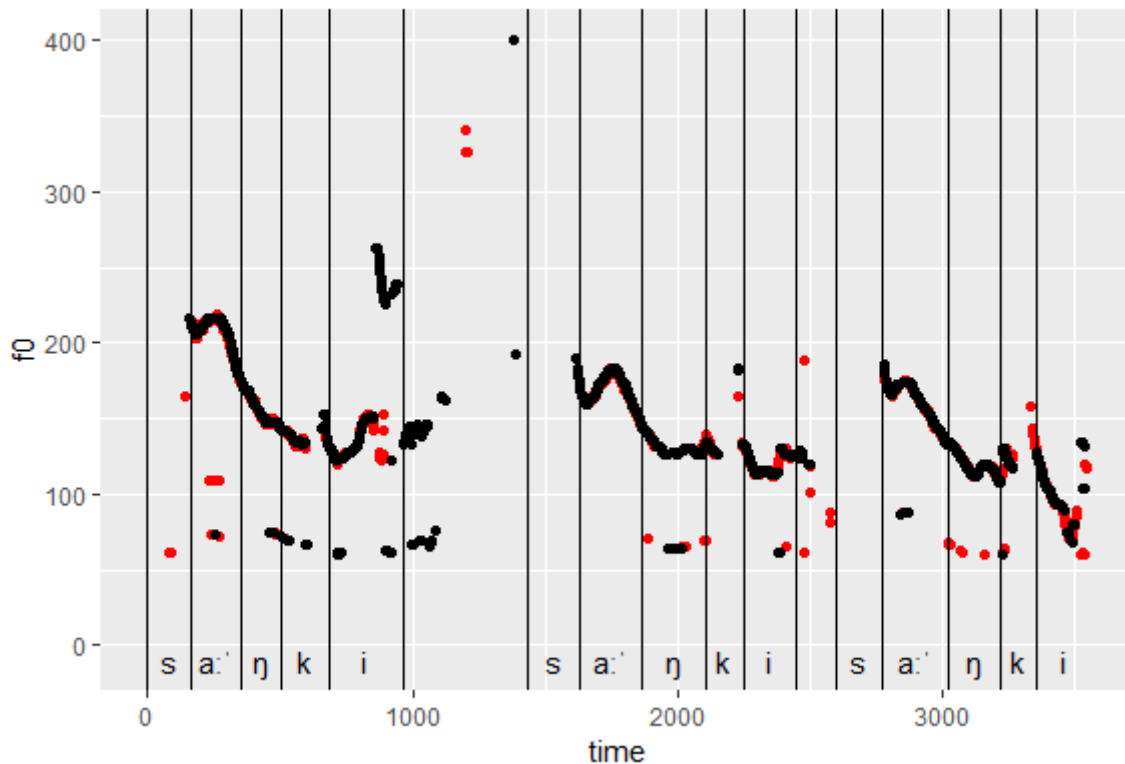

Рис. 3. Контур основного тона при произнесении лексемы *saŋki* ‘небо’ по данным аудиозаписи (черная линия) и глоттографии (красная линия)

Fig. 3. The fundamental frequency contour of the lexeme *saŋki* ‘a sky’ realization based on the audiorecording data (black contour) and the glottogram data (red contour)

По горизонтальной оси отложено время, по вертикальной – частота основного тона. Мы вычислили основной тон дважды: первый контур составлен с использованием аудиоданных в качестве входной информации и показан на графике черным цветом; второй контур определен на основании глоттографии и показан на том же графике красным цветом. Наблюдается значительное сходство двух контуров, что вполне ожидаемо, поскольку тональный компонент речевого сигнала образуется как раз в области гортани, где устанавливаются датчики электроларингографа. Таким образом, методы глоттографии и акустической фонетики верифицируют друг друга. Вместе с тем мы отмечаем, что график, полученный по данным глоттографии, несколько точнее: в нем меньше «выпавших» точек, подвергшихся влиянию искажений, контур имеет более цельный профиль.

Для количественной оценки звонкости мы опираемся на то, что при периодических колебаниях голосовых связок в сигнале определяется основной тон, тогда как при фонации, не сопровождающейся голосом, основной тон не может быть вычислен. Мы оцениваем звонкость звука как отношение длительности фрагментов, где определяется основной тон, к общей длительности звука: коэффициент звонкости 0 означает, что звук глухой на всем протяжении артикуляции, тогда как коэффициент 1 должен обозначать звонкость звука. Коэффициент 0,5 означает, что озвонченная и оглушенная фазы произнесений сопоставимы по своей длительности. На практике коэффициент звонкости никогда не достигает единицы, даже для гласных, что обусловлено разрывами контура из-за погрешностей измерения и влияния соседних звуков.

В табл. 1 показаны средние значения и разброс коэффициента звонкости для реализаций различных фонем. Значения приведены на материале нашей выборки с использованием статистических инструментов R. Естественно, признак звонкости релевантен только для согласных фонем. Тем не менее мы включаем в сводный список также данные по гласным, поскольку они предоставляют хороший фон для сопоставления (в данном случае мы, опираясь на данные изолированных произнесений, рассматриваем только нейтральную фонацию, считая шепотную, придыхательную, скрипучую и иные модификации голоса суперсегментным явлением).

Таблица 1
Table 1

Значения коэффициента звонкости для фонем сургутского диалекта
Voicing coefficient values for Surgut dialect

Фонема	Коэффициент звонкости		
	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение
Гласные			
i: (i)	0,61	0,84	0,74
i:(i)	0,66	0,87	0,78
o: (u)	0,53	0,88	0,82
e	0,52	0,73	0,61
o: (o)	0,82	0,82	0,82
ɔ: (ã)	0,63	0,89	0,8
a: (a)	0,44	0,85	0,72
ɯ (ũ)	0,66	0,71	0,68
ə (ə)	0,68	0,84	0,76
ɛ (ã)	0,46	0,77	0,63
o (o)	0,53	0,85	0,72
ɔ (ã)	0,72	0,71	0,71
a (ã)	0,49	0,74	0,53

Согласные глухие			
p	0	0,39	0,05
t	0	0,31	0,05
çç (t')	0	0,04	0,03
k	0	0,39	0,06
s	0	0,07	0,02
ł	0	0,44	0,05
ł̣ (ł')	0	0,07	0,02
Согласные звонкие			
m	0,17	0,79	0,54
n	0,31	0,83	0,63
r	0	0,75	0,43
j	0,15	0,79	0,41
ɣ	0	0,83	0,4
ɲ	0,49	0,76	0,6
ŋ	0	0,79	0,47
w	0,02	0,8	0,49

Средние значения коэффициента звонкости для гласных находятся в области 0,63–0,82 единицы. При этом минимальное значение, характерное для гласного, – 0,44. На данном этапе мы не можем точно оценить влияние всех позиционных факторов на коэффициент звонкости. Предварительно можно сказать, что меньшее значение характерно для гласного между двух глухих согласных. В неодносложных основах также наблюдается тенденция к уменьшению коэффициента. Например, для реализаций фонемы /i:/ (*i*) меньшие значения коэффициента зафиксированы в лексеме *łit* ‘рукав’ (0,66–0,76), большие в лексеме *ɲir* ‘обувь’ (0,77–0,86). Однако в неодносложной форме *ma ɲirem* ‘моя обувь’ значение составляет 0,74, т. е. ниже, чем в односложной форме.

Аналогичные результаты наблюдаются, например, для фонемы /a:/ (*a*). Наименьшие значения зафиксированы в лексеме *rak* ‘мука’, где гласный находится перед глухим (0,44–0,6). Большие значения записаны в лексемах *paj* ‘куча’ (0,76–0,8), *saŋki* ‘небо’ (0,74–0,79) после глухого. Наконец, наибольшее значение в лексеме *wan* ‘короткий’ (0,82–0,85).

Покажем на рис. 4 осциллограмму и глоттограмму лексемы *rak* ‘мука’.

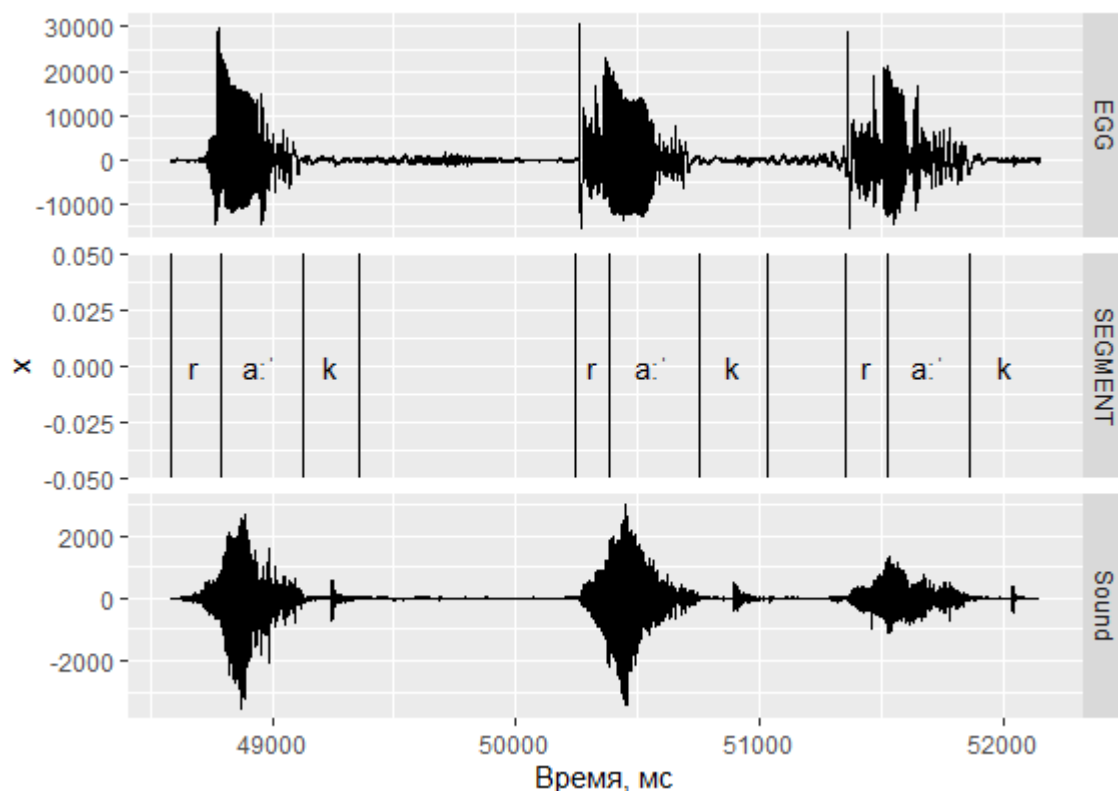

Рис. 4. Глоттограмма и осциллограмма лексемы *rak* 'мука'
 Fig. 4. Glottogram and waveform of the lexeme *rak* 'a flour'

В этом примере вторая фаза произнесения гласного отличается меньшей интенсивностью и частотой колебания голосовых связок. Динамика ларингальной активности при произнесении гласного в сургутском диалекте требует отдельного изучения, однако предварительный анализ показывает, что прерывания фонации в подобных примерах не происходит, поэтому полученные значения коэффициента звонкости позволяют адекватно оценить наличие голосового тона.

Глухие согласные фонемы имеют средние значения коэффициента звонкости менее 0,1. При этом звонкость отдельных произнесений варьирует в диапазоне от нуля, т. е. полного отсутствия голосового тона, до величины 0,44, что меньше, чем минимальное значение, характерное для гласных. Таким образом, методика противопоставляет гласные и глухие согласные с высокой точностью.

Рассмотрим условия вариативности коэффициента звонкости для глухих согласных. Для взрывных согласных наблюдается некоторое увеличение звонкости в позиции между гласными или сонантами.

Так, для фонемы /t/ низкое значение коэффициента записано в лексемах *lit* 'приземлился' (0,01–0,04), *lit* 'рукав' (0–0,02), *tātā* 'пустой' (0,05–0,1), *tuŷar* 'хвоя' (0); повышенное – в формах *ma litem* 'мой рукав' (0,09), *pōnta* 'класть' (0,08–0,3).

Для фонемы /p/ низкое значение зафиксировано в лексемах *pōnta* 'класть' (0–0,09), *paj* 'куча' (0), *pājk* 'зуб', *pāj* 'осина', *pājk* 'мухомор'; большее значение – в форме *ma pijem* 'моя куча' (0,12).

Для фонемы /k/ низкое значение записано в лексемах *kār* 'бык' (0–0,1), *kōr* 'болото' (0,02–0,05), *kūt* 'склад' (0–0,01), *pājk* 'зуб' (0–0,03); большее значение – в лексеме *saŋki* 'небо' (0,08–0,39).

Для фонемы /tʃ/ (č) низкое значение зафиксировано в словах *kač* 'жжение' (0–0,01), *čākam* 'табак' (0); повышенное – в форме *ma kičam* 'мое жжение' (0,05).

Для фонемы /tʃ/ (t') записано только низкое значение: в формах *t'arəs* 'море' (0), *rut* 'русский' (0,04).

Примеры показывают, что частичное озвончение взрывных связано с остаточной фонацией предшествующего гласного либо сонанта, но непосредственно фаза взрыва артикулируется без участия голосового тона.

При произнесении глухого щелевого /s/ коэффициент звонкости варьирует в пределах менее 0,1 без видимой зависимости от позиции. Можно сделать вывод, что данная фонема всегда реализуется как глухой шумный, даже в интервокальной позиции. Однако это наблюдение требует проверки на более обширном материале.

Глухой щелевой латерал /ʃ/ показывает ту же закономерность, что описана выше для взрывных, т. е. имеет тенденцию к озвончению между гласными или сонантами. Так, меньшее значение коэффициента зафиксировано в лексемах *təj* ‘черпак’ (0–0,1), *lit* ‘приземлился’ (0–0,03), *sət* ‘кишка’ (0–0,01); более высокие – для форм *ma ʃitem* ‘мой рукав’ (0,13), *pəjʃaŋ* ‘крыло’ (0,14–0,43).

Среднеязычный латерал /ʒ/ был записан в лексемах *t'at'* ‘война’, *kiʃ* ‘свищ’, *kiʃem* ‘мой свищ’. К сожалению, низкая частотность этой фонемы не позволила рассмотреть ее в достаточной дистрибуции, но предварительные результаты показывают, что для нее коэффициент звонкости не превышает 0,01 вне зависимости от позиции.

Покажем на рис. 5 глоттограмму лексемы *pəjʃaŋ* ‘крыло’.

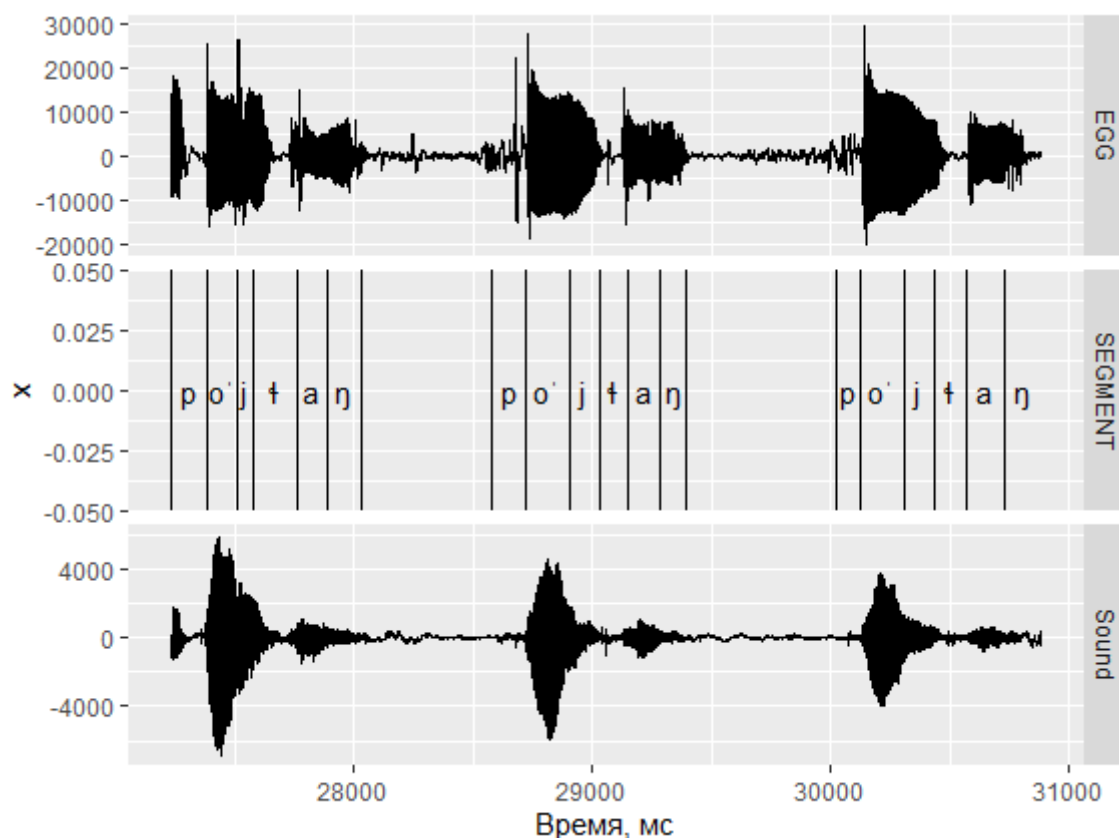

Рис. 5. Глоттограмма и осциллограмма лексемы *pəjʃaŋ* ‘крыло’

Fig. 5. Glottogram and waveform of the lexeme *pəjʃaŋ* ‘a wing’

На графике видно, что основная часть артикуляции звука [ʃ] не сопровождается фонацией основного тона, озвончение наблюдается только на границе с соседним звуком, что является контактным влиянием.

Наибольшую сложность для анализа представляют согласные, которые традиционно описывались как звонкие сонорные. Средний коэффициент звонкости для различных сонантов составляет 0,41–0,63, что закономерно ставит их в промежуточное положение между гласными и глухими согласными.

ми, а наличие шума позволяет квалифицировать их как малозумные в традициях Новосибирской фонетической школы. При этом отдельные произнесения имеют широкую вариативность от нулевого значения, характерного для глухих, до значений порядка 0,8, характерных для гласных.

Рассмотрим условия вариативности согласных.

Для носовых /m/, /n/, /ɲ/, /ŋ/ характерна следующая тенденция: в начальной и медиальной позициях данные согласные реализуются как звонкие с высоким коэффициентом звонкости, сопоставимым со значениями, характерными для гласных. В финальной позиции данные согласные произносятся двояко: либо как звонкие, либо с начальной звонкой частью и конечным оглушением. Так, высокое значение звонкости в инициальной позиции записано в лексемах *ma ɲirem* ‘моя обувь’ (0,36–0,55), *ɲərəm* ‘прут’ (0,55–0,67), *ɲir* ‘обувь’ (0,66–0,76).

В медиальной позиции записано в лексемах *ɲirmi* ‘капризный’ (0,58–0,7), *ma ɲirem* ‘моя обувь’ (0,56–0,65), *saŋki* ‘небо’ (0,66–0,74), *səŋki* ‘песок’ (0,34–0,69).

В финальной позиции с высоким значением коэффициента в лексемах *kōtam* ‘моя рука’ (0,59–0,73), *kūm* ‘склад’ (0,58–0,79), *ɲərəm* ‘прут’ (0,61–0,75), *wan* ‘короткий’ (0,59–0,61), *pōnta* ‘класть’ (0,68–0,78).

В финальной позиции с низким значением в лексемах *ma ɲirem* ‘моя обувь’ (0,17–0,19), *pāŋk* ‘мухомор’ (0–0,3).

На данном этапе мы не можем с высокой точностью определить условия позиционного оглушения носовых. Однако представляется, что оглушение зависит в первую очередь от синтагматических условий и темпа речи. Полное оглушение зафиксировано только в слове *pāŋk* ‘мухомор’ в конечной синтагме *ŋk*. При этом в той же лексеме записано и звонкое произнесение. Проиллюстрируем эту вариативность на глоттограмме троекратного произнесения лексемы (рис. 6).

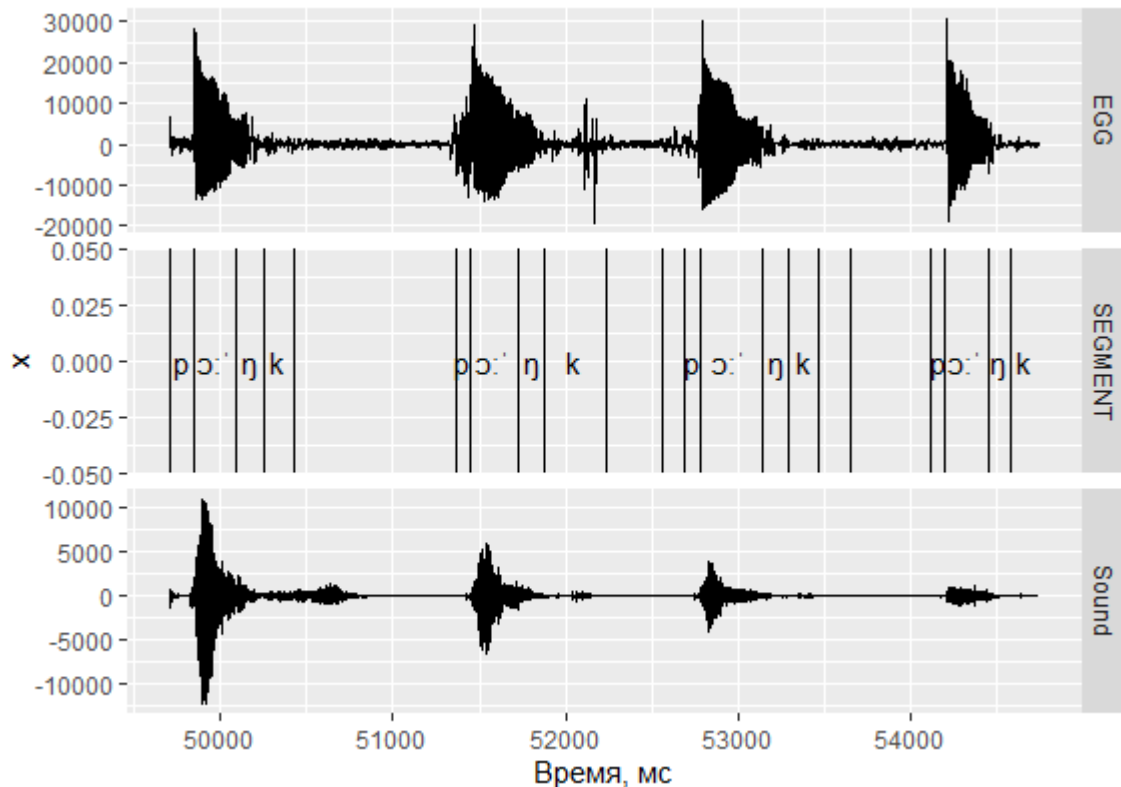

Рис. 6. Глоттограмма и осциллограмма лексемы *pāŋk* ‘мухомор’
Fig. 6. Glottogram and waveform of the lexeme *pāŋk* ‘a fly agaric’

График показывает, что в зависимости от динамики произнесения фонема может реализоваться с большей или меньшей активностью голосовых связок.

Боковой сонант // (l) зафиксирован только с высоким коэффициентом звонкости в лексемах *koļəy* ‘доха’ (0,64–0,78), *lek* ‘дорога’ (0,44–0,44), *miļ* ‘шапка’ (0,37–0,55).

Дрожащий /r/ ведет себя подобно носовому: в медиальной позиции имеет более высокие значения звонкости, в финальной позиции реализуется вариативно как звонкий или конечно оглушенный. Так, звонкий вариант записан в лексемах *k, ər* ‘болото’ (0,37–0,43), *k, uri* ‘корыто’ (0,54–0,6), *lārəm* ‘прут’ (0,19–0,74), *nirmi* ‘капризный’ (0,48–0,6), *tuŷər* ‘хвоя’ (0,59–0,7); конечно оглушенный – в лексемах *k, ər* ‘бык’ (0,13–0,22), *k, or* ‘просека’ (0,06), *tār* ‘озеро’ (0–0,16).

В то же время при артикуляции дрожащего наблюдается явление, не характерное для других сонантов: в начальной позиции он может сопровождаться резким всплеском глоттальной интенсивности, похожим на гортанный взрыв. Контур основного тона в этот момент может не определяться, как для глухого согласного, поэтому в подобной позиции наблюдается значительная вариативность коэффициента звонкости. Подобное явление зафиксировано в лексемах *rāk*, ‘жир’ (0–0,72), *rut* ‘русский’ (0,02–0,74). Описанный глоттальный взрыв отчетливо виден на глоттограмме, приведенной на рис. 4. Данное явление требует дальнейшего изучения.

Фонема /j/ также имеет тенденцию к вариативному конечному оглушению в финальной позиции. Так, конечнооглушенный вариант записан в лексемах *taj* ‘черпак’ (0,14–0,43), *tuŷ* ‘наперсток’ (0,22–0,37); звонкий – в лексеме *rōjlaŷ* ‘крыло’ (0,26–0,62); вариативность наблюдается в формах *raj* ‘куча’ (0,42–0,79), *pāj* ‘осина’ (0,25–0,69). Покажем на рис. 7 глоттограмму произнесения лексемы *pāj* ‘осина’.

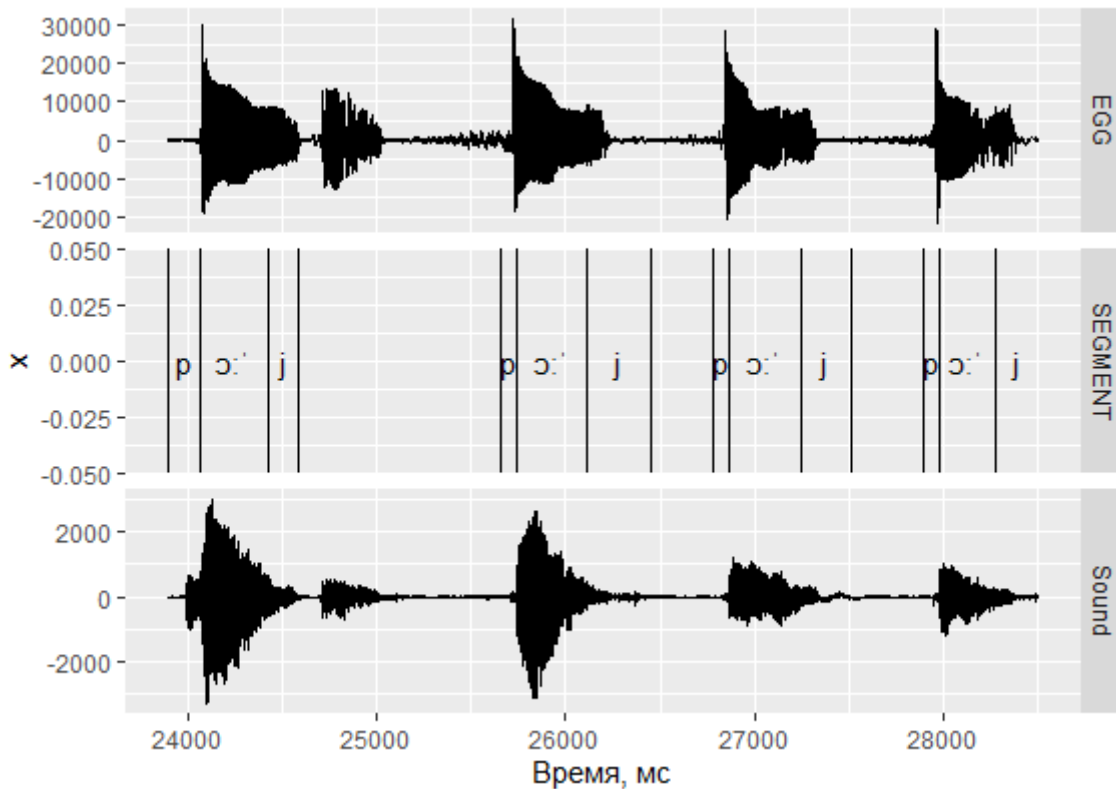

Рис. 7. Глоттограмма и осциллограмма лексемы *pāj* ‘осина’

Fig. 7. Glottogram and waveform of the lexeme *pāj* ‘an aspin’

Несколько сложнее характер произнесения фонем /w/ и /y/, поскольку /y/ не употребляется в инициальной позиции, а после огубленных гласных обе фонемы нейтрализуются в лабиовелярном звуке [ɥ], характер которого различается по диалектам [Ляпина, 2021, Ляпина, 2022]. При этом после неогубленных гласных фонема /w/ может выступать в оттенке [ɥ̥] (анализ транскрипций «Словаря восточнохантыйских диалектов» Н. И. Терешкина показывает, что это происходит повсеместно, кроме

юганского говора). Таким образом, на вариативность звонких и оглушенных оттенков накладывается различие огубленного и неогубленного варианта. Поэтому для описания этих фонем требуется дальнейшее исследование на более широкой дистрибуции. Предварительные результаты позволяют предполагать, что для данных фонем наблюдается качество, описанное выше: звонкое произнесение в инициальной и медиальной позициях, вариативное конечное оглушение в финальной позиции. Например, для фонемы /w/ в лексеме *wan* ‘короткий’ реализация имеет коэффициент звонкости 0,53–0,8; в лексеме *wɔn* ‘зять’ 0,59–0,72; *kāŷ* ‘камень’ 0,27–0,6; *sāŷ* ‘коса’ (0,59–0,64); *siŷ* ‘красота’ (0,3–0,69). Для фонемы /ŷ/ высокое значение зафиксировано в формах *pāŷ* ‘мальчик’ (0,55–0,6); *pāŷat* ‘мой мальчик’ (0,67); низкое – в словах *kōŷəŷ* ‘легкий’ (0–0,01); *kōŷəŷ* ‘доха’ (0).

Звук [ŷ], представленный в позиции нейтрализации /w/ и /ŷ/, записан в лексемах *tuŷər* ‘хвоя’ (0,29–0,33), *tōŷ* ‘кость’ (0,27–0,47), *joŷ* ‘народ’ (0,08–0,19), *oŷri* ‘дверь’ (0,72–0,75).

Покажем на рис. 8 глоттограмму троекратного произнесения слова *tōŷ* ‘кость’.

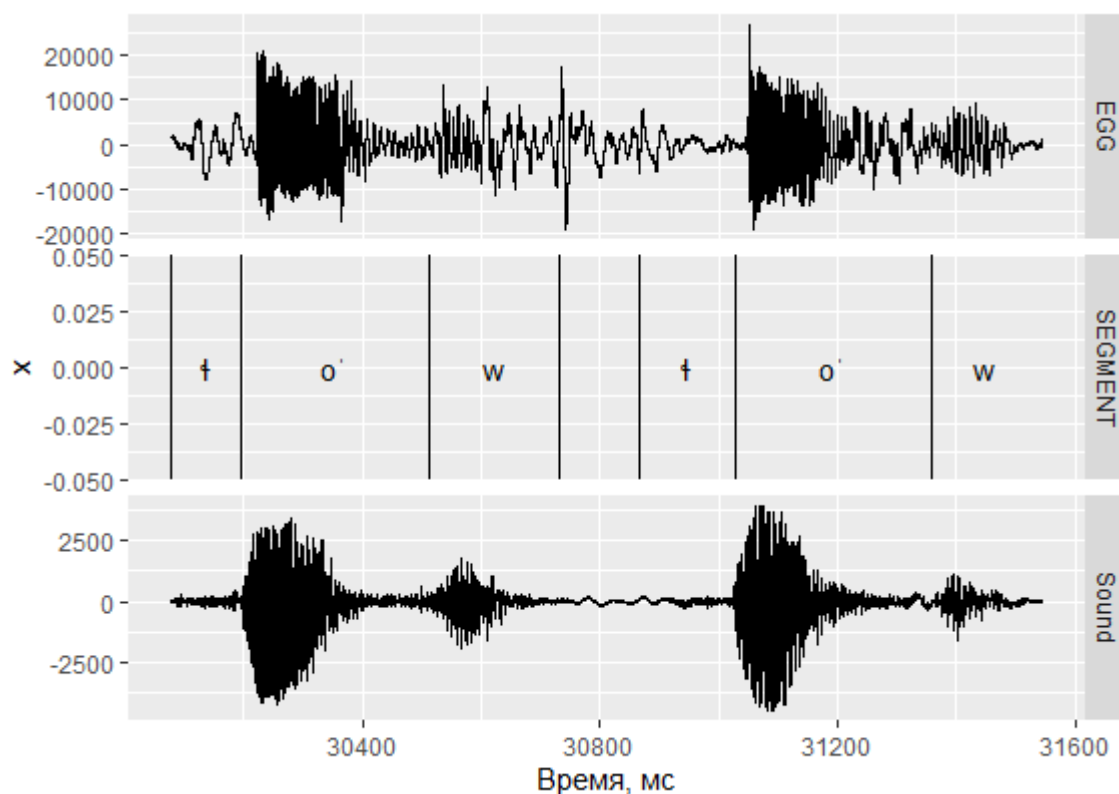

Рис. 8. Глоттограмма и осциллограмма лексемы *tōŷ* ‘кость’
Fig. 8. Glottogram and waveform of the lexeme *tōŷ* ‘a bone’

При произнесении шелевого согласного голосовые связки не расслаблены, как при фонации других конечно оглушенных аллофонов, но совершают непериодические колебания с низкой интенсивностью, что похоже на аспирацию, т. е. выход воздуха через голосовую щель с шумом.

Обсуждение

В «Словаре восточнохантыйских диалектов» Н. И. Терешкина согласные восточных диалектов хантыйского языка подразделяются на шумные и сонорные. К глухим шумным согласным отнесены *p, t, t', t, k, s, č*, к звонким шумным – *w* и *ŷ*, при этом указывается, что *ŷ* является значительно ослабленным и может озвончаться до степени сонорного согласного. Сонорными являются *m, n, ŋ, l, j, r*.

В монографии М. Чепреги, посвященной сургутскому диалекту хантыйского языка, согласные идиома делятся на малозумные, которые отличает озвончение, и шумные, которые произносятся

глухо. Также М. Чепреги указывает, что ртовые малошумные согласные всегда произносятся в звонких и частично оглушенных оттенках, однако условия позиционного оглушения в монографии не описаны. Носовые согласные, по М. Чепреги, всегда произносятся звонко и глухих оттенков не имеют [Чепреги, 2016].

Данные глоттографии подтверждают эти наблюдения и позволяют внести некоторые уточнения. В то же время целью настоящей работы являлось не только выявление особенностей реализации параметра звонкости в сургутском диалекте, но и апробация метода глоттографии на сибирском языковом материале. Так, все описанные выше наблюдения сделаны на основе одного параметра – частоты основного тона. В то же время частота основного тона может быть получена также на основе аудиозаписи, и встает вопрос о целесообразности применения метода глоттографии.

Для оценки качества методики мы провели контрольное измерение и определили на материале того же фонетического эксперимента те же самые характеристики исследуемых звуков, но опираясь не на глоттографию, а на акустический анализ. Проиллюстрируем это различие на рис. 9.

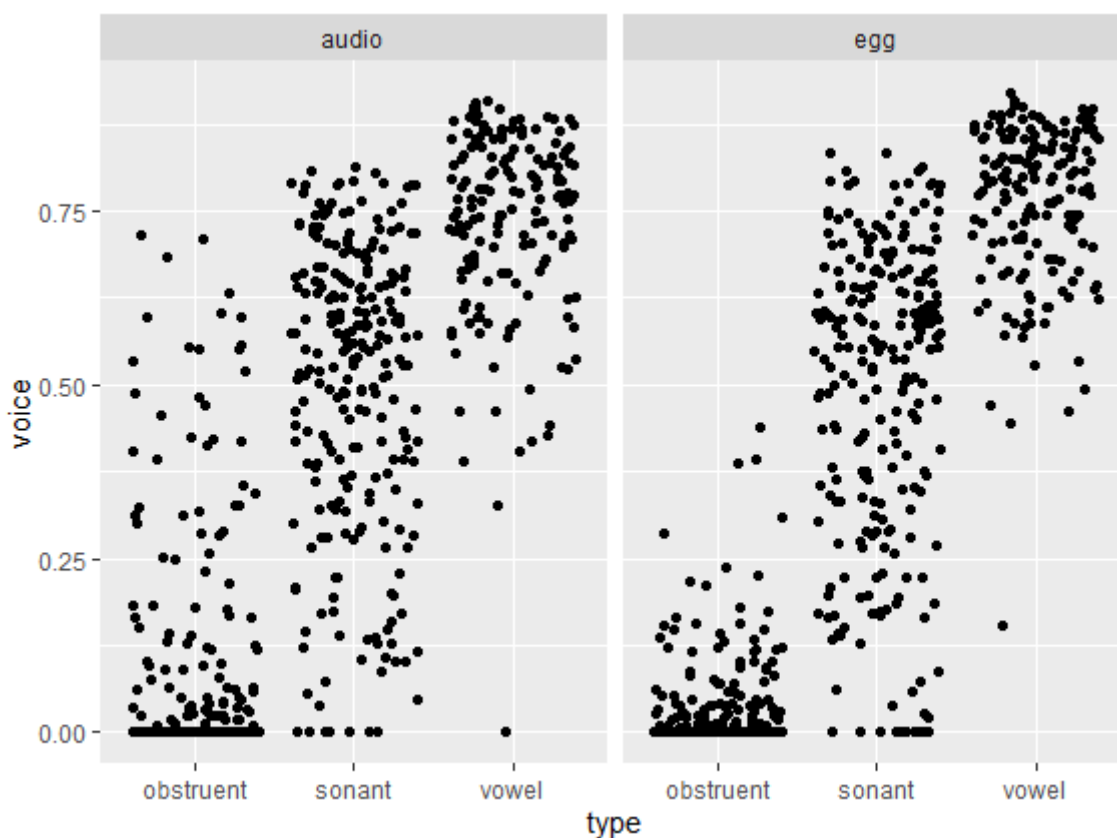

Рис. 9. Распределение коэффициентов звонкости в выборке по данным аудиозаписи и глоттографии
Fig. 9. Voicing coefficient distribution of the sample data based on audiorecording and glottography

Каждая точка на графиках обозначает отдельное произнесение звука в выборке. Звуки распределены на три группы: шумные согласные (obstruent), сонанты (sonant) и гласные (vowel). Положение точки по вертикальной оси показывает коэффициент озвонченности, вычисленный по формуле, описанной выше: произнесения без участия голосовых связок расположены в нижней части графика, произнесения, сопровождающиеся голосом, показаны в верхней части графика. График на правой панели основан на данных о частоте основного тона, вычисленных на основе глоттографии, на левой панели аналогичный график построен по акустическим данным. На правой панели можно увидеть, что, за исключением одной аномальной точки, глухие согласные и гласные составляют непересекающиеся группы, между которыми наблюдается четкая граница, в то время как сонанты широко варьируют.

На левой панели та же самая закономерность наблюдается менее отчетливо: разброс данных выше; глухие согласные и гласные имеют некоторую зону пересечения, что, конечно, говорит о недостаточном качестве данных. Следовательно, анализ частоты основного тона на основе акустических данных и глоттографии дают сопоставимые результаты и взаимно верифицируют друг друга, однако глоттография представляется намного более точным методом.

Выводы

Проведенный эксперимент позволяет прийти к следующим выводам.

Шумные согласные произносятся глухо. Некоторое озвончение может наблюдаться в интервокальной позиции и связано с остаточной фонацией голосовых связок, не имеющей фонологического значения в сургутском диалекте хантыйского языка. Частичное озвончение глухих при этом не достигает значений, сопоставимых с характеристиками звонких согласных.

Звонкие согласные могут реализоваться в оглушенных оттенках. Это положение соотносится с данными Н. И. Терешкина и М. Чепреги, но мы видим различия в распределении оттенков. Все звонкие фонемы реализуются в звонких оттенках в инициальной и медиальной позициях. В финальной позиции произношение согласных вариативно, может быть звонким, конечно оглушенным или глухим в зависимости от синтагматических условий. В наименьшей степени оглушение характерно для сонорного латерала // (l). При этом дрожащий /r/ может сопровождаться повышенной ларингальной активностью, которая требует дальнейшего изучения.

Учитывая компактность прибора и простоту исследовательской процедуры, можно сказать, что глоттография является одним из наиболее перспективных методов для экспериментального описания языков Сибири. Дальнейшие планы работы предполагают расширение материала и совмещение данных глоттографии с результатами других акустических и соматических методов.

Список литературы

Верте Л. А. Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 330 с.

Коряков Ю. Б., Давидюк Т. И., Евстигнеева А. П., Сюрюн А. А. Список языков России [электронный ресурс]. Дата обращения 25.08.2023, режим доступа http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml.

Ляпина П. А. Исследование дистрибуции звонких фрикативных согласных сургутского диалекта хантыйского языка с помощью методов осциллографии и спектрографии // Вестник угроведения. Т. 12. № 3. С. 463–475.

Терешкин Н. И. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.

Тимкин Т. В. Профили передней части языка в настройках согласных фонем сургутского диалекта хантыйского языка по данным электромагнитной артикулографии // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 156–170.

Тимкин Т. В. Акустические характеристики согласных фонем сургутского диалекта хантыйского языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 1. С. 106–116.

Уртегешев Н. С. Латеральнощелевые, обозначаемые графемами л и ль, в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник угроведения. 2019. Т. 10, № 1. С. 100–109.

Чепрега М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2016. 180 с.

Voersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.1.17, retrieved 15 June 2023 from <http://www.praat.org/>.

Dicanio Ch. The Phonetics of Fortis and Lenis Consonants in Itunyoso Trique // International Journal of American Linguistics, Vol. 78, No. 2 (April 2012). С. 239–272.

Howson P., Komova E., Gick B. Czech trills revisited: An ultrasound EGG and acoustic study // Journal of the International Phonetic Association. Т. 44, No. 2 (August 2014). С. 115–132.

Lindsey G., Hayward K., Haruna A. Hausa Glottalic Consonants: A Laryngographic Study // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Т. 55, No. 3 (1992). С. 511–527.

Michaud A., Xueguang H. Reassociated tones and coalescent syllables in Naxi (Tibeto-Burman). In: *Journal of the International Phonetic Association*. T. 37, No. 3 (December 2007). C. 237–255.

Pan H. Glottalization of Taiwan Min checked tones. // *Journal of the International Phonetic Association* T. 47, No. 1 (April 2017). C. 37–63.

Vieira M. *Electroglottography // Courses on Speech Prosody*. Cambridge Scholar Publishing, 2015. C. 52–97.

Winkelmann R., Harrington J., Jänsh K. EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R // *Computer Speech & Language*. 2017. T. 45. C. 392–410.

References

Boersma P., Weenink D. *Praat: doing phonetics by computer* [Computer program]. Version 6.1.17. URL: <http://www.praat.org/>. (accessed 15.06.2023)

Chepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Surgut dialect of Khanty]. Khanty-Mansiysk, 2016, 180 p. (In Russ.).

Diciano Ch. The Phonetics of Fortis and Lenis Consonants in Itunyoso Trique. *International Journal of American Linguistics*. 2012, vol. 78, no. 2, pp. 239–272.

Howson P., Komova E., Gick B. Czech trills revisited: An ultrasound EGG and acoustic study. *Journal of the International Phonetic Association*. 2014, vol. 44, no. 2, pp. 115–132.

Koryakov Yu. B., Davidyuk T. I., Evstigneeva A. P., Syuryun A. A. *Spisok yazykov Rossii (elektronnyy resurs)* [The chart of languages of Russia (electronic resource)]. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml. (accessed 25.08.2023) (In Russ.).

Lindsey G., Katrina H., Haruna A. Hausa Glottalic Consonants: A Laryngographic Study. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1922, vol. 55, no. 3 (1992), pp. 511–527.

Lyapina P. A. Issledovanie distributsii zvonkikh frikativnykh soglasnykh surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka s pomoshch'yu metodov ostsillografii i spektrografii [Research of distribution of voiced fricative consonants of the Surgut dialect of the Khanty language by oscillography and spectrography]. *Bulletin of Ugric studies*. 2022, vol. 12, no. 3, pp. 463–475. (In Russ.).

Michaud A., Xueguang H. Reassociated tones and coalescent syllables in Naxi (Tibeto-Burman). *Journal of the International Phonetic Association*. 2007, vol. 37, no. 3, pp. 237–255.

Pan H. Glottalization of Taiwan Min checked tones. *Journal of the International Phonetic Association*. 2017, vol. 47, no. 1, pp. 37–63.

Tereshkin N. I. *Slovar' vostochnokhantyyskikh dialektov* [East Khanty dialects dictionary]. Leningrad, Nauka, 1981, 544 p. (In Russ.).

Timkin T. V. Akusticheskie kharakteristiki soglasnykh fonem surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka [Acoustic characteristics of consonant phonemes of the Surgut dialect of the Khanty language]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021, no. 19 (1), pp. 106–116. (In Russ.).

Timkin T. V. Profili peredney chasti yazyka v nastroykakh soglasnykh fonem surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka po dannym elektromagnitnoy artikulografii [Shapes of the coronal section of the tongue of the consonant phonemes in Surgut Khanty according to electromagnetic articulography data]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 3, pp. 156–170. (In Russ.).

Urtegeshev N. S. Lateral'noshhelevye, oboznachaemye grafemami л і љ, v Surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka [Lateral fricatives marked with the л і љ letters in Surgut Khanty]. *Bulletin of Ugric studies*. 2019, vol. 10, no. 1, pp. 100–109. (In Russ.).

Verte L. A. *Konsonantizm khantyyskogo yazyka (eksperimental'noe issledovanie)* [Consonant system of Khanty language (an experimental study)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2003, 330 p. (In Russ.).

Vieiro M. *Electroglottography*. In: *Courses on Speech Prosody*. Meireles A. R. (Ed.). Newcastle upon Tyne, UK, Cambridge Scholar Publishing, 2015, pp. 52–97.

Winkelmann R., Harrington J., Jänsh K. EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R. *Computer Speech & Language*. 2017, vol. 45, pp. 392–410.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
15.09.2023*

Сведения об авторе

Тимкин Тимофей Владимирович – младший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: ttimkin@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9001-4729

Information about the Author

Timofey V Timkin – Junior researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: ttimkin@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9001-4729

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 81'37(=512.36)

DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-26-34

Семантика лексемы *həixəl* в бурятском языке

Е. В. Сундуева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Данная работа посвящена рассмотрению семантической сферы бурятской лексемы *həixəl*. По данным «Бурятско-русского словаря» единственным ее значением является ‘совесть’. Наличие производных с другими значениями, а также примеры из художественных произведений бурятских писателей, журналистов, содержащихся в Электронном корпусе бурятского языка, позволили автору выявить другие значения рассматриваемого слова. Возникнув с помощью фонетического способа словообразования путем чередования согласных в корне, *həixəl* в ряде случаев сохраняет значение производящего слова *сəдъхэл* ‘душа’, на основе которого в дальнейшем сформировались значения ‘симпатия, приязнь’, ‘душевность, отзывчивость’, ‘интимная связь’ и ‘желание’. Автор предполагает, что развитие значения ‘совесть’ у данной лексемы произошло под влиянием русского языка, ссылаясь на отсутствие специального слова со значением ‘совесть’ в халха-монгольском языке.

Ключевые слова

бурятский язык, семантика, сложное слово, словосочетание, совесть, душа, электронный корпус

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Сундуева Е. В. Семантика лексемы *həixəl* в бурятском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 26–34. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-26-34

Semantics of the lexeme *hešxel* in the Buryat language

E. V. Sundueva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

The semantics of the Buryat noun *hešxel* has not been investigated in Buryat linguistics. According to the Buryat-Russian Dictionary, the lexeme under consideration has the single meaning of “conscience.” This study aimed to reveal a holistic picture of the semantics of the lexeme under study. The Electronic Corpus of the Buryat language was chosen as an invaluable source for identifying the other meanings of the lexeme. The corpus contains 2.8 million instances of word usage documented in written texts, primarily of the literary style, accompanied by their meta-descriptions. The word *hešxel* was formed by the phonetic method of word formation from the word *sed'xel*

© Е. В. Сундуева, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

“thoughts, intention, soul, heart.” The alternation of root consonants *s//h, d’//š* can be traced. The analysis of the Electronic Corpus identified the original meaning of *hešxel* “soul” later extended to “sympathy, affection,” “sincerity, responsiveness,” “intimate connection” and “wish.” The meaning of “conscience” is believed to have originated from the concepts of “sincerity and responsiveness.” For example, the adverb *hešxelgüi* could be translated both “half-hearted, indifferent” and “unscrupulous, shameless.” Additionally, the meaning “conscience” is assumed to have appeared influenced by the Russian language, given the absence of a special word for “conscience” in the Khalkha-Mongolian language. Buryat language, at a certain point, probably needed a word to regulate human behavior in society to define moral guidelines. A further study of the Mongolic-language vocabulary characterizing human emotional states may expand the semantic structure of words and uncover the peculiarities of the value system of the Mongolic peoples.

Keywords

Buryat language, semantics, compound word, phrase, conscience, soul, electronic corpus

For citation

Sundueva E. V. Semantika leksemy *hešxel* v burjatskom yazyke [Semantics of the lexeme *hešxel* in the Buryat language]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 26–34. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-26-34

Введение

В монгольском языкознании ранее не было исследований, посвященных рассмотрению семантики бурятского слова *həixəl* ‘совесть’. Г. А. Дырхеевой проведен ассоциативно-вербальный эксперимент, в ходе которого слово *həixəl* было включено в список слов-стимулов как один из базовых константов-концептов, представляющих универсальные ценности [Дырхеева, 2020]. В целом лексика, обозначающая внутреннее состояние человека, становилась предметом изучения таких исследователей, как Г. Ц. Пюрбеев, Э. Б. Турдуматова [2010], Н. Б. Бадмацыренова [2012], Т. Б. Тагарова [2018], Б. Д. Цыренов [2020, 2022], Л. Д. Бадмаева [2022], Г. Н. Чимитдоржиева [2023] и др. Учеными Института филологии СО РАН проведено основательное исследование внутреннего мира человека и его жизненного пространства на материале тюркских языков в сравнении с другими сибирскими языками [Жизненное пространство..., 2021].

Материалом для данного исследования послужили монголоязычно-русские и русско-монголоязычные словари, а также примеры с сайта «Бурятский корпус» (http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru), объем которого достигает 2 млн 800 тыс. словоупотреблений, зарегистрированных в письменных текстах прежде всего художественного стиля. Рассматриваемое слово *həixəl* встречается в корпусе 87 раз, при этом его значения не всегда совпадают с приведенным в «Бурятско-русском словаре» единственным значением ‘совесть’. Совесть рассматривается как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [ТСРЯ, 2018–2019, с. 594]. В «Русско-бурятском словаре» даны три варианта перевода слова *совесть*: *həixəl, ханаа зоболго* (букв.: терзание мыслей), *сəдхэлэй ядарал* (букв.: душевный упадок) [РБС, 2008, с. 773]. В «Русско-монгольском словаре» – *сэтгэл* ‘душа’, *санаа* ‘мысли’, *дотоод сэтгэл* (букв.: внутренняя душа), *ичих нүүр* (букв.: стесняющееся лицо) [РМС, 1982, с. 967]; в «Калмыцко-русском словаре» – *седкл, санан* [РКС, 1965, с. 663]. Как видно, вместилищем совести могут быть как душа (*сəдхэл / сэтгэл / седкл*), так и сознание (*ханаа / санаа / санан*). В халха-монгольском языке ‘спокойная совесть’ – это, по сути, ‘спокойная душа’ (*сэтгэл амгалан*) либо ‘спокойные мысли’ (*санаа амар*), значение ‘совестливый’ передается с помощью сложных слов *сэтгэл зовдог* ‘со страдающей душой’ и *санаа зовдог* ‘терзающий мысли’. И лишь в бурятском для совести есть специальное слово *həixəl*. Целью данной работы является определение семантического пространства данного слова путем выявления других его значений.

Значение ‘совесть’

В «Бурятско-русском словаре» представлено единственное значение лексемы *həixəl* ‘совесть’ [БРС, 2008, с. 588]: *Угы даа, алууриша-дээрмэшэдтэ хюмһанай харыншье зэргэ һəixəl, арайшье халта уяран хайлаха сəдхэл байгаагүй* (М. Осодоев) ‘Но нет, не было у убийц-разбойников ни грана совести, ни капли жалости’ (здесь и далее перевод наш. – Е.С.).

Семема ‘совесть’ может реализовываться также посредством сложных слов, состоящих из *həixəl* и других компонентов. Два компонента – *шарай* ‘лицо’ и *үнгэ* ‘наружность, вид’ – свидетельствуют о том, что совесть проявляется на лице, она связана, в частности, с его покраснением, что свидетельствует о тесной связи совести и стыда. Например: *Нəixəl шарайи хаанаб?* ‘Где твоя совесть?’; *Хүнэй тоһо, хилээмэ эдижэ һуужа яагаа һəixəl үнгэгүй холтоһон гээшэбиш* (Ч. Цыдендамбаев) ‘Что ты за бессовестный паршивец, еще сидишь и ешь мой хлеб с маслом’.

Слово *шарай* ‘лицо’ служит для передачи различных эмоций, отражающихся на лице. Например: *шарай нимгэн* (букв.: с тонким лицом, т. е. быстро краснеющий) ‘смущающийся’, *шарайгаа хобхота* (букв.: содрать свое лицо) или *шарайгаа хубилгаха* (букв.: поменять лицо) ‘измениться в лице’, *шэг шарайгаа барайлгаха* ‘насупиться, нахмуриться’ и др.

Помимо сложных слов *həixəl шарай*, *həixəl үнгэ*, семема ‘совесть’ заложена в выражении *эшэхэ нюур* ‘стыд; совесть’ (букв.: стесняющееся лицо): *Хамаг зоной сүлөө забдагүй ажаллажа байхада, тэдэнэй нюдэн дээрэ хашалгүйхэн агнажа ябадаг, эшэхэ нюураа гээһэн ямар амитан бэ?* (Б. Мунгонов) ‘Что это за человек, потерявший всякую совесть, который спокойно охотится на глазах у людей, работающих без перерыва?’.

Чаще встречается форма *эшэхэ нюургүй* ‘бесстыдный; без всякого стыда, без зазрения совести’. В халха-монгольском языке значение ‘бессовестный’ передается прилагательными *ичих нүүргүй*, *ичгүүргүй сонжуургүй* [РМС, 1982, с. 28], основное значение которых ‘бесстыдный’, поскольку стыд – это чувство, которое является последствием действия совести. Как отмечают Б. В. Кунавин и И. К. Тедеева, «‘совесть’ активна, в ней присутствует волевое начало. Стыд же выражает лишь личное глубокое переживание... Таким образом, стыд связан лишь с чувством, а совесть не только с чувством, но и с мыслью, а также с волей» [Кунавин, Тедеева, 2021, с. 186].

Фразеологизм *улайха нюургүй, убайлха һəixэлгүй* ‘наглый, грубый, бессовестный, ≈ морда кирпичика просит’ [ФСБЯ, 2014, с. 323] дословно можно перевести как ‘не имеющий лица, что краснеет, не имеющий совести, что ощущается’: *Зүб лэ нөлбоо. Улайха нюургүй, убайлха һəixэлгүй амитантай ондоогоор аргагүй* (Б. Санжин, Б. Дандарон) ‘И правильно, что плюнул. С бессовестным человеком по-другому нельзя’.

Еще два компонента – *һэнгэр* и *һэбээ* – ныне утратили свое первоначальное значение, которое в настоящее время трудно установить, и функционируют в составе существительных *həixəl һэнгэр* и *həixəl һэбээ* ‘совесть’, от которых образованы прилагательные *həixəl һэнгэргүй* и *həixəl һэбээгүй* ‘бессовестный’. Например: *Тэрэ һургуули номдоош һурахаа болишоод, архида орожо, һəixəl һэнгэрээ алдаһан, комсомолһоо гаргагдаһан Гомбожабтай нишлэхэдэ, шимэл ха юм даа* (Ц. Шагжин) ‘Вот что значит связаться с Гомбожабом, который, бросив школу, начал пить, потерял совесть и был исключен из комсомола’; *Ямар ушарһаа хүн гээшэ шигэжэ дан эшэхэ нюургүй, һəixəl һэнгэргүй болоно гээшэб?* (Ц. Шагжин) ‘Как же человек может стать настолько бесстыдным и бессовестным?’; *Тэдэшни һəixəl һэбээгээ алдаһан зон, һамганайнгаа һүүлийн үмдэ худалдажа, хаарталдаха зон тэдэшни* (С. Цырендоржиев) ‘Это люди, потерявшие всякую совесть, они будут картежничать, даже продав последние штаны своей жены’; *Яагаа һəixəl һэбээгүй, хайрлаха сэдхэлгүй золигбиш?* (С. Цырендоржиев) ‘Что ты за бессовестный, безжалостный черт?’.

Второй компонент сложного слова *һэнгэр* служит также производящей основой для глагола *һэнгэрхэ* ‘обращать внимание’, прилагательного *һэнгэргүй* ‘не обращающий ни на что внимания, ни с чем не считающийся, бесшабашный’. Его семантика связана с формой *һэнише гэхэгүй* ‘как ни в чем не бывало, как с гуся вода’ (букв.: даже не хмыкнуть), из чего становится понятна образная основа *һэн* ‘хм, гм’, обозначающая выдох. Корень *һэн* функционирует в качестве междометия, обозначающего снисходительную иронию: *Һэн-һэн! Теэ яагааб?* ‘Ну-ну! И что ж?’ [БРС, 2008, с. 585]. Что же касается компонента *һэбээ*, то он, на наш взгляд, сопоставим с образной основой *һэб* в *һэб гэшоо* ‘стало легче (напр., по окончании какого-л. дела)’, *һэб-һэб үлээхэ* ‘легонько дуть (о ветре)’ и так же, как *һэнгэр*, имитирует выдох.

По результатам ассоциативно-вербального эксперимента, проведенного Г. А. Дырхеевой, слово *һэбээ* трижды встречается в списке реакций на слово *həixəl*, что свидетельствует о распространенности сложного слова *həixəl һэбээ*. Первое место по частотности занимает слово *хүн* ‘человек’ (8 раз), затем идут *сэбэр* ‘чистый’ (6 раз), *муу ябадал* ‘дурной поступок’ (5 раз), *совесть, хүнэй* ‘человеческий’ (4 раза), *муу* ‘плохой’, *һэбээн* (3 раза). Дважды представлены слова и словосочетания *зобо-*

хо ‘страдать’, *сагаан сэдхэл* ‘чистая душа’, *сэдхэл* ‘душа’, *ухаан* ‘ум, сознание’, *хайн* ‘хороший’, *hanaan* ‘мысль’, единожды *гүнэй досоо* ‘глубоко внутри’, *дотор* ‘внутри’, *зүрхэн* ‘сердце’, *муу ябадаг* ‘плохо поступает’, *нүхэр* ‘друг’, *найдал* ‘надежда’, *ойлгохо* ‘понимать’, *омогорхол* ‘гордость’, *сагаан* ‘белый’, *сэрэгшэн* ‘военный’, *үбдэнэ* ‘болит’, *үнэн зүб* ‘справедливость’, *худал* ‘ложь’, *хусаха* ‘лаять’, *хүнэй ажабайдал* ‘человеческая жизнь’, *хүнэй сагаан* ‘доброта’, *хүнэй сэдхэл* ‘душа человека’, *хайн хүн* ‘хороший человек’, *хайн ябадал* ‘добрый поступок’, *хайрхал* ‘хвастовство’, *хайхан* ‘красивый’, *hanaa бодол* ‘мысль’ [Дырхеева, 2020, с. 143]. Судя по реакциям, совесть связывается как с душевным, так и с умственным аспектами. Неслучайно семема ‘совесть’ может воплотиться в сложном слове с компонентом *hanaa* ‘мысль, дума’: *Nahan соогоо муу юумэ хээ бэшэб, хэихэл ханаандаа хирэ буригуй үхэхэдэ жаргал ха юм* (Б. Санжин, Б. Дандарон) ‘В жизни я не совершал ничего дурного, ведь это счастье умереть с чистой совестью’.

В значении ‘совесть’ лексема *хэихэл* вступает в те же семантические связи, что и в русском языке:

Таблица 1
Table 1

Глагольные словосочетания со словом *хэихэл*
Verbal phrases with the word *heřxel*

№	Словосочетание	Перевод	Пример из художественной литературы	Перевод
1	<i>хэихэлээ сагаалха, хэихэлээ сэбэрлэхэ</i>	‘очистить совесть’	<i>Иигэжэ тэрэ минии урда хаймархые, гэмтэй хэихэлээ сагаалхые оролдоо!</i> (Д. Эрдынеев).	‘Так он заискивал передо мной, стараясь очистить свою совесть.’
2	<i>хэихэлээ хүнгэлхэ</i>	‘облегчить совесть’	<i>Эгээл иигэжэ хэихэлээ хүнгэлөөгүйдөө, саашадаа нарата дэлхэй дээрэ яаж амыды ябахыши!</i> (А. Ангархаев).	‘Если так не облегчить свою совесть, как сможешь дальше жить на земле солнечной!’
3	<i>хэихэлээ гээхэ, хэихэлээ алдаха</i>	‘терять совесть’	<i>Тэрэнэй үгэдэ оронгүй ябахан би хэихэлээ үшөө гээгээгүйб</i> (Д. Доржиева).	‘Не поддаваясь его словам, пока совесть я не потеряла.’
4	<i>хэихэлээ мартаха</i>	‘забыть о совести’	<i>Иигэ иигэһээр хинагашидь, ОТК-гайхидишь харюусалгагүй байжа нурашоо, зосоохи үнэн хэихэлээ мартаа юм ха!</i> (Д. Эрдынеев).	‘Так постепенно и контролеры, и ОТК-шники призывали быть безответственными и позабыли о своей внутренней истинной совести.’
5	<i>хэихэлээ зобохо</i>	‘испытывать угрызения совести’ (букв.: мучить свою совесть)	<i>Тшимэ, тшимэ, гэм хэһэн хүн бүхэн хожомынь хэихэлээ зободог, мүнөө Гаржал тшимэ байдалда ороод ябана</i> (Д. Эрдынеев).	‘Да-да, каждый провинившийся человек впоследствии мучается угрызениями совести, и ныне Гаржал как раз в таком положении.’
6	<i>хэихэлээ хёмороохо</i>	‘терзаться угрызениями совести’ (букв.: терзать свою совесть)	<i>Хэихэлээ хёмороонгүй, али нэгэ тээшэнь шиидыт!</i> (Г.-Д. Дамбаев).	‘Не терзаясь угрызениями совести, решите в ту или иную сторону!’
7	<i>хэихэлые хэрюулхэ</i>	‘пробудить совесть’	<i>Юрэнхыдөө, хэихэлыемнай хэрюулхэ гэһэн хонхо зэдэлбэ гү?</i> (Г. Базаржапова-Дашеева).	‘Может, это в целом прозвенел звоночек для того, чтобы пробудить нашу совесть?’
8	<i>хэихэлээрээ болохо</i>	‘поступать по совести’ (букв.: быть по совести)	–	–
9	<i>хэихэлээрээ ажаллаха</i>	‘работать на совесть’	–	–

Как видно, совесть так же, как и душа, может переживать различные состояния: *зобохо* ‘страдать’, *амарха* ‘отдыхать’, *хэрихэ* ‘просыпаться’: «под влиянием мифологического мировоззрения в древние времена люди наделяли признаком одушевленности такие абстрактные понятия, как *санаа* ‘мысль, дума; душевное состояние, настроение’, *сэтгэл* ‘сердце, душа, психика» [Бадмацыренова, 2012, с. 35]. В русском языке совесть может *грызть*, *пожирать*, *упрекать*, а в польском даже вызывает появление прыщей (польск. *wyrzuty sumienia* – букв.: прыщи совести) [Стефанский, 2008, с. 91].

Значение ‘душа’

По нашему предположению, слово *хэихэл* появилось с помощью фонетического способа словообразования от слова *сэдьхэл* ‘помыслы; намерение; душа, сердце’, который проявляется в чередовании гласных и согласных звуков в корневых морфемах (например, монг. *дэвжих* ‘расти, развиваться, крепнуть, улучшаться’ – *дэгжих* ‘увеличиваться, усиливаться, расцветать’). У лексемы *сэдьхэл* также есть значение ‘совесть’: *амгалан сэдьхэл* ‘спокойная совесть’, *сэдьхэлэй сүлөө* ‘свобода совести’ [БРС, 2008, с. 207], что, однако, не отмечено в «Русско-бурятском словаре».

Данные Электронного корпуса бурятского языка позволили выявить употребление слова *хэихэл* в художественных произведениях в значении ‘душа’: *Халхын мориной хатар ямар хүнгэн бэ – / Хайрата шиниш ябадал шэнги ульгам лэ. / Хангай талын нюруу ямар үргэн бэ – / Ханилхан гансым хэихэл мэтэ сэлмэг лэ* (Л. Чимитов) ‘Как легка рысь халхаского скакуна – / Словно изящная походка твоя, любимая. / Как широка хангайская степь – / Точно чистая душа моей единственной’; *Сэлгээ талые агшаан табилагша хурдан хүлэг моридые, сэбэр хайхан инаг дуранай хэихэлые, орон нютагаа, уула хадануудаа, уһа голнуудаа магтажа дуулаһан тоогүй олон дуунуудые мэдэдэг* (Ц. Шагжин) ‘Знает бесчисленное множество песен, воспевающих быстрых коней, скачущих по привольной степи, душу, исполненную прекрасной любовью, горы и реки своей родины’. Слово сочетание *хэихэл гутааха* можно перевести как ‘плюнуть в душу’ (букв.: испортить душу): *Хэрбээ энэ нүхэртөө үгэһэн тангаригаа эбдээд, нүхэрэйнгөө хэихэл гутаагаад байгаа һаа, тамын галда шатажа үхүүжэм!* (Ц. Шагжин) ‘Пусть лучше я сгорю в адском огне, чем нарушу клятву, данную этому другу, и плюну ему в душу’.

В следующем примере слова *сэдьхэл* и *хэихэл* встречаются в паре: *...Ульгэр жэшиэтэ үе саг тухайда, / Дэлгэр хайхан сэдьхэл хэихэл тухайда / Бэшэжэл бэшэжэл байхын тула саашаада / Бэхэтай шэргэшиггүй булаг болог лэ, / Гуурһантай элэшиггүй булаг болог лэ* ‘...Об образцовых временах, / О широкой прекрасной душе / Чтобы писать бесконечно, / Пусть чернила ваши станут неиссякаемым родником, / Пусть перо ваше станет неистончаемым клинком!’ (Ц. Жамбалов). В нашей статье «Внутренняя форма лексемы *sedkil* ‘душа’ в монгольских языках», изданной в 2018 г., была рассмотрена внутренняя форма лексемы *sedkil* ‘душа’: корень *sed-* мог передавать воодушевление, душевный подъем, т. е. внезапный прилив энергии в груди, появление желания, намерения совершить действие. Глагольное значение в *sedki-* предположительно развивалось следующим образом: ‘желать, хотеть’ → ‘намереваться’ → ‘думать, размышлять’, т. е. от значения, передающего душевный порыв, к значению, обозначающему ментальную деятельность [Сундуева, 2018].

В «Бурятско-русском словаре» указано, что прилагательное *хэихэлгүй*, помимо значения ‘бессовестный’, означает ‘черствый (о характере)’: *хэихэлгүй зан* ‘черствость’ (букв.: бездушный характер), *хэихэлгүй хүн* ‘черствый человек’, *хэихэлгүй болохо* ‘черстветь’ (букв.: становиться бездушным), а также *хэихэл үнгэгүй ябадал* ‘бездушие’ (букв.: бездушное поведение) [БРС, 2008, с. 588]. Отсюда следует, что слово *хэихэл* имеет такие значения, как ‘душевность, чуткость, отзывчивость’. Это также подтверждают примеры из художественной литературы. Так, словосочетания *хэихэлтэй байха*, *хэихэлтэй ябаха* можно перевести как ‘быть в ладу, ладить, жить душа в душу, быть в добрых отношениях’: *Ажалаа түрүүшынгээ үдэрһөө хайнаар эхилхэ ёһотойи... Зонoor хэихэлтэй ябаха хэрэгтэй* (А. Ангархаев) ‘Ты должен хорошо начать прямо с первого рабочего дня... С людьми нужно ладить’; *Айл аймагтаяа хэихэлтэй байгайбди* (Д. Эрдынеев) ‘Пусть у нас будут добрые отношения с соседями’. У прилагательного *хэихэлтэй* выявляется не только значение ‘совестливый’, но и ‘доброжелательный, отзывчивый’: *Тэрэһини яһалал хэихэлтэй һамган байгаа. Өөрынгөө үмсын үбһэ үгэлсэжэ байгаад, малыетнай тэжээгээ юм* (Ц.-Ж. Жимбиев) ‘Она была довольно отзывчивой женщиной. Делясь своим сеном, выкормила ваш скот’.

В дальнейшем на основе значения ‘быть в ладу, дружить’ развилось значение *hэихэлтэй болохо* ‘состоять в интимной связи; сожительствовать’ [БРС, 2008, с. 588]: *Юрэдөө, тэрэ хальмаг хүбүүнтэй шамайе hэихэлтэй болоо гэжэ дуулаа нэм* (Ц.-Ж. Жимбиев) ‘В общем, дошли слухи о том, что ты сожительствуешь с тем калмыком’. Примечательно, что у В. Гармаева слово *hэихэл* взято в кавычки: *Ушарынь юуб гэхэдэ, Жэмбэ баянай газар ухан дээрэхи ганса басаганиинь Сандан ламатай «hэихэлтэй» болоод, тэрэ Цыден-Жаб хүбүүе түрөө* (В. Гармаев) ‘Дело в том, что единственная на земле дочь богача Жимбэ вступила в связь с Сандан-ламой и родила того сына Цыден-Жаба’. Также встречается вариант *hэихэлтэй хайнууд болохо* (букв.: статья доброжелательными и хорошими): *«Үгы даа, иигэхэ байна! Эхэнэртэй хайдалдаад, намга абанишьегүй ябадаг ламанар али олон ха юм! Hэихэлтэй хайнууд болоод, хааяа хоноод ерээжэ байхадамни, хэн hэжэглэхэ нэм?» гэжэ сэдхэхэдэнь, зосоонь тэгшэржэ, аятай зохид болошобо* (Д. Батожабай) ‘Нет, нужно поступить так! Ведь много лам, которые, сойдясь с женщинами, не женятся на них! Никто же ничего не заподозрит, если я сойдуся и иногда буду оставаться на ночь? – так думал он, и на душе его становилось спокойнее’. От существительного *hэихэл* в значении ‘интимная связь’ образован глагол *hэихэлтэхэ* ‘быть в интимных отношениях; вступать в соительство’ [БРС, 2008, с. 588]: *Будаев намгатай хүн аад, бэлбэһэн Балданова Хорлодо hэихэлтэнэ* (Г.-Д. Дамбаев) ‘Будаев, будучи женат, имеет отношения с вдовой Хорло Балдановой’.

В сочетании со словом *дура(н)* ‘любовь, симпатия’ лексема *hэихэл* приобретает значения ‘симпатия, приязнь, расположение’: *Хамаг малшадай дура hэихэл, хүндэ ямбыень даруу сэсэн зангаараа гүйсэд эзэлһэн Дарима басаган үдэр ерэхэ бүри нюдээе уһатуулан, газар шагаадаг болобо* (Д. Батожабай) ‘Девушка Дарима, своей скромностью и умом завоевавшая любовь и уважение всех скотоводов, с каждым днем все чаще стала глядеть вниз переполненными от слез глазами’. Именно это значение легло в основу послелого *hэихэлдэ* ‘в угоду кому-л., ради’, т. е. ‘с целью вызвать приязнь, сделать что-л. приятное’: *Тиэхэдэнь тэрэ баян хүн хайхан намганайнгаа hэихэлдэ гэжэ үдэр бүри хони алуулжа, бөөрыень эдюулдэг байгаа хан* (Х. Намсараев) ‘Тогда тот богач в угоду своей прекрасной жене велел каждый день забивать овцу и кормить ее бараньими почками’; *Хүндэтэ айлшадай ерэхэн hэихэлдэ урда ба зүүн талын зарим сонхонууд нээгдэжэ, гэр соо гэрэлтэй болоно* (Ч. Цыдендамбаев) ‘Для того чтобы угодить почетным гостям, были открыты некоторые окна с южной и восточной сторон, и в доме стало светло’.

С тем же значением ‘угождать’ функционирует сложное слово *hэихэл тэбишэхэ*: *Эрдэни дотороо энэбхилэн, үбгэнэй hэихэл тэбишэжэ, дуугай ябажа үгэбэ* (С. Доржиев) ‘Эрдэни, смеясь про себя, промолчал, чтобы угодить старику’; *Дагба Семёной hэихэл тэбишэжэ, улхан соогоо үлөөгшэ ханууса эдижэ оробо* (Ц. Шагжин) ‘Дагба в угоду Семену принялся доедать оставшуюся в чаше капусты’. Следует отметить, что в бурятском языке представлен и вариант со словом *сэдхэл*: *сэдхэл тэбишэхэ* ‘угождать’, *сэдхэл тэбишэжэ ядаха* ‘не желать огорчать, расстраивать’: *Доржо Галсан хоёроо Хэшиэгтэ табиха дурагүй байжа, тэдэнэр, сэдхэлыень тэбишэжэ ядан, үдэшэ орой болотор нуулсабад* (Ч. Цыдендамбаев) ‘Хэшиэгтэ не хотел отпускать Доржо и Галсана, и поэтому они, желая угодить, просидели с ним до вечера’; *Энэ Кузьмамни уни-и намга абахаар болоһон аад, мүнөө хүрэтэрөө абанагүй. Аба гэжэ ядааб. Миншингээ сэдхэл тэбишэжэ ядана хэбэртэй, баарһан* (Б. Мунгонов) ‘Кузьма мой давно-о мог бы жениться, но не женится. Устала его уговаривать. Видимо, не хочет меня огорчать, беденький’. Здесь глагол *тэбишэхэ* при основных значениях ‘воздерживаться, избегать; оставлять, отступать; сносить обиды’, вероятно, выступает в значении ‘беречь’, т. е. ‘беречь душу’. Подобная модель представлена в халха-монгольском языке: *амь тэвчих* ‘воздерживаться от лишения жизни кого-л.’ [БАМРС, 2001, с. 280], т. е. ‘беречь чью-л. жизнь’.

В некоторых формах *hэихэл* приобретает семантику, близкую к значению слова *дуран* ‘желание, охота’, например: *hэихэлээр* ‘по желанию’, *hэихэлээрээ* ‘по своему желанию’, *hэихэлтэй* ‘имеющий желание’: *Хэрэг ажалаа танил талын hэихэлээр бүтээдэг, дүтэ түрэл, үгээ дуулгаха хүнүүдээрээ бээ тойруулжа, хүнэй нюур харадаг болоо хаа, урагшаа ябахаа болихобди* (Д. Эрдынеев) ‘Мы не сможем двигаться вперед, если будем выполнять работу по желанию знакомых, окружим себя близкими, сговорчивыми людьми и станем лицемерить’; *Hэихэлээрээ хоол хэжэ эдеэрэй, үхэхэн хара бэдхэ* (Э. Манзаров) ‘Ешь, сколько влезет, язва’; *Та намайе хүндэлхэ hэихэлтэй хаа культурнаар хөөрэлдэгты* (Ж. Тумунов) ‘Если вы хотите уважить меня, говорите культурно’.

Заключение

Таким образом, данные Электронного корпуса бурятского языка позволили прийти к выводу, что семантика слова *hэixэл* изначально была близка к значению производящего слова *сэдьхэл* ‘душа’, затем развились значения ‘симпатия, приязнь’, ‘душевность, отзывчивость’, ‘интимная связь’ и ‘желание’. Отсутствие специального слова со значением ‘совесть’ в халха-монгольском языке позволяет предположить, что развитие в бурятской лексеме *hэixэл* значения ‘совесть’ произошло от необходимости обозначить русское понятие *совесть*, т. е. оно возникло под влиянием русского языка. В современной публицистике встречаются калькированные словосочетания, например, название статьи Ц.-Д. Дондоковой «*Һэшхэлтээ урда урдаһаа харалсажа...*» («Наедине с совестью»), опубликованной в газете «Буряад Үнэн» в январе 1988 г. Вероятно, в определенный момент в бурятском языке стало необходимым появление слова для регламентации поведения человека в обществе, определения нравственных ориентиров. «Человеку дается представление об ответственности за свою собственную душу и жизненный путь, но не в автономии, а во взаимосвязи с жизнью других, с поступками и действиями по отношению друг к другу. Сохранность и целостность души находится в ответственности одновременно отдельного человека и рода, социальной общности в целом» [Пюрбеев, Турдуматова, 2010, с. 130]. Процесс перехода ‘душа’ → ‘совесть’ можно проследить в следующем примере: *Юундэ шимэ муухайгаар, юундэ шимэ һэixэлгүйгөөр намда хандаба гээшэб тэрэ хүн?* (Б. Мунгонов) ‘Почему тот человек так плохо, так бессовестно со мной обошелся?’. Здесь лексема *hэixэлгүйгөөр* ‘бессовестно’ может переводиться как ‘бездушно, без симпатии’. Дальнейшее изучение монгольязычной лексики, характеризующей эмоциональное состояние человека, позволит расширить семантическую структуру лексических единиц, выявить особенности системы ценностей монгольских народов.

Список литературы

- Бадмаева Л. Д.* Междометия бурятского языка: рациональное vs эмоциональное // Мир Центральной Азии-V: сб. науч. ст., Улан-Удэ, 30 июня – 03 июля 2022 г. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2022. С. 451–453.
- Бадмацыренова Н. Б.* Концепт «душа» в монгольской языковой картине мира // Санжеевские чтения-7: материалы Всерос. науч. конф. (с участием зарубежных ученых), посв. 110-летию проф. Г. Д. Санжеева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 34–36.
- Дырхеева Г. А.* Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. 236 с.
- Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири* / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Е. В. Тюттешева. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.
- Кунавин Б. В., Тедеева И. К.* Концепты «честь» и «совесть» в русской языковой картине мира // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 183–189.
- Пюрбеев Г. Ц., Турдуматова Э. Б.* Концепт «душа» в языковом сознании русских и калмыков // Гуманитарные исследования. 2010. № 4 (36). С. 125–130.
- Стефанский Е. Е.* Концепт «совесть» в русской, польской и чешской лингвокультурах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 72. С. 124–131.
- Сундуева Е. В.* Внутренняя форма лексемы *sedkil* ‘душа’ в монгольских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 2. С. 83–89.
- Тагарова Т. Б.* Образ человека в сравнительных конструкциях бурятского языка: эмоционально-оценочный аспект // Вестн. Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 5. С. 92–102.
- Цыренов Б. Д.* Лексика отрицательной характеристики человека в бурятском языке // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Абакан, 01–02 окт. 2020 г. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2020. С. 97–98.
- Цыренов Б. Д.* Эмотивы со значением ‘злость, гнев’ в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 2. С. 58–66.

Чимитдоржиева Г. Н. Понятие счастье в лексике монгольских языков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 1 (42). С. 68–76.

Список источников

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 3. Ө–Ф. 440 с.
- РМС – Дамдинсүрэн Д., Лувсандэндэв А. Русско-монгольский словарь. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. 840 с.
- ТСРЯ – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование. 2018–2019. 736 с.
- РКС – Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. 803 с.
- ФСБЯ – Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 565 с.
- РБС – Шагдаров Л. Д., Очиров Н. А. Русско-бурятский словарь. Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2008. 904 с.
- БРС – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О–Я. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2008. 708 с.

References

- Badmaeva L. D. Mezhdometiya buryatskogo yazyka: ratsional'noe vs emotsional'noe [Interjections of the Buryat language: rational vs emotional]. In: *Mir Tsentral'noy Azii-V: sb. nauch. st., Ulan-Ude, 30 iyunya – 03 iyulya 2022 g.* [The World of Central Asia-V: coll. of sci. art.]. Novosibirsk, SB RAS, 2022, pp. 451–453. (In Russ.)
- Badmatsyrenova N. B. Kontsept “dusha” v mongol'skoy yazykovoy kartine mira [Concept “soul” in the Mongolic language picture of the world]. In: *Sanzheevskie chteniya-7: materialy Vseros. nauch. konf. (s uchastiem zarubezhnykh uchenykh), posv. 110-letiyu prof. G. D. Sanzheeva* [Sanzheev Readings-7: Proceedings of the All-Russian scientific conference (with participation of foreign scientists), dedicated to the 110th anniversary of Prof. G. G. Sanzheev]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2012, pp. 34–36. (In Russ.)
- Chimitorzhieva G. N. Ponyatie schast'ye v leksike mongol'skikh yazykov [The concept of happiness in the vocabulary of the Mongolic languages]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2023, no. 1(42), pp. 68–76. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A. *Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: osobennosti transformatsii yazykovogo soznaniya (po rezul'tatam assotsiativnogo eksperimenta)* [Buryat language in the conditions of bilingualism: peculiarities of the transformation of linguistic consciousness (based on the results of an associative experiment)]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2020, 236 p. (In Russ.)
- Kunavin B. V., Tedeeva I. K. Kontsepty “chest” i “sovest” v russkoy yazykovoy kartine mira [Concepts “honor” and “conscience” in the Russian language picture of the world]. *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2021, no. 3, pp. 183–189. (In Russ.)
- Pyrbeev G. Ts., Turdumatova E. B. Kontsept “dusha” v yazykovom soznanii russkikh i kalmykov [Concept “soul” in the linguistic consciousness of Russians and Kalmyks]. *Humanitarian Researches*. 2010, no. 4(36), pp. 125–130. (In Russ.)
- Stefanskiy E. E. Kontsept “sovest” v russkoy, pol'skoy i cheshskoy lingvokul'turakh [Concept “sovest” (“conscience”) in Russian, Polish and Czech linguistic cultures]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008, no. 72, pp. 124–131. (In Russ.)
- Sundueva E. V. Vnutrennyaya forma leksemy sedkil ‘dusha’ v mongol'skikh yazykakh [Inner form of the word sedkil ‘soul’ in Mongolic languages]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2018, vol. 16, no. 2, pp. 83–89. (In Russ.)
- Tagarova T. B. Obraz cheloveka v sravnitel'nykh konstruktivnykh buryatskogo yazyka: emotsional'no-otsenochnyy aspekt [The image of a person in comparative constructions of the Buryat language: emotional and evaluative aspect]. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2018, no. 5, pp. 92–102. (In Russ.)

Tsyrenov B. D. Emotivy so znacheniem “zlost’, gnev” v mongol’skikh yazykakh [Emotives meaning ‘anger’, ‘furor’ in Mongolic languages]. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2022, no. 2, pp. 58–66. (In Russ.).

Tsyrenov B. D. Leksika otritsatel’noy kharakteristiki cheloveka v buryatskom yazyke [Vocabulary of a negative characteristic of a person in the Buryat language]. In: *Sokhranenie i razvitie yazykov i ku’tur korennykh narodov Sibiri: materialy IV Vseross. nauch.-prakt. konf., Abakan, 01–02 okt. 2020 g.* [Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia: materials of the IV All-Russian scientific and practical conference, Abakan, 01–02 Oct. 2020]. Abakan, Katanov Khakass State University, 2020, pp. 97–98. (In Russ.).

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyy mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia]. N. B. Koshkareva, E. V. Tyuntesheva (Eds.). Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 300 p. (In Russ.).

Sources

Bol’shoy akademicheskiy mongol’sko-russkiy slovar’ [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. G. Ts. Pyurbееv (Ed. in Ch.). Moscow, Academia, 2001, vol. 3 (Ө–F), 440 p.

Damdinsüren D., Luvsandendeв A. *Russko-mongol’skiy slovar’* [Russian-Mongolian Dictionary]. Ulaanbaatar, Ulsyn khevleliyn gazar, 1982, 840 p.

Frazeologicheskiy slovar’ buryatskogo yazyka [Phraseological Dictionary of the Buryat Language]. T. B. Tagarova (Comp.). Irkutsk, ISU, 2014, 565 p.

Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, Mir i Obrazovanie, 2018–2019, 736 p.

Russko-kalmytskiy slovar’ [Russian-Kalmyk Dictionary]. I. K. Ilishkin (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1964, 803 p.

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryad-orod toli. V dvukh tomakh* [Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols.]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2008, vol. 2 (O–Ya), 708 p.

Shagdarov L. D., Ochirov N. A. *Russko-buryatskiy slovar’* [Russian-Buryat Dictionary]. Ulan-Ude, Buryad ünеn, 2008, 904 p.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.05.2023*

Сведения об авторе

Сундужева Екатерина Владимировна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: sundueva@mail.ru

ORCID 0000-0003-2299-3384

Information about the Author

Ekaterina V. Sundueva – Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: sundueva@mail.ru

ORCID 0000-0003-2299-3384

МОРФОЛОГИЯ

УДК 398.8(811.512.156)
DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-35-44

Функционирование причастных форм в ламунхинском говоре эвенского языка

С. И. Шарина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН, Якутск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются причастные формы глагола в ламунхинском говоре эвенского языка. Приводится классификация эвенских диалектов и говоров и место ламунхинского говора в данной системе. Отмечается, что состав причастных форм в говоре представлен значительно шире. Впервые фиксируется употребление в ламунхинском говоре ранее не выявленных причастий: долженствовательного, страдательного и причастия возможного действия со значением долженствительности. На основании морфологических критериев и семантического наполнения дифференцируются в отдельные разряды перфектное причастие и причастие удобства для совершения действия. Материалом для написания данной статьи послужили полевые материалы автора.

Ключевые слова

эвенский язык, ламунхинский говор, глагол, причастные формы

Для цитирования

Шарина С. И. Функционирование причастных форм в ламунхинском говоре эвенского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 35–44. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-35-44

Functioning of participial forms in Lamukhinskiy dialect of the Even language

S. I. Sharina

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article considers the participial forms of the verb in the Lamukhinskiy dialect of the Even language. The Lamukhinskiy dialect is understandable to most speakers of the Western dialect of the Even language spoken in Yakutia. The Lamukhinskiy dialect is prevalent in the territory of the Kobyai district of the Republic of Sakha (Yakutia) within the villages of Sebyan-Kyuel and Segyan-Kyuel. This idiom is currently among the most prosperous Even dialects with a higher vitality in terms of functioning parameters and social indicators: about 800 people regularly communicate in it, with intergenerational transmission preserved in the area of the language community. A detailed examination of the most commonly used verbal forms, i.e., the participles in the Lamukhinskiy dialect, is necessary to complete the data on specific issues of morphology and syntax in Tunguso-Manchu linguistics. In contrast to other Eastern and Western dialects, the composition of participial forms in the dialect under consideration is much broader. This study has identified for the first time the use of previously unidentified participles of the following ac-

© С. И. Шарина, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

tions: obligatory, passive, and possible with obligatory meaning. The analysis of morphological criteria and semantic content identified the perfect participle and the participle of convenience for performing an action. The article presents the author's version of the classification of the Even dialects, including the Lamukhinskiy dialect. The study was performed based on the field materials collected by the author.

Key word

Even language, Lamukhinskiy dialect, verb, participle.

For citation

Sharina S. I. Funktsionirovanie prichastnykh form v lamukhinskom govore evenskogo yazyka [Functioning of participial forms in Lamukhinskiy dialect of the Even language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 35–44. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-35-44

Введение

Традиционно к инфинитным формам глагола относят причастия, деепричастия, а также инфинитив и имена действия как особые формы глагола. В эвенском языке их различение и отнесение к различным грамматическим классам, обладающим определенными категориями и семантикой, не вызывает особых трудностей. Однако, насколько можно судить по материалам недостаточно изученных и не имеющих систематического описания говоров и диалектов, отмечается функционирование форм, которые отсутствуют в существующих описаниях эвенского языка. Следует также подчеркнуть и наличие некоторых нерешенных вопросов и спорных точек зрения, связанных с составом и грамматическим статусом причастных и деепричастных форм эвенского языка.

В данной связи более детальное рассмотрение наиболее употребительных в эвенском языке отглагольных образований – причастий – в одном из интереснейших эвенских говоров – ламунхинском – важно для пополнения данных по частным вопросам морфологии и синтаксиса в области тунгусо-маньчжурского языкознания.

1. Классификация эвенских диалектов и говоров и место ламунхинского говора в данной системе

Эвенский язык представлен множеством диалектов и говоров, однозначная классификация которых ранее не была выработана. В настоящее время известны несколько подходов к классификации эвенских диалектов. При систематизации эвенских диалектов и говоров ламунхинский говор относился к западному или к крайне-западному наречию.

Учитывая расхождения на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков, исследователи эвенского языка в разное время выделяли различное количество наречий и в их составе говоров, диалектов (см. табл. 1).

Все приведенные классификации нуждаются в уточнениях на основе фонетических и морфологических особенностей и наиболее ярких особенностей говоров в части лексики. Сегодня ареальные исследования эвенского языка еще не доведены до логического конца, возникает необходимость дальнейшего сбора материалов по отдельным районам Якутии. Имеющиеся полевые и архивные материалы количественно и качественно не отвечают требованиям, что мешает решению вопроса разграничения или объединения говоров среднего и западного наречий. Существенно при этом учесть то, что современные лингвистические границы говоров не совпадают с административными границами. Наблюдаемый ныне лингвистический ландшафт может быть обусловлен уже не существующим географическим. Сегодня перед лингвистами стоят задачи выяснения территорий распространения отдельных эвенских говоров, их системного описания, вписывания некоторых говоров и диалектов, данные по которым в литературе отсутствовали или были недостаточно полными, в новую дополненную и уточненную классификацию.

Таблица 1
Table 1Классификация эвенских диалектов и говоров
Classification of Even dialects and dialects

[Цинциус, 1947]	[Новикова, 1960]	[ССТМЯ, 1975–1977]	[Бурькин, 2004]
2 наречия, 11 говоров	3 наречия, 12 говоров	3 наречия, 15 говоров	2 наречия, 26 говоров
Восточное наречие: ольский, колымско-омолонский, камчатский, охотский, верхнеколымский, индигирский, томпонский. Западное наречие: саккырырский (или саккырырский), ламунхинский, юкагирский; отдельно выделяется арманский диалект.	Восточное наречие: ольский, охотский, пенжинский, быстринский, анадырский, колымско-омолонский. Среднее наречие: томпонский, момский, аллайховский говоры. Западное наречие: ламунхинский и тюгесирский говоры; арманский диалект.	Восточное наречие: ольский, анадырский, быстринский, колымско-омолонский, охотский, пенжинский, североэвенский говоры. Среднее наречие: аннойский, аллайховский, момский, томпонский говоры. Западное наречие: саккырырский, тюгесирский и юкагирский говоры; арманский диалект.	Восточное наречие: камчатский диалект (быстринский, олюторский говоры), окланский, ольский диалект (ольский, пенжинский, гижигинский, таватумский, тауйский, прианадырский березовский, рассохинский, улахан-чистайский говоры), тенькинский диалект. Западное наречие: аркинский, усть-майский, ульинский диалект, верхнеколымский диалект, нижнеколымский диалект, индигирский диалект (оймяконский, томпонский, момский), аллайховский диалект (говор), усть-янский диалект, саккырырский диалект (тюгесирский и ламунхинский говоры); арманский диалект.

Мы придерживаемся классификации эвенских диалектов и говоров, которая во многом совпадает с точкой зрения, представленной исследователями (см. табл. 1), но при этом учитывает материалы по не известным ранее диалектам и говорам. Она может быть представлена следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2
Table 2Диалектная система эвенского языка
Dialect system of the Even language

Западное наречие	Среднее наречие	Восточное наречие
Индигирский диалект (абыйский, оймяконский, томпонский, момский говоры)	Охотский диалект (аркинский, ульинский говоры)	Камчатский диалект (быстринский и олюторский говоры)
Усть-Янский говор	Улахан-Чистайский говор	Окланский диалект
Саккырырский диалект (тюгесирский и ламунхинский говоры)	Усть-майский говор	Ольский диалект (пенжинский, гижигинский, таватумский, ольский, тауйский, прианадырский березовский, рассохинский говоры)
Северный диалект (аллайховский, нижнеколымский говоры)	Верхнеколымский говор	Тенькинский диалект
Арманский диалект (ныне вышедший из употребления)		

В приведенной классификации диалекты и говоры эвенского языка объединяются в три наречия – восточное, среднее и западное, при этом взаимопонимание представителей разных наречий эвенского языка крайне затруднено. На особом положении находится так называемый арманский диалект эвенского языка, или язык арманских эвенов, живших на территории Ольского района Магаданской области [Ришес, 1947].

Достаточно близки друг к другу и взаимопонятны диалекты и говоры восточного наречия эвенского языка, функционирующие на территории Магаданской области, Камчатки, Хабаровского края (пос. Новая Иня Охотского района), Чукотки, Якутии (Среднеколымский улус).

Говоры среднего наречия распространены на территории Якутии и в Охотском районе Хабаровского края.

Обнаруживают значительную близость друг к другу и также являются взаимопонятными для большинства носителей диалекты и говоры западного наречия эвенского языка, представленные на территории Якутии. Нам представляется нецелесообразным отделять саккырырский диалект эвенского языка, куда входит ламунхинский говор, от других эвенских диалектов Якутии и выделять его в отдельное наречие.

Интересно, что первые данные по ламунхинскому говору были собраны П. В. Олениным, участником научных полярных экспедиций в Якутии в начале XX в. Собранные словарные материалы по ламунхинскому говору эвенского языка были переданы П. В. Олениным С. М. Широкоговору, о чем исследователь упоминает в своей работе [Широкоговор, 2017, с. 590] и включает в глоссарий некоторые слова с пометой «Лам.». Далее обширный материал саккырырского диалекта (тюгесирский и ламунхинский говоры) был включен в [ССТМЯ, 1975–1977]. Более детально фонетические, морфологические и лексические особенности ламунхинского говора были рассмотрены относительно недавно Р. П. Кузьминой [Кузьмина, 2010].

Ламунхинский говор распространен на территории Кобяйского района Республики Саха (Якутия) в пределах сел Себян-Кюель и Сегян-Кюель. В настоящее время данный идиом по параметрам функционирования и социальным показателям относится к наиболее благополучным эвенским говорам с более высокой степенью витальности: на нем регулярно общаются около 800 человек, сохраняется межпоколенческая передача в ареале языкового сообщества.

2. Состав причастных форм в ламунхинском говоре

Эвенское причастие определяется как особая форма глагола, лишенная категории наклонения и лица, в которой совмещаются признаки глагола и прилагательного. Причастие в эвенском языке может иметь глагольные грамматические признаки (переходность, залог, вид и время) и именные грамматические категории (падеж, число и притяжание). В настоящее время вопрос о статусе, составе и номенклатуре причастных форм в большинстве эвенских идиомов остается открытым [Бурыкин и др., 2021].

При описании ламунхинского говора Р.П. Кузьмина отмечает функционирование 5 разрядов причастий: настоящего времени (суфф. *-ри / -ди / -ти*), прошедшего времени (*-ча / -чэ, -дау / -дэу, -тау / -тэу*), недавнопрошедшего времени (*-мат / -мэт*), давнопрошедшего времени (*-тла / -тлэ*), будущего времени (*-диуа / -диуэ, чиуа / -чиуэ, -бган / -бгэн / -бгөн*) [Кузьмина, 2010, с. 52–53]¹. Однако при более детальном рассмотрении приведенный состав может быть расширен еще как минимум тремя не указанными ранее формами. Из выделенных Р. П. Кузьминой двух разрядов некоторые форманты требуют определенного обособления и образуют отдельные причастия. Рассмотрим их.

Форманты, отнесенные в группу морфологических показателей причастия прошедшего времени, имеют некоторые различия. Примеры:

(1)	<i>Намичан</i>	<i>һутчээн-ни</i>	<i>бэри-п-чэ,</i>	<i>абагэ-гү</i>	<i>тадан-ча,</i>
	важенка	ребенок- POSS:3Sg	потерять-RFL-PART.PRF	медведь-PTL	задрать-PART.PRF
	<i>уэлуки-гү</i>	<i>дэб-чэ.</i>			
	волк-PTL	есть-PART.PRF			
- ‘У важеньки потерялся олененок, то ли медведь задрал, то ли волк съел.’

¹ В данной работе мы не ставим цели рассматривать выявленные ранее причастные формы.

- (2) *Ноуон, һайу-п-ча-в* *б-да-й,* *индэн-дэ-й*
 он **сломать-RFL-PART.PRF-ACC** **делать-PER.CV-RFL** **дневать- PER.CV-RFL**
дбм-кат-та-н.
 думать-DISTR-NFUT-3Sg
 ‘Он думал остаться еще на один день, чтобы отремонтировать сломанное.’

Причастие, образуемое при помощи суффикса *-ча / -чэ*, при его предикативном (1) и атрибутивном (2) употреблении обозначает завершённое действие. Причастие на *-ча / -чэ* в атрибутивном употреблении имеет грамматические категории числа, падежа и принадлежности, в предикативном употреблении – грамматическую категорию числа, в употреблении в позиции вторичного предиката – грамматические категории падежа и принадлежности при отсутствии противопоставления форм числа.

Причастная форма на *-дау / -дэу, -тау / -тэу* также имеет значение прошедшего времени, например:

- (3) *Олукаг-ду толкумта-дау-и дбн-ни.*
 вдруг-DAT **сниться-PART.PST-POSS.RFL:Sg** **помнить-3Sg**
 ‘Вдруг вспомнил про то, что ему снилось.’
- (4) *һойа-в ануани-в буйус-тэу-э-н,*
 много-ACC лет-ACC **охотиться=PART.PST=VOW=POSS:3Sg**
уйамками-дау-а-н, *һэгэн-у*
охотиться на горного барана=PART.PST=VOW=POSS:3Sg **соболь-ACC**
һэнку-дэу-э-н *һойа-ду ноуман таткат-ти-н.*
ловить-PART.PST-VOW-POSS:3Sg много-DAT его **учить-PST-3Sg**
 ‘То, что он много лет охотился, ходил на горного барана, ловил соболя, многому его научило.’

Причастия прошедшего времени, оформляющиеся формантами *-дау / -дэу, -тау / -тэу*, имеют один отличительный специфический признак: они используются только с притяжательными аффиксами – возвратно-притяжательными (3) или лично-притяжательными (4). Несмотря на близость семантики с причастиями на *-ча / -чэ*, наличие у них притяжательного оформления меняет атрибутивную семантику данных причастий (ср. *бө-дэу-у* ‘данное мной’, *бө-дэу-э-н* ‘данное им (ему)’ и *бө-чэ* ‘давший’). На синтаксическом уровне использование конструкций с причастиями на *-дау / -дэу, -тау / -тэу* может квалифицироваться как функция вторичного предиката (аналог определительных придаточных конструкций).

Рассматриваемая форма была отмечена в ольском говоре восточного наречия как причастие прошедшего времени относительно недавно К. А. Новиковой [Новикова, 1980, с. 108], хотя эти причастные формы встречаются в эвенских письменных текстах, изданных в конце 1930-х гг. (в прозе Н. С. Тарабукина). Вероятно, в то время данные формы могли быть расценены как диалектные и не свойственные эвенскому литературному языку.

По своей семантике причастная форма на *-дау / -дэу, -тау / -тэу*, по предварительным наблюдениям, в предикативном употреблении имеет значение недавнопрошедшего времени, а в функции вторичного предиката – значение незавершённости или относительного предшествования (примеры 3, 4). Напротив, форма на *-ча / -чэ* означает только завершённое действие. Дифференцируя причастные формы на *-дау / -дэу, -тау / -тэу* и формы на *-ча / -чэ*, важно подчеркнуть и приведенные морфологические и синтаксические отличия форм на *-дау / -дэу, -тау / -тэу*: наличие обязательного притяжательного оформления и особенности их употребления в атрибутивной и предикативной функциях.

Поэтому причастия с суффиксами *-ча / -чэ* и *-дау / -дэу, -тау / -тэу* в ламунхинском говоре нужно отделять как отдельные причастия и называть форму на *-ча / -чэ* перфектным причастием.

Из выделенных Р. П. Кузьминой формантов причастия будущего времени следует также обособить показатели *-бган / -бгэн / -бгөн*, которые образуют отдельные причастные формы, выражающие

отсутствие препятствия при совершении действия: *тауабгон книгэ* ‘удобная для чтения книга’, *нул-гөбгөн бидэй* ‘чтобы не было препятствий при кочевке’. Примеры:

- (5) *Ноуон* *йа-в-да* *гө-ни-н* *н’ан* *тэлэу-ни-н*
 он что-ACC-PTL говорить-PST-3Sg и рассказывать-PST-3Sg
hō **утол-о-бгон**
 очень **понимать-VOW-PART.CONV**
 ‘Что бы он ни говорил и ни рассказывал, все удобно для понимания.’

- (6) *Бөүкэтэ* *би-ми,* **төвли-бгөн.**
 сопка быть-COND.CONV **собирать ягоды-PART.CONV**
 ‘На сопке удобно собирать ягоды.’

Данная форма была отмечена ранее в березовском говоре и названа В.А. Роббеком причастием удобства для совершения действия [Роббек, 1989, с. 81]. По нашим наблюдениям, в ламунхинском говоре причастие удобства для совершения действия не принимает показателей числа, падежа и принадлежности.

Из не отмеченных ранее в ламунхинском говоре причастных форм можно выделить следующие.

Как показывает полевой материал, в говоре употребительна форма долженствовательного причастия с суффиксом *-нна / -ннэ*. Примеры:

- (7) *Бадикар* *бәдич* *балакка-дук* *нөд-никэн* *һиһэчин* *өк*
 рано утром палатка-ABL выйти-SIM.CONV вечером когда
мучу-нна-й *он-дакит* *э-тэ-нни* *һә-р.*
возвратиться-NEC.PART-POSS.RFL:Sg как-PTL не-NFUT-3Sg знать-CONN
 ‘Уйдя из палатки рано утром, когда должен будет возвратиться вечером, не знает.’

- (8) *Эрө-в* *инэу-и-в* *йа-в* **нэкэ-ннэ-й,**
 этот-ACC день-VOW-ACC что-ACC **делать-NEC.PART-POSS.RFL:Sg**
өмөн *илан-дули* *илэ* **ис-а-нна-й,** *йа-в*
 один месяц-PROL куда **дойти-VOW-NEC.PART-POSS.RFL:Sg** что-ACC
бчи-нна-й *һамулка-ват-та-н.*
делать-NEC.PART-POSS.RFL:Sg думать-ITR-NFUT-3Sg
 ‘Раздумывает, чем сегодня должен будет заниматься, куда должен будет пойти за один месяц, что должен сделать.’

- (9) *Ирөв-таров* *дөдан-у* *нэкур-дук* **га-нна-в** *би-һи-н.*
 всякий вещь-ACC лабаз-ABL **брать-NEC.PART-ACC** быть-PST-3Sg
 ‘Всякие вещи должен был забрать из лабаза (он).’

- (10) **Иһа-нна-вур** *төр-рэ* *э-длэ-н* *һатарал-ла*
дойти-NEC.PART-POSS.RFL:PI земля-LOC не-CONV-POSS:3Sg сумерки-LOC
иһ-рак-а-тно *ай* **би-ннэ-в-э-н**
 дойти-COND.DS.CONV-VOW-3Sg хорошо **быть-NEC.PART-ACC-VOW-POSS:3Sg**
һә-р.
 знать-CONN
 ‘Знают, что должно быть хорошо, если доедут до места, куда должны доехать, до наступления сумерек.’

Долженствовательное причастие в говоре может оформляться лично-притяжательными суффиксами (10), возвратно-притяжательными суффиксами (7, 8, 10) и принимать падежные суффиксы (9, 10).

В ламунхинском говоре отмечается функционирование причастной формы, которая отсутствует в существующих описаниях эвенского языка, хотя ее можно встретить и в восточных, и в западных говорах [Шарина, 2017]. Это причастие возможного действия со значением долженствовательности с суффиксом *-ука / -укэ* (в ламунхинском – *-уко / -укө*). Например:

- (11) *Би унто-в* *һауһи-о-уко* *би-һи-в.*
я унты-ACC шить-VOW-PART.PERM быть-PST-1Sg
'Я должна была сшить унты, вроде как.'
- (12) *Эрө-в* *инөү-и-в* *мунак* *о-уко* *би-һи-н.*
этот-ACC день-VOW-ACC собрание делать-PART.PERM быть-PST-3Sg
'Сегодня вроде как должно состояться собрание.'
- (13) *Ноуртон тарак төр-рэ* *һулгө-укө* *би-һи-тнө.*
они тот земля-LOC кочевать-PART.PERM быть-PST-3Pl
'Они вроде как должны перекочевать на ту землю.'

В рассматриваемом говоре форма причастия возможного действия со значением долженствовательности не изменяется по числам, падежам и формам принадлежности. Почти во всех случаях причастие употребляется в сочетании со вспомогательным глаголом *бидэй* 'быть'.

В говоре отмечается употребление страдательного причастия на *-на*. Данное причастие рассматривалось В. Д. Лебедевым как результивное [Лебедев, 1978, с. 90; Лебедев, 1982, с. 113]. Примеры:

- (14) *Адив-да* *инөү-и-в* *бэр-нэ-в* *һир-ча-в*
несколько день-VOW-ACC потерять-PART.PASS-POSS:1Sg доить-PART.PRF-ACC
гэлэт-тө-м.
искать-PRS-1Sg
'Несколько дней искал мою потерянную дойную важенку (я).'
- (15) *Айһв-на* *буг-и* *һө* *өдә-ра-м*
любить-PART.PASS родина-POSS.RFL:Sg очень беречь-NFUT-1Sg
'Любимую родину свою очень берегу.'

Судя по семантике и отсутствию морфологических залоговых показателей, встречающихся в причастиях других разрядов, данная грамматическая форма является пассивным (страдательным) причастием (примеры 14, 15).

Заключение

Состав причастных форм в описанных говорах восточного, среднего и западного наречий эвенского языка существенно различается. Номенклатура выявленных причастных форм в эвенских говорах представлена в таблице 3.

Состав причастных форм в эвенских говорах
Participial forms in Even dialects

Наречия	Говоры	Причастия
Восточное	Ольский	4 формы: настоящего времени, прошедшего времени, будущего времени, долженствовательное
	Березовский	6 форм: настоящего времени, прошедшего времени, будущего времени, давнопрошедшего времени, возможности, удобства
Среднее	Верхнеколымский	5 форм: настоящего времени, прошедшего времени, будущего времени, долженствовательное, возможного действия
Западное	Аллаиховский	5 форм: настоящего времени, прошедшего времени, будущего времени, недавнопрошедшего времени, давнопрошедшего времени
	Ламунхинский	10 форм: настоящего времени с суффиксом <i>-ри / -ди / -ды / -ти / -ты / -си / -ни</i> , прошедшего времени на <i>-дау / -дэу / -тау / -тэу</i> , недавнопрошедшего времени на <i>-мат / -мэт</i> , давнопрошедшего времени на <i>-тла / -тлэ</i> , будущего времени на <i>-диуа / -диуэ, -чиуа / -чиуэ</i> ; ранее не отмеченные в говоре: долженствовательное с суффиксом <i>-нна / -ннэ</i> , возможного действия со значением долженствовательности с суффиксом <i>-уко / -укө</i> и страдательное причастие на <i>-на</i> ; из ранее выделенных дифференцированы в отдельные причастия две формы – перфектное причастие на <i>-ча / -чэ</i> и причастие удобства для совершения действия на <i>-бган / -бгэн / -бгөн</i> .

Как следует из таблицы, в восточных говорах принято выделять не более 7 различных форм причастий [Новикова, 1980, с. 105–111; Роббек, 2007, с. 537–539; Цинциус, 1947, с. 209–211], в средних и западных говорах употребительны даже менее, чем 7: в аллаиховском говоре выделено 5 форм причастий [Дуткин, 1995, с. 48–51], в нижнеколымском – 5 [Шарина, 2017], в верхнеколымском – 5 [Кузьмина и др., 2019].

В ламунхинском говоре, в отличие от говоров восточного, среднего наречий и других говоров западного наречия, причастия представлены более разнообразно. В говоре отмечается высокая частотность употребления перфектного причастия, причастия прошедшего времени, менее активно употребляются причастия недавнопрошедшего и давнопрошедшего времени.

Список литературы

- Бурькин А. А.* Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 384 с.
- Бурькин А. А., Шарина С. И.* Эвенский язык: Фонетика. Графика и орфография. Морфология. Новосибирск: Наука, 2021. 402 с.
- Дуткин Х. И.* Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995. 144 с.
- Кузьмина Р. П.* Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 115 с.
- Кузьмина Р. П., Шарина С. И.* Особенности языка верхнеколымских эвенов. Новосибирск: Наука, 2019. 116 с.
- Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.
- Лебедев В. Д.* Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. 243 с.
- Новикова К. А.* Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. 1. М.; Л., 1961. 263 с.
- Новикова К. А.* Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 2. Л.: Наука, 1980. 244 с.

- Ришес Л. Д. Арманский диалект эвенского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1947. 20 с.
- Роббек В. А. Язык эвенов Березовки. Л., 1989. 207 с.
- Роббек В. А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 725 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциус. Т. 1 (А–Н). Л., 1975. 672 с.; Т. 2 (О–Э). Л., 1977. 992 с.
- Цинциус В. И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. 270 с.
- Шарина С. И. Причастие в нижнеколымском говоре эвенского языка // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 264–270.
- Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп). М.: Наука – Вост.лит, 2017. 710 с.

References

- Burykin A. A., Sharina S. I. *Evenskiy yazyk: Fonetika. Grafika i orfografiya. Morfologiya* [Even language: Phonetics. Graphics and spelling. Morphology]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 402 p. (In Russ.)
- Burykin A. A. *Yazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoy forme (na materiale evenskogo yazyka)* [The language of a small-numbered people in its written form (a case study of the Even language)]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, 384 p. (In Russ.)
- Dutkin Kh. I. *Allaikhovskiy govor evenov Yakutii* [The Allaikhovsky dialect of the Even language]. St. Petersburg, Nauka, 1995, 144 p. (In Russ.)
- Kuz'mina R. P., Sharina S. I. *Osobennosti yazyka verkhnekolymskikh evenov* [Features of the language of the Upper Kolyma Evens]. Novosibirsk, Nauka, 2019, 116 p. (In Russ.)
- Kuz'mina R. P. *Yazyk lamunkhinskikh evenov* [The language of the Lamunkha Evens]. Novosibirsk, Nauka, 2010, 115 p. (In Russ.)
- Lebedev V. D. *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka* [The Okhotsky dialect of the Even language]. Leningrad, Nauka, 1982, 241 p. (In Russ.)
- Lebedev V. D. *Yazyk evenov Yakutii* [The Even language of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1978, 207 p. (In Russ.)
- Novikova K. A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka: Ol'skiy govor. Ch. 1* [Essays on dialects of the Even language: Olsky dialect. Pt. 1]. Moscow, Leningrad, 1961, 263 p.
- Novikova K. A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Ol'skiy govor. Ch. 2* [Essays on dialects of the Even language: Olsky dialect. Pt. 2]. Leningrad, Nauka, 1980, 244 p.
- Rishes L. D. *Armanskiy dialekt evenskogo yazyka* [Armanskiy dialect of the Even language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1947, 20 p. (In Russ.)
- Robbek V. A. *Grammaticheskie kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte* [Grammatical categories of the Even verb in the functional-semantic aspect]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 725 p. (In Russ.)
- Robbek V. A. *Yazyk evenov Berezovki* [The language of the Evens of Berezovka]. Leningrad, Nauka, 1989, 207 p. (In Russ.)
- Sharina S. I. Prichastie v nizhnekolymskom govore evenskogo yazyka [Participle in the Lower Kolyma colloquialism of the Even language]. *Siberian Journal of Philology*. Novosibirsk, 2017, no. 4, pp. 264–270. (In Russ.)
- Shirokogorov S. M. *Sotsial'naya organizatsiya severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geografii rasseleniya i istorii etikh grupp)* [Social organization of the northern Tungus (with introductory chapters on the geography of settlement and the history of these groups)]. Moscow, Nauka, Vost.lit, 2017, 710 p. (In Russ.)
- Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the etymological dictionary]. V. I. Cincius (Ed.), Leningrad, 1975, Vol. 1 (A–N), 672 p.; Leningrad, 1977, vol. 2 (O–E), 992 p. (In Russ.)
- Tsintsius V. I. *Ocherki grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Even (Lamut) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 270 p. (In Russian)

Список условных обозначений

1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо; ABL – отложительный падеж; ACC – винительный падеж; COND.CONV – кондиционал (условное деепричастие); CONN – коннегатив (форма глагола на *-p*); CONV – деепричастие предшествующего действия; DAT – дательный падеж; DISTR – дистрибутив (вид многократного действия); IMP – императив; LOC – местный падеж; NEC.PART – долженствовательное причастие; NFUT – аорист; PART.CONV – причастие удобства для совершения действия; PART.PASS – страдательное причастие; PART.PERM – причастия возможного действия со значением долженствовательности; PART.PRF – перфектное причастие; PART.PST – причастие прошедшего времени; PER.CV – деепричастие цели; PI – множественное число; POSS – посессив; POSS.RFL – возвратное притяжание; PROL – продолжный падеж; PST – прошедшее время; PTL – частица; RFL – рефлексив; Sg – единственное число; SIM.CONV – одновременное деепричастие; VOW – соединительный гласный.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
29.06.2023*

Сведения об авторе

Шарина Сардана Ивановна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

E-mail: sarshar@mail.ru
ORCID 0000-0002-7536-2757

Information about the Author

Sardana I. Sharina – Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: sarshar@mail.ru
ORCID 0000-0002-7536-2757

УДК 81'37(=512.36)
DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-45-57

Способы обозначения оттенков цвета в казахском и южносибирских тюркских языках

М. Д. Абжапарова

*Товарищество с ограниченной ответственностью «Astana IT University»
Астана, Казахстан*

Аннотация

Для выражения оттенков цвета (светлого, темного, яркого, тусклого и т. п.) в казахском языке и тюркских языках Южной Сибири используются морфологические средства и синтаксические конструкции. В статье описывается механизм словообразования тюркских прилагательных-цветообозначений на примере казахского и алтайского языков в сопоставительном аспекте. Базовым является морфологический способ, при помощи которого образуется целый ряд параметрических значений – достаточность или недостаточность цвета, степень интенсивности и насыщенности цвета (высокая или низкая), градация признаков. Широко используются словосложение и редупликация (полная и частичная). Каждый из способов предназначен для выражения определенной семантики: аффиксация используется преимущественно для выражения слабой степени проявления признака, редупликация – для высокой степени проявления признака, словосложение – для обозначения смешанных цветов. Словообразовательный анализ прилагательных цвета даёт возможность сделать вывод, что казахский и алтайский языки обладают достаточно обширным словообразовательным потенциалом с точки зрения возможности расширения и обогащения лексико-семантической группы цветообозначений. Синтаксические конструкции, в которых прилагательные-цветообозначения сочетаются с наречиями меры и степени и другими лексическими средствами, обозначают яркость, насыщенность или культурную значимость тех или иных цветов и часто сопровождаются положительными или отрицательными коннотациями.

Ключевые слова

словообразование, цветообозначения, тюркские языки, казахский язык, алтайский язык, южносибирские тюркские языки, словообразовательные возможности, способы словообразования, аффиксация, цветовой признак, интенсивность цвета, редупликация, синтаксические конструкции, сравнительные конструкции

Для цитирования

Абжапарова М. Д. Способы обозначения оттенков цвета в казахском и южносибирских тюркских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 45–57. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-45-57

© М. Д. Абжапарова, 2023

ISSN 2712-9608
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

Ways of designating shades of color in the Kazakh and South Siberian Turkic languages

M. D. Abzhaparova

Limited Liability Partnership «Astana IT University»
Astana, Kazakhstan

Abstract

The article reveals the mechanism of word formation in the Turkic languages in a comparative aspect by considering the Kazakh and Altai languages. Their genetic closeness determines the similarity in the organization of color naming systems due to their common historical roots. However, this closeness does not deny the differences that arose during their independent cultural and historical development. The morphological method is basic in the word formation process of color designations of the languages under study. A number of parametric values are formed, in particular, the sufficiency or insufficiency of color, the degree of color intensity and saturation (high or low), and the gradation of features. The word formation mechanism also includes compounding and reduplication (full and partial), syntactic and comparative constructions. Each of the methods is intended to express specific semantics, with the morphological expressing a weak degree, reduplication demonstrating high-degree features, and compounding designating mixed colors. The word-formation analysis of color designation allows a conclusion to be drawn that the Kazakh and Altai languages possess a significant potential for expanding and enriching the lexical-semantic group of color designations.

Keywords

word formation, color designations, Turkic languages, Kazakh language, Altai language, South Siberian Turkic languages, word formation possibilities, word formation methods, affixation, color attribute, color intensity, reduplication, word formation constructions, syntactic constructions, comparative constructions

For citation

Abzhaparova M. D. *Sposoby oboznacheniya ottenkov tsveta v kazakhskom i yuzhnosibirskikh tyurkskikh yazykakh* [Ways of designating shades of color in the Kazakh and South Siberian Turkic languages]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 45–57. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-45-57

Введение

Словообразование – один из важных разделов языкознания, в рамках которого рассматриваются важнейшие процессы образования слов, различные типы словообразовательных моделей.

В тюркологии одним из первых, кто наиболее ясно высказал идею о необходимости учета всех составляющих элементов словообразовательного процесса и обоснования моделирования в словообразовании, был М. М. Хусаинов. Он отмечал, что связь производящей основы с аффиксом не следует представлять как формальный механический процесс их слияния, поскольку при такой трактовке не учитываются внутренние механизмы словообразования [Хусаинов, 1975, с. 13–14]. Заслуга М. М. Хусаинова связана с разработкой понятия поликомпонентной словообразовательной модели, в составе которой он выделил: а) семантику производных слов (т. е. семантику модели); б) семантику производящих слов (т. е. семантическую основу как базу словопроизводства); в) семантику словообразовательного аффикса, который связывает производимое слово с производными словами в системном отношении соответствующих, находящихся во взаимодействии, разрядов; г) смысловую словопроизводную связь между производящей основой и производными элементами (в случаях, когда производящая основа имеет несколько значений); д) звуковой состав производящей основы; е) звуковой состав словообразовательного форманта, т. е. аффикса [Там же, с. 13]. Таким образом, в понятие поликомпонентной модели М. М. Хусаинов вводит как формальные, так и семантические признаки.

Особенности прилагательных-цветообозначений и разные аспекты их образования в алтайских языках рассматриваются в трудах А. В. Колесниковой [2004], Р. Р. Закировой [2008], Ю. А. Тамбовцева [2009], И. М. Таракановой (Чебоचाковой) [2011; 2019], А. В. Есиповой [2011],

Р. Т. Лауланбековой [2010, 2012], М. В. Бавуу-Сюрюн [2007; 2015], А. К. Каиржанова [2016], Б. А. Мусукова [2018], Н. Д. Сувандии, Н. С. Кара-оол [2019; 2020], А. С. Аврутиной [2020] и мн. др.

В работе «Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках» А. В. Есипова подробно рассмотрела способы словообразования в шорском языке, насколько это позволял эмпирический материал языка с неглубокой письменной традицией, пережившего к тому же несколько периодов бесписьменности и находящийся под угрозой исчезновения [Есипова, 2011]. И. М. Тараканова (Чебочакова), рассматривая структурные и семантические особенности словообразования в хакасском языке, описывает функции цветообозначений с уменьшительными суффиксами [Тараканова (Чебочакова), 2011, с. 27]. Аффиксальное словообразование алтайского языка нашло отражение в трудах А. В. Колесниковой [2004], в «Грамматике современного алтайского языка» [2017]. Однако семантический аспект словообразования этих языков нельзя считать полностью исследованным.

В данной статье проводится сравнительно-сопоставительное исследование способов словообразования в казахском и алтайском языках. По классификациям Н. А. Баскакова, А. Н. Самойловича, А. М. Щербака, из всех сибирских тюркских языков только южные диалекты алтайского языка выходят за пределы сибирской зоны и объединяются с другими кыпчакскими языками. Алтайский, как все другие сибирские тюркские языки, входит в восточно-хуннскую ветвь тюркских языков, которая делится на уйгурскую и киргизско-кыпчакскую группы. Южные диалекты алтайского языка наряду с киргизским входят в киргизско-кыпчакскую группу, северные диалекты вместе с хакасским и шорским – в хакасскую подгруппу уйгурской группы. Как отмечает Н. А. Баскаков, лексика языков восточно-хуннской ветви отличается от лексики языков западно-хуннской ветви «большим количеством монголизмов и меньшим количеством слов, заимствованных из арабского и персидского языков» [Баскаков, 2010, с. 98]. В классификации А. Н. Самойловича, основанной на типичных фонетико-морфологических признаках отдельных групп тюркских языков, алтайский и казахский языки относятся к тау-группе, или кыпчакской группе, тюркских языков [Самойлович, 1922]. В классификации А. М. Щербака учитываются как собственно лингвистические критерии, так и история тюркских народов. На основе фонетических и морфологических признаков южные диалекты алтайского языка вместе с казахским и некоторыми другими языками попадают в одну кыпчакскую группу [Щербак, 1994, с. 34].

Генетическая близость обуславливает сходство в организации систем цветообозначений в соответствии с общими историческими корнями, но и не отменяет различий, возникших в процессе самостоятельного культурно-исторического развития казахского и алтайского народов в новое время. Базовым в образовании цветообозначений этих языков является морфологический способ словообразования, при помощи которого образуется целый ряд параметрических значений – достаточность или недостаточность цвета, степень интенсивности и насыщенности цвета (высокая или низкая), градация признаков.

1. Морфологические способы обозначения оттенков цвета в казахском и южносибирских тюркских языках

В тюркских языках, помимо непроемных прилагательных-цветообозначений, представлено большое количество производных прилагательных, образованных от базовых наименований цвета в результате аффикации, словосложения, частичной и полной редупликации. Такие прилагательные обозначают высокую или низкую интенсивность, насыщенность того или иного цвета. Цветообозначения могут сочетаться также со словами, которые употребляются для интенсификации цветового признака, образуя синтаксические конструкции, предназначенные для выражения степени проявления цвета или его оттенка, а также для указания на эталон того или иного цвета.

1.1. Аффикация как средство выражения слабой степени проявления цветового признака

Для выражения слабой степени проявления цветового признака используется морфологический способ словообразования, при котором к производящей основе – базовому цветообозначению присоединяются аффиксы. Этот способ является наиболее продуктивным в казахском и алтайском

языках. Производные от базовых цветообозначений прилагательные передают разную степень интенсивности и насыщенности цвета.

В казахском языке зафиксировано 11 аффиксов, обозначающих ослабленное проявление признака, по описаниям алтайского языка насчитывается 8 синонимичных, но материально не тождественных казахским аффиксов неполноты проявления признака.

Самым распространенным суффиксом казахского языка признается *-рақ / -рек, -ырақ / -ірек*, при помощи которого образуется сравнительная степень прилагательных, например: *жақсы* ‘хороший’ – *жақсы=рақ* ‘лучше’, *таза* ‘чистый’ – *таза=рақ* ‘чище’, *кіші* ‘младший, маленький’ – *кіші=рек* ‘поменьше, более маленький’, *үлкен* ‘большой’ – *үлкенірек* ‘больше’. Присоединяясь к прилагательным-цветообозначениям, он выражает усиление качества: *ақ* ‘белый’ – *ағ=ырақ* ‘белее’, *қызыл* ‘красный’ – *қызыл=ырақ* ‘краснее’, например: *Бұл мата басқадаң қызылырақ* (Зекенова Д. А.) ‘Эта ткань краснее, чем другие’; *Бұл костюм сенікінен жасылырақ* (Зекенова Д. А.) ‘Этот костюм зеленее твоего’.

Три аффикса в казахском языке свободно сочетаются с прилагательными разных ЛСГ, указывая на ослабленное проявление качества, в том числе и на невысокую степень проявления цветового признака. Они формируют градационные ряды, в которых слабая степень проявления цвета ранжируется от более насыщенного к менее насыщенному оттенку:

-лау / -леу / -дау / -деу / -тау / -теу: *қара=лау* ‘темный’, *ақ=тау* ‘белый’, *қоңыр=лау* ‘темный’; с прилагательными разных ЛСГ этот суффикс передает уменьшительно-сравнительное значение, ср.: *арзан=дау* ‘чуть дешевле’, *қымбат=тау* ‘чуть дороже’;

-ша / -ше: *көк=ше* ‘голубоватый’, *ақ=ша* ‘беловатый’; ср.: *айна* ‘зеркало’ – *айна=ша* ‘зеркальце’, *бөлме* ‘комната’ – *бөлме=ше* ‘комнатка’. Этот аффикс вносит оттенок смягчения и уменьшения цветового тона, например: *ақ=ша бет* ‘белолицая’ (признак женской красоты).

Остальные аффиксы присоединяются к базовым цветообозначениям избирательно, все они обозначают неполноту проявления цветового признака, при этом между некоторыми из них можно установить градацию от большей к меньшей степени цветовой насыщенности.

Аффиксы *-шыл / -шіл, -шылтым / -шілтім* присоединяются только к прилагательным *ақ* ‘белый’ и *көк* ‘синий’ и обозначают разные степени слабого проявления цветового признака. Аффикс *-шылтым / -шілтім* передает наименьшую степень проявляется признака, ср.:

ақ=шыл ‘беловатый’, *ақ=шылтым* ‘белесый’;

көк=шіл ‘голубоватый’, *көк=шілтім* ‘голубоватый, голубенький’.

Аффикс *-ғылт / -қылт* употребляется с прилагательными *сұр* ‘серый’, *қызыл* ‘красный’ и *сары* ‘желтый’: *сұр=ғылт* ‘серенький’, *қыз=ғылт* ‘розовый’. Аффикс *-ғылтым / -лтым* присоединяется к прилагательным *қара* ‘черный’, *сұр* ‘серый’, *қызыл* ‘красный’ и *сары* ‘желтый’. Аффикс *-ғылтым / -лтым* указывает на наибольшую ослабленность цветового тона, ср.: *қыз=ғылт* ‘розовый’, *қыз=ғылтым* ‘розоватый’.

Аффикс *-ғыш / -гіш* встречается в составе следующих прилагательных: *қыз=ғыш* ‘бледно-красный’, *сар=ғыш* ‘бледно-желтый’, *сұр=ғыш* ‘бледно-серый’. С его помощью образуются также качественные прилагательные типа *білгіш* ‘знающий’.

Аффикс *-қай / -кей* сочетается с лексемами *сұр* ‘серый’ и *қоңыр* ‘коричневый’, внося оттенок смягчения и уменьшения: *қоңыр=қай* ‘слегка коричневый’.

Таким образом, в казахском языке формируются ряды прилагательных-цветообозначений, которые сочетаются с разными аффиксами для выражения разной степени неполноты проявления цветового признака.

Наиболее продуктивным в словообразовательном отношении является прилагательное *сұр* ‘серый’, которое сочетается с 8 аффиксами, среди них аффикс *-ғыл / -қыл*, сочетающийся исключительно с данным цветообозначением: *сұр=лау* ‘серенький’, *сұр=ша* ‘серенький’, *сұр=ғыл* ‘бледноватый’, *сұр=ғылт* ‘сероватый’, *сұр=ғылтым* ‘сероватый’, *сұр=қай* ‘бледный’, *сұр=ғыш* ‘серее’.

Далее следуют прилагательные *қызыл* ‘красный’ и *сары* ‘желтый’, которые сочетаются с 6 одинаковыми аффиксами, формируя однотипные словообразовательные гнезда, различаясь при этом семантически:

қызыл=ырақ ‘краснее’, *сары=рақ* ‘желтее’,
қызыл=дау ‘красноватый’, *сары=лау* ‘желтоватый’,
қызыл=ша ‘румяный’, *сары=ша* ‘чуть желтее’,
қыз=ғылт ‘розовый’, *сар=ғылт* ‘желтоватый’,
қыз=ғылтым ‘красенький’, *сарғ=ылтым* ‘слегка желтый’,
қыз=ғыш ‘краснее’, *сар=ғыш* ‘бледно-желтый’.

Прилагательные *ақ* ‘белый’ и *көк* ‘синий’ сочетаются с 5 суффиксами, при этом их словообразовательные гнезда полностью совпадают:

ағ=ырақ ‘белее’, *көғ=ірек* ‘синее’,
ақ=тау ‘беловатый’, *көк=теу* ‘синеватый’,
ақ=ша ‘беловатый’, *көк=ше* ‘немного синеватый’,
ақ=шыл ‘беловатый, светлый’, *көк=шіл* ‘голубоватый’,
ақ=шылтым ‘беловатый, белесый’, *көк=шілтім* ‘слегка синеватый’.

Прилагательное *қара* ‘черный’ также сочетается с 5 суффиксами, однако суффикс *-мық* является уникальным, с другими цветообозначениями он не употребляется: *қара=рақ* ‘чернее’, *қара=лау* ‘темный’, *қара=лтым* ‘темноватый’, *қара=ша* ‘темноватый’, *қара=мық* ‘темноватый, тусклый’.

Прилагательное *қоңыр* ‘коричневый’ сочетается с 4 аффиксами: *қоңыр=ырақ* ‘коричневее’, *қоңыр=лау* ‘буроватый’, *қоңыр=ша* ‘коричневатый’, *қоңыр=қай* ‘слегка коричневый’.

Прилагательное *жасыл* ‘зеленый’ сочетается только с тремя общими для всех цветообозначений аффиксами. Словообразовательное гнездо этой лексемы насчитывает наименьшее количество производных: *жасыл=ырақ* ‘более зеленый’, *жасыл=дау* ‘зеленоватый’, *жасыл=ша* ‘немного зеленоватый’.

Таким образом, наиболее продуктивным в словообразовательном отношении является цветообозначение *сұр* ‘серый’, которое сочетается с 8 аффиксами. Наименее продуктивным оказалось прилагательное *жасыл* ‘зеленый’, которое может принимать только три общих аффикса. По пять членов содержится в словообразовательных гнездах прилагательных *ақ* ‘белый’, *қара* ‘черный’, *көк* ‘синий’. Гнезда прилагательных *ақ* ‘белый’ и *көк* ‘синий’ полностью совпадают, при этом только два этих прилагательных сочетаются с суффиксами *-шыл* / *-шіл* и *-шылтым* / *-шілтім*, тем самым наблюдается полное совпадение гнезд, вплоть до избирательной сочетаемости с аффиксами, которые к другим цветообозначениям не присоединяются. Для прилагательных *қызыл* ‘красный’ и *сары* ‘желтый’ отмечается по 6 производных от них лексем, их словообразовательные гнезда также полностью совпадают, эти прилагательные принимают один и тот же набор аффиксов: кроме трех общих аффиксов, это аффиксы *-ғылт* / *-қылт* (сочетается также с *сұр* ‘серый’), *-лтым* / *-ғылтым* (сочетается также с *қара* ‘черный’, *сұр* ‘серый’ и *қызыл* ‘красный’) и *-ғыш* (сочетается также с *сұр* ‘серый’). Для прилагательного *қоңыр* ‘коричневый’ установлено 4 производных: кроме трех общих аффиксов, это цветообозначение может принимать показатель *-қай* / *-кей*, как и цветообозначение *сұр* ‘серый’ (см. табл. 1).

Казахский язык характеризуется высокой степенью детализации значения «слабое проявление цветового признака»: для его выражения используется 11 морфем, три из которых являются частотными и широко употребительными в том числе и за пределами поля цветообозначений, остальные обладают избирательностью.

В алтайском языке самым продуктивным является аффикс *-сымак* / *-зымак*, не имеющий аналога в казахском языке: *ак=сымак* ‘беловатый’, *боро=зымак* ‘сероватый’, *буурыл=зымак* ‘седоватый’, *кара=зымак* ‘черноватый’. Данный аффикс выражает не только неполноту проявления цвета, но и неполноту проявления других качественных признаков, например: *чичке=зымак* ‘узковатый’. Остальные аффиксы употребляются только для модификации цветового признака.

В «Грамматике алтайского языка» [ГАЯ, 1969, с. 24] представлены аффиксы *-сыман* / *-су*: *ак=сыман*, *ак=су* ‘беловатый’, в современном алтайском языке они непродуктивны [Майзина, 2008, с. 61].

Аффиксы прилагательных казахского языка, выражающие слабую степень проявления цветового признака, и их сочетаемость с разными цветообозначениями
Kazakh language adjectives affixes, expressing a weak degree of color attribute demonstration, compatibility with different color designations

Суффиксы	Цветообозначения							
	ақ	қара	сұр	қызыл	көк	жасыл	сары	қоңыр
-лау / -леу; -дау / -деу; -тау / -теу	+	+	+	+	+	+	+	+
-ша / -ше	+	+	+	+	+	+	+	+
-рак / -рек; -ырак / -ірек	+	+	+	+	+	+	+	+
-ғыл / -қыл			+					
-ғылт / -қылт			+	+			+	
-лтым / -ғылтым		+	+	+			+	
-шыл / -шіл	+				+			
-шылтым / -шілтім	+				+			
-қай / -кей			+					+
-мық		+						
-ғыш			+	+			+	

А. Н. Майзина отмечает, что аффиксы *-алтырым*, *-(р)тым*, *-мтык*, *-шмак / -шпак / -жак*, *-май*, *-кай / -кый* используются с прилагательными-цветообозначениями редко. Показатель *-алтырым* (*ал-тыр-ым*) является фонетическим вариантом аффикса *-кылтырым* с выпавшим начальным *к*, он участвует в образовании всего двух слов – *ағ=алтырым* ‘беловатый’, *көг=өлтирим* ‘синеватый’. С помощью аффикса *-(р)тым / -өрим* образуются три цветообозначения: *боро=ртым* ‘сероватый’, *көг=өрим* ‘синеватый’, *күре=ртим* ‘коричневатый’. Аффикс *-мтык* зафиксирован при образовании двух слов: *кара=мтык* ‘черноватый, темноватый’ и *боро=мтык* ‘сероватый’ [Майзина, 2008, с. 62]. Аффикс *-май* представлен в цветообозначениях *кара=май* ‘черноватый’, *куу=май* ‘бледноватый’, *сары=май* ‘желтоватый’, а аффикс *-тимек* участвует в образовании одного слова – *күрен=тимек* ‘коричневатый’ [Майзина, 2008] (см. табл. 2).

В казахском и алтайском языках имеется довольно обширный и разнообразный деривационный фонд аффиксов, при помощи которых образуются цветообозначения с семантикой неполноты проявления признака. Принципиальное сходство исследуемых языков состоит в том, что данная зона разработана довольно подробно и выражается морфологическими средствами – аффиксами определенной семантики. В обоих языках имеются аффиксы, которые свободно присоединяются не только к лексемам, обозначающим цветовой признак, но также и к другим прилагательным качественной семантики. В казахском языке таких аффиксов три, они различаются указанием на большую или меньшую ослабленность проявления признака и некоторыми субъективными характеристиками (неопределённость восприятия), тогда как в алтайском языке такой суффикс всего один. Остальные аффиксы избирательно присоединяются к разным прилагательным-цветообозначениям.

Аффиксы неполноты проявления признака материально довольно существенно различаются: наиболее частотные и продуктивные аффиксы, которые присоединяются ко всем прилагательным-цветообозначениям, не тождественны. При большом сходстве производящих основ базовых цветообозначений, деривационный фонд для каждого из языков уникален. Аффиксы казахского языка имеют параллели с узбекским, башкирским, ногайским, татарским языками, в алтайском языке используются аффиксы, общие для языков Южной Сибири. Ниже для примера показаны способы словообразования с помощью аффиксов в хакасском языке.

**Аффиксы прилагательных алтайского языка, выражающие слабую степень проявления
цветового признака, и их сочетаемость с разными цветообозначениями**
**Altai language adjectives affixes, expressing a weak degree of color attribute demonstration,
compatibility with different color designations**

Суффиксы	Цветообозначения							
	<i>ак</i>	<i>кара</i>	<i>боро</i>	<i>кызыл</i>	<i>кӧк</i>	<i>јажыл</i>	<i>сары</i>	<i>кӱрен</i>
<i>-сымак / -зымак</i>	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>-кылтырым / -гылтырым / -галтырым</i>		+		+			+	
<i>-кылтым / -гылтым</i>				+			+	
<i>-алтырым / -ӧлтирим</i>	+			+	+	+	+	+
<i>-ртым / -ртим / -ӧрим</i>			+		+			+
<i>-мтык</i>		+	+					+
<i>-тимек</i>								+
<i>-май</i>		+					+	

В хакасском языке прилагательные со значением неполноты образованы путем присоединения аффиксов *-мдых*, *-мзых*: *хара=мдых / хара=мзых* ‘черноватый, темноватый’. При их субстантивации возможно появление таких производных, как *хара=мдых=тагы / хара=мзых=тагы* ‘находящийся у черноватого, находящийся у темноватого’. Возможны производные наличия типа *хара=мдых=тыг / хара=мзых=тыг* со значением ‘имеющий черноватое, имеющий темноватое’ [Чебочакова, 2019, с. 197].

1.2. Редупликация как способ выражения высокой степени проявления признака

Для выражения высокой степени проявления цветового признака, его интенсивности и яркости в казахском и алтайском языках используется редупликация. В казахском языке представлена только частичная редупликация, тогда как в алтайском и полная, и частичная.

Редупликация возникает на основе повторения прилагательных: *сары-сары* ‘очень желтый’, *ак-ак* ‘очень белый’. В результате частичного видоизменения первого компонента такого сочетания развивается явление неполной редупликации типа *сап-сары*, *қап-қара*. Первый член пары прилагательных превращается в сокращенный коэффициент [Дмитриев, 1948, с. 85].

В казахском языке для выражения высокой степени проявления признака используется исключительно частичная редупликация, например: *аппақ* ‘белый-пребелый’, *қап-қара* ‘черный-пречерный’, *қып-қызыл* ‘красный-прекрасный’ и т. д. Такие слова являются эквивалентом русских словосочетаний типа *очень белый, совсем черный* и т. п. Если в русском языке высокая степень проявления признака передается чаще всего синтаксически – словосочетанием, в составе которого цветообозначение сочетается с наречием меры и степени, то в казахском языке это значение выражается одним словом, ср. рус. *белый-пребелый*.

В алтайском языке отмечены примеры как полной, так и частичной редупликации: *ап-ак* ‘белый-пребелый’, *ак-ак* ‘белый-белый’, *кара-кара* ‘черный-черный’, *кызыл-кызыл* ‘красный-красный’.

Сходство казахского и алтайского языков в данной сфере состоит в том, что для выражения высокой степени проявления признака используется одно и то же средство – редупликация. Способы выражения слабой и сильной степени проявления признака противопоставлены друг другу аналогичным образом: аффиксация используется в сфере слабого проявления признака, редупликация – в сфере высокой степени проявления признака. Частные разновидности редупликации в исследуемых языках различны: в алтайском языке представлены два вида редупликации – полная и частичная, в казахском только один – частичная редупликация.

Практически такое же сходство наблюдается и в хакасском языке, где производные слова аналитической структуры представляют большое разнообразие в номинативном плане. С одной стороны, выделяется группа сложных прилагательных со значениями интенсивности, обозначения оттенков цветов. Прилагательные со значением интенсивности цветового признака образуются путем частичной и полной редупликации основы: *хап-хара*, *хара-хара* ‘очень черный, очень темный’. Словообразование с уменьшительными прилагательными *харацах* ‘черненький, темненький’ при частичной и полной редупликации выражает усилительность: *харацах-харацах* ‘очень черненький, очень темненький’, *хап-харацах* с таким же значением. При переходе в разряд существительных потенциально возможно выражение смысла локативности и наличия [Чебочакова, 2019, с. 197].

1.3. Сложные слова как способ выражения оттенков цвета и смешанных цветов

Продуктивным словообразовательным способом в сфере цветообозначений является словосложение. Оно используется для обозначения оттенков базовых цветов, а также для выражения смешанных цветов.

Для интенсификации цветового признака употребляются следующие слова: каз. *ақшыл*, алт. *јарык* ‘светлый’ и каз. *қараңғы*, алт. *карангуй* ‘темный’, которые передают ахроматические оттенки, например:

‘светло-серый’: каз. *ақшыл сұр*, алт. *јарык боро*;

‘темно-серый’: каз. *қараңғы сұр*, алт. *карангуй боро*.

Базовые ахроматические цветообозначения могут выступать в роли первых компонентов сложных слов, например:

каз. *ақ*, алт. *ак* ‘белый’ (в значении ‘светлый’) употребляется с ахроматическим цветом ‘серый’: каз. *ақ сұр* ‘светло-серый (о масти)’, алт. *ак боро ат*, *ак сур ат* ‘светло-серый конь’;

каз. *қара*, алт. *кара* ‘черный’ (в значении ‘темный’) употребляется в сочетании с ахроматическим цветом ‘серый’: каз. *қара-боро* ‘темно-серый’, каз. *қара қошқыл* ‘темно-коричневый’; алт. *кара боро тенгери* ‘темно-серое небо’.

Наименования, обозначающие смешанные цвета, образуются путем сложения двух разных основ, например, на основе ахроматических компонентов: каз. *қара-сұр* ‘черно-серый’, *қара-ақ* ‘черно-белый’, *ақ-қызғылт* ‘бело-розовый’, *сұр-жасыл* ‘серо-зеленый’; а также *күлгін көк* ‘серо-голубой’.

При сочетании двух основ – существительного и прилагательного-цветообозначения или двух прилагательных может устанавливаться сравнение с некоторым эталоном, который может быть как узуальным, так и окказиональным, например: *жез сары* ‘медно-желтый’, *зеңгір көк* ‘лазурно-синий’, *аспан көк* ‘небесно-синий (голубой)’, *қан қызыл* ‘кроваво-красный’, *мөлдір қара* ‘прозрачно-черный’ и др.

В алтайском употребляются следующие словосочетания, включающие ахроматические компоненты: *боро-кызыл* ‘серо-красный’, *көгөлтирим-боро* ‘голубовато-серый’, *сарғылтым-боро* ‘желтовато-серый’ и др. Такие наименования цветов образуются на основе свободной сочетаемости, они многочисленны и разнообразны в обоих языках.

2. Синтаксические конструкции, служащие для выражения цветового признака

2.1. Сочетание прилагательных-цветообозначений с наречиями и другими частями речи

Синтаксические конструкции, в которых прилагательное-цветообозначение сочетается с наречием, выражают, прежде всего, гомогенность цвета, в них используются лексемы со свободной сочетаемостью со значением типа ‘сплошь, полностью’. При этом базовые цветообозначения редко сочетаются со словами, выражающими высокую степень проявления признака (ср. рус. *очень, совсем* и т. п.). Выявлено всего лишь несколько лексем, имеющих избирательную сочетаемость, которые при цветообозначениях употребляются в переносных фразеологически связанных значениях. Регулярно используются синтаксические конструкции для выражения сравнения, на их основе формируется представление об эталоне того или иного цвета в казахской лингвокультуре.

Для выражения гомогенности цвета в казахском языке используются лексемы *толық* ‘полностью’ и *тұтас* ‘сплошь’: *толық сұр* ‘полностью серый’, *тұтас қара* ‘сплошь черный’. Они свободно

сочетаются не только со всеми базовыми цветообозначениями, но и с разными частями речи: *толық пайдалану* ‘использовать полностью’, *толық тыныштық* ‘полное спокойствие’, *аспанды бұлт тұтас жапты* ‘тучи сплошь покрыли небо’, *тұтас мәтін* ‘сплошной текст’.

В алтайском языке подобная семантика передается при помощи усилительного слова *чокым* ‘сплошь, полностью’: *чокым боро* ‘полностью серый’. Чаще всего это встречается в названиях мастей лошадей как уточнение гомогенности их окраса: *чокым кара ат* ‘полностью черный, вороной конь’ [Майзина, 2008, с. 74].

Яркость, интенсивность цветового признака выше обычной передается в казахском языке следующими словами: *шаңқан* (букв.: абсолютно белый), *мақпал* (букв.: бархат), *ал* (букв.: алый), *қырмызы* (букв.: красный), *шикіл* ‘слишком’. В настоящее время они практически не употребляются самостоятельно как цветообозначения или как названия предметов, а функционируют только в сочетании с цветообозначениями, т. е. имеют фразеологически связанные значения.

Слово *шаңқан* в современном казахском языке сочетается только с группой прилагательных белого цвета, вызывая представление об искрящейся, ослепительной белизне, обозначая степень яркости белого цвета выше обычного.

Лексема *мақпал* может самостоятельно употребляться в значении ‘бархат’ (разновидность ткани). Сочетаясь со словом *қара* ‘черный’, обозначает глубокий, насыщенный цвет: *мақпал қара* ‘вороной черный’.

Слово *ал*, в отличие от других модификаторов, обладает сравнительно высокой частотностью употребления. По утверждению В. Радлова, данное слово функционировало самостоятельно и означает ‘красный цвет’ [Радлов, 1893–1911, с. 349]. Н. К. Дмитриев считает, что слово *алый* в русском языке является заимствованием из тюркских языков; на территории Золотой Орды оно было распространено во многих тюркских языках (уйгурском, шагатайском, турецком, татарском и др.) и встречается в кыпчакских памятниках «Codex Cumanicus XIV в.» [Дмитриев, 1962]. Г. Мусабаев полагает, что с течением времени это слово в казахском языке превратилось в префикс [Мусабаев, 1951, с. 64].

Слово *қырмызы* сочетается со словом *қызыл* ‘красный’. В казахский язык оно пришло из азербайджанского в значении ‘красиво-красный’, в самом азербайджанском языке оно обозначает красный цвет, а в сочетании со словом *қызыл* обозначает насыщенный, яркий малиновый цвет.

Слово *шикіл* сочетается только со словом *сары* ‘желтый’ и употребляется для описания внешности человека – ‘слишком, чересчур рыжий’: отклонение от нормы сопровождается негативной оценкой. Прилагательное *шикі* ‘неспелый, незрелый (о плодах); сырой, недоваренный, недопеченный (о мясе, хлебе, фруктах и т. д.)’ имеет переносное значение, отрицательно характеризующее поведение человека, например: *Оның ісі шікі(леу)* ‘Он до конца дело не доводит’. При помощи словосочетания *шикіл сары* дается, как правило, отрицательная характеристика внешности – ‘совершенно рыжий, слишком рыжий’ [Садыкбекова, 2019, с. 48]. Ср. с описанием красивой внешности человека: для этого в казахском языке используются наименования контрастных, сочных цветов, такие как *ақ* ‘белый’, *қара* ‘черный’, *қызыл* ‘красный’.

В казахском языке представлено несколько лексем, вносящих в описание цвета представление о его яркости, насыщенности или культурной значимости. Все эти слова имеют ограниченную сочетаемость и с прилагательными-цветообозначениями употребляются в переносных значениях. Так, лексема *шаңқан* сочетается только с группой слов, обозначающих оттенки белого цвета, *мақпал* – только со словом *қара* ‘черный’, *қырмызы* – только со словом *қызыл* ‘красный’, *шикіл* – только со словом *сары* ‘желтый’. Часто они сопровождаются положительными или отрицательными коннотациями (ср.: *қырмызы қызыл* ‘красивый, яркий, насыщенный красный цвет’ – положительная коннотация, *шикіл сары* ‘слишком рыжий’ – отрицательная коннотация).

2.2. Компаративные конструкции с цветовым компонентом

Прилагательные-цветообозначения в художественных текстах очень часто встречаются в составе сравнительных конструкций, в которых устанавливается эталон того или иного цвета. Важность сравнительных конструкций объясняется тем, что дать прямое толкование прилагательным-цветообозначениям невозможно, необходимо указывать объект соответствующего цвета.

В сравнительных конструкциях цветовые признаки одного предмета служат эталоном сравнения для других. В казахском и алтайском языках сравнительные конструкции с цветовыми компонентами используются, в основном, для точной идентификации цветового оттенка того или иного предмета или явления.

В сравнительных конструкциях существительное, обозначающее эталон сравнения, принимает аффиксы *-дай / -дей / -тай / -тей*: *қарақат=тай қара* ‘очень черный’ (черная смородина=СОМР черный; букв.: черный, как черная смородина), *алма=дай қызыл* ‘красный, как яблоко’ (яблоко=СОМР красный), *маржан=дай ақ* ‘как жемчуг белый’, *қан қызыл* ‘крово-красный’ (красный как кровь). Подробнее о структуре и семантике сравнительных конструкций см.: [Садыкбекова, 2019, с. 52–54].

В алтайском языке используются аналогичные по структуре конструкции: объект сравнения с формальным показателем сравнения – аффиксом *-дый / -дий, -тый / -тий* + цветотермин, характеризующий признак предмета (явления) + название самого предмета или явления, например: *сүт=тый ақ көжөгө* ‘белая, как молоко, занавеска’, *күдели=дий ақ чач* ‘белые (седые), как лен, волосы’, *тас=тый куу чырай* ‘бледное, как береста, лицо’ и др. [Майзина, 2008, с. 77], ср. также алт. *койон=дый ақ баш* ‘белая (седая), как заяц, голова’, *кускун=дый кара баш* ‘черная, как ворон, голова’.

Таким образом, сравнительные конструкции в казахском и алтайском языках аналогичны по структуре, сравнительные аффиксы материально тождественны.

Заключение

В тюркских языках способы словообразования прилагательных-цветообозначений представлены следующими разновидностями: морфологическим (аффиксы), словосложением и редупликацией (полной и частичной), разными типами синтаксических конструкций. Каждый из этих способов предназначен для выражения определенной семантики: морфологический способ преимущественно используется для выражения слабой степени проявления признака, редупликация – для высокой степени проявления признака, словосложение – для обозначения смешанных цветов.

Анализ производных слов, образованных от основ слов-цветообозначений, позволяет сделать следующие выводы: прослеживается связь между семантикой производящего цветообозначения и производных от него единиц с помощью аффиксальных производных со значением неполноты и интенсивности цветового признака, уменьшительного прилагательного, сложных прилагательных, несущих цветовую характеристику, глагола со значением проявления цветового признака.

Список литературы

Аврутина А. С. Фонология и морфонология агглютинативных языков в диахронической перспективе (на материале тюркских литературных языков Малой Азии XIII–XX вв.): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2020. 852 с.

Бавуу-Сюрюн М. В. Современные словообразовательные процессы, обусловленные языковыми контактами (на материале тувинского языка) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 114–123.

Баскаков Н. А. Тюркские языки. 4-е изд. М.: Издат. группа URSS, 2010. 248 с.

Грамматика современного алтайского языка. Морфологи. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.

Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков: Избр. труды. М.: Наука, 1962. 606 с.

Закирова Р. Р. Концепт «Мон» в татарской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 226 с.

Есипова А. В. Аналитические формы в словообразовании тюркских языков // Языки народов Сибири. Вып. XX. Тенденции развития аналитических структур в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2008.

Есипова А. В. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 50 с.

Есипова А. В. Типы парного основосложения в шорском языке // Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию со дня рождения В. М. Наделяева): Материалы межд. науч. конф. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012. С. 55–61.

Кауржанов А. К. Сравнительная фонетика тюркских языков. Астана: ЕНУ имени Л. Н. Гумилева, 2016. 58 с.

Колесникова А. В. Аффиксальное глаголообразование в алтайском языке: в сопоставлении с древнетюркским языком: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004. 34 с.

Лауланбекова Р. Т. Взаимосвязь языка, культуры и познания // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы III Международной научной конференции. М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2012. С. 308–313.

Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск, 2008. 263 с.

Мусуков Б. А. Форма ослабления качества в тюркских языках // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. 2018. С. 188–193.

Радлов В. В. Опыт сопоставительного словаря тюркских наречий. В 4-х томах 8 книгах. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Садъкбекова Б. А. Семантическое поле цветообозначений в казахском языке (в сопоставлении с русским и английским). Тараз, 2019. 78 с.

Самойлович А. Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. М.: РГАТ, 1922. 15 с.

Сувандии Н. Д. Топонимы цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. Филология. 2019. №4. С. 195–206.

Сувандии Н. Д., Кара-оол Л. С. Словарь странствующей ономастики тувинского языка. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2020. 112 с.

Тамбовцев Ю. А. Численное моделирование типологической схожести языков в некоторых языковых таксонах // Acta Linguistica. 2009. Vol. 3. № 2. P. 37–48.

Тараканова (Чебокакова) И. М. Диминутивы в хакасском языке. Абакан: Сервисный пункт, 2011. 116 с.

Хусаинов М. М. О природе словообразовательных моделей // Советская тюркология. 1975. № 3. С. 10–19.

Чебокакова И. М. Особенности производных единиц, образованных от основы прилагательного хара ‘черный’, в хакасском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 194–204.

Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. 192 с.

References

Avrutina A. S. *Fonologiya i morfonologiya agglutinativnykh yazykov v diakhronicheskoy perspektive (na materiale tyurkskikh literaturnykh yazykov Maloy Azii 13–20 vv.)* [Phonology and morphonology of agglutinative languages in a diachronic perspective. A case study of the Turkic literary languages of Asia Minor in the 13th–20th centuries]. Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg, SPbSU, 2020, 852 p.

Baskakov N. A. *Tyurkskie yazyki* [Turkic languages]. 4th ed. Moscow, URSS, 2010, 248 p.

Bavuu-Syuryun M. V. *Sovremennye slovoobrazovatel'nye protsessy, obuslovlennyye yazykovymi kontaktami (na materiale tuvinskogo yazyka)* [Modern word-formation processes due to language contacts (a case study of the Tuvan language)]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 114–123.

Chebochakova I. M. *Osobennosti proizvodnykh edinit, obrazovannykh ot osnovy prilagatel'nogo khara 'chernyy', v khakasskom yazyke* [Features of derived units formed from the stem of adjective khara 'black' in the Khakas language]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 3, pp. 194–204.

Dmitriev N. K. *Stroy tyurkskikh yazykov: Izbr. trudy* [The structure of the Turkic languages: Selected works]. Moscow, Nauka, 1962, 606 p.

Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologi [Grammar of the modern Altai language. Morphologists]. Gorno-Altai, 2017, 576 p.

Esipova A. V. *Analiticheskie formy v slovoobrazovanii tyurkskikh yazykov* [Analytical forms in the word formation of the Turkic languages]. In: *Yazyki narodov Sibiri. i slozhnom predlozheniih struktur v prostom i slozhnom predlozhenii* [Languages of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2008, iss. 20. Ten-

dentsii razvitiya analiticheskikh struktur v prostom [Tendencies of development of analytic structures in simple and complex sentences].

Esipova A. V. *Teoreticheskie problemy slovoobrazovaniya v tyurkskikh yazykakh (na materiale shorskogo yazyka)* [Theoretical problems of word formation in the Turkic languages (a case study of the Shor language)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2011, 50 p.

Esipova A. V. *Tipy parnogo osnovoslozheniya v shorskom yazyke* [Types of paired foundations in the Shor language]. In: *Tyurko-mongol'skie narody Tsentral'noy Azii: yazyk, etnicheskaya istoriya i fol'klor (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. M. Nadelyaeva): Materialy mezhd. nauch. konf.* [Turkic-Mongolian peoples of Central Asia: language, ethnic history and folklore (on the 100th anniversary of the birth of V. M. Nadelyaev: Materials of the intern. sci. conf.]. Abakan, Khak. kn. izd., 2012, pp. 55–61.

Kairzhanov A. K. *Sravnitel'naya fonetika tyurkskikh yazykov* [Comparative phonetics of Turkic languages]. Astana, L. N. Gumilev Eurasian National University, 2016, 58 p.

Khusainov M. M. O prirode slovoobrazovatel'nykh modeley [About nature of word-formation models]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1975, no. 3, pp. 10–19.

Kolesnikova A. V. *Affiksial'noe glagolobrazovanie v altayskom yazyke: v sopostavlenii s drevnetyurkskim yazykom* [Affixal verb formation in the Altai language: In comparison with the ancient Turkic language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2004, 34 p.

Laulanbekova R. T. *Vzaimosvyaz' yazyka, kul'tury i poznaniya* [The relationship of language, culture and knowledge]. In: *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Materialy 3 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russian language and culture in the translation way. Proceedings of the 3rd International scientific conference]. Moscow, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, 2012, pp. 308–313.

Mayzina A. N. *Semanticheskoe pole tsvetooboznacheniy v altayskom yazyke (v sopostavlenii s mongol'skim yazykom)* [The semantic field of color terms in the Altaic language (in comparison with the Mongolian language)]. Gorno-Altaysk, 2008, 263 p.

Musukov B. A. Forma oslableniya kachestva v tyurkskikh yazykakh [A form of quality weakens in the Turkic languages]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2018, no. 2, pp. 188–193.

Radlov V. V. *Opyt sopostavitel'nogo slovarya tyurkskikh narechiy. V 4-kh tomakh 8 knigakh* [Experience of a comparative dictionary of Turkic dialects. In 4 volumes 8 books]. Moscow, Vost. lit., 1963.

Sadykbekova B. A. *Semanticheskoe pole tsvetooboznacheniy v kazakhskom yazyke (v sopostavlenii s russkim i angliyskim)* [The semantic field of color designations in the Kazakh language (in comparison with Russian and English)]. Taraz, 2019, 78 p.

Samoylovich A. N. *Nekotorye dopolneniya k klassifikatsii turetskikh yazykov* [Some additions to the classification of Turkish languages]. Petrograd, 1922, 15 p.

Shcherbak A. M. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov* [Introduction to the comparative study of Turkic languages]. St. Petersburg, Nauka, 1994, 192 p.

Suvandii N. D., Kara-ool L. S. *Slovar' stranstvuyushchey onomastiki tuvinskogo yazyka* [Kara-ool L.S. Dictionary of wandering onomastics of the Tuvan language]. Kyzyl, TuvSU, 2020, 112 p.

Suvandii N. D. Toponimy tsvetooboznacheniya v tuvinskom yazyke [Toponyms of color terms in the Tuvan language]. *The New Research of Tuva. Philology*. 2019, no. 4, pp. 195–206.

Tambovtsev Yu. A. Chislennoe modelirovanie tipologicheskoy skhozhesti yazykov v nekotorykh yazykovykh taksonakh [Numerical modeling of the typological similarity of languages in some linguistic taxa]. *Acta Linguistica*. 2009, vol. 3, no. 2, pp. 37–48.

Tarakanova (Chebochakova) I. M. *Diminutivy v khakasskom yazyke* [Diminutives in the Khakass language]. Abakan, Izd. OOO "Servisnyy punkt," 2011, 116 p.

Zakirova R. R. *Kontsept "Mon" v tatarskoy yazykovoy kartine mira* [Zakirova R. R. The concept "Mon" in the Tatar world language picture]. Cand. philol. sci. diss. Kazan, 2008, 226 p.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.05.2023*

Сведения об авторе

Абжапарова Майя Даулетовна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Товарищество с ограниченной ответственностью «Astana IT University» (Астана, Казахстан)

E-mail: abzhaparovamd@mail.ru

ORCID 0000-0003-4828-3110

Information about the Author

Maya D. Abzhaparova – Candidate of Philology, Associate Professor, Limited Liability Partnership «Astana IT University» (Astana, Kazakhstan)

E-mail: abzhaparovamd@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4828-3110

СИНТАКСИС

УДК: 811.511.21

DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-58-66

Способы выражения сравнения в тазовском диалекте селькупского языка

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

На материале текстов традиционного фольклора тазовских селькупов рассмотрены основные средства выражения сравнения. Выделяется эквивалентное и неэквивалентное сравнение. Эквивалентное сравнение реализуется синтаксическими конструкциями со значением сходства, подобия, соответствия. В качестве показателей сравнительного отношения подобия предмета и эталона сравнения по определенному признаку выступают преимущественно послелого: *taræ (tarä)* ‘наподобие, подобно, как кто-либо’, *carä* ‘как’, *saqyn* ‘соответственно, аналогично, так же, как’, *käpy* ‘величиной с’. Данные послелого сочетаются с местоимениями, а также с существительными в посессивной и непосессивной форме генитива. В отдельных контекстах для выражения эквивалентного сравнения используется синтетический показатель – аффикс особого падежа «координатива» =*šaq*. Эквивалентное сравнение употребляется преимущественно в диахронически ранних конструкциях осложненных предложений, ведущую роль в которых выполняют формы отглагольных именных образований и деепричастия. Неэквивалентное сравнение отражает различия между предметом и эталоном и реализуется синтаксическими конструкциями, в состав которых входят предмет сравнения (существительное либо местоимение в форме основного падежа), эталон сравнения (существительное либо местоимение в форме аблатива), а также прилагательное или наречие, указывающее на признак, лежащий в основе сравнения. Подобный способ реализации неэквивалентного сравнения используется и в других самодийских языках, а также в юкагирском колымском языке. Неэквивалентное сравнение употребляется, как правило, в простых повествовательных предложениях. Анализ языкового материала показывает ограниченное использование сравнения как выразительного средства в фольклорных текстах тазовского диалекта селькупского языка.

Ключевые слова

селькупский язык, тазовский диалект, сравнительные конструкции, эквивалентное и неэквивалентное сравнение, показатели сравнения, сравнительные послелого, аблатив, координатив, сравнительный союз

Для цитирования

Ильина Л. А. Способы выражения сравнения в тазовском диалекте селькупского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 58–66. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-58-66

© Л. А. Ильина, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No.3 (iss. 47)

Ways of expressing comparison in the Taz dialect of the Selkup language

L. A. Ilyina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The Taz Selkups are the most significant single-dialect speaking group. Being isolated from the Russian population, they did not know Russian until the second half of the 20th century. The documented texts of the traditional Taz Selkup folklore were analyzed to identify the diachronically early ways of expressing comparative relations. It was found that the equivalent comparison prevails in diachronically early mythological texts and is realized by syntactic constructions denoting similarity. The comparative relation of similarity of the object and the standard of comparison according to a certain characteristic is expressed mainly by postpositions. The postpositions *taræ* (*tarä*) ‘like’, ‘like someone else’, *carä* ‘how’, *saqyn* ‘respectively’, ‘similarly’, ‘just like’, and *käpy* ‘with value’ are combined with pronouns and nouns in the possessive and non-possessive form of the genitive. The postpositional construction functioning rule is to place the word preceding the postposition in the genitive form. All the postpositions mentioned (except *carä*) are commonly used in non-metaphorical comparisons. The postposition *carä* functions in metaphorical comparisons, requiring the preceding word in the locative adjectival form. A synthetic indicator, the special “coordinate” case affix *šaq*, is sometimes used to express an equivalent comparison mainly in diachronically early constructions of complicated sentences, with verbal nouns and adverbial participles predominating. A non-equivalent comparison reflecting the differences between the object and the standard is realized by constructions including the object of comparison (noun or pronoun in the main case), the standard of comparison (a noun or a pronoun in the form of an ablative), and the sign underlying the comparison (an adjective or an adverb).

Keywords

Selkup language, Taz dialect, comparative constructions, equivalent and non-equivalent comparison, comparison indicators, comparative postpositions, ablative, coordinative, comparative conjunction

For citation

Ilyina L. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v tazovskom dialekte sel'kupskogo yazyka [Ways of expressing comparison in the Taz dialect of the Selkup language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 58–66. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-58-66

Введение

Описание основных способов выражения сравнения на материале тазовского диалекта селькупского языка является актуальным в аспекте сопоставительно-типологического исследования сравнительных синтаксических конструкций в урало-алтайских языках Сибири.

Селькупский язык принадлежит к южносамодийской подгруппе самодийской ветви уральской языковой семьи. В период присоединения Сибири к России единый селькупский язык был локализован на средней Оби (Томско-Нарымское Приобье). В течение XVII в. вследствие миграций разноталектных общин селькупский язык распространился на север Сибири и в результате в XIX–XX вв. был представлен двумя территориально отдаленными и коммуникативно изолированными друг от друга группами диалектов и говоров – южной в бассейне Средней Оби и северной преимущественно в бассейнах рр. Таза и Турухана.

Тазовские селькупы являются самой значительной по численности группой, говорящей на одном диалекте. По свидетельству Г. Н. Прокофьева, в 1930-е гг. они в основной своей массе совершенно не владели русским языком, в то время как селькупы, живущие по Оби и нижнему течению Кети, в значительной степени обрусели [Прокофьев, 1937, с. 96]. В связи с этим исследование сравнительных конструкций на языковом материале тазовского диалекта позволяет выявить и описать диахронически ранние способы выражения сравнительных отношений.

Поскольку селькупский язык был и остается языком устного общения, материалом для анализа послужили в основном тексты традиционного фольклора тазовских селькупов, документированные

Г. Н. Прокофьевым в 30-е гг. XX в. [Прокофьев, 1935, 1937], а также тексты, собранные в 1970–1980-е гг. коллективом лингвистов под руководством А. И. Кузнецовой и Е. А. Хелимского [Кузнецова и др., 1980, 1993].

Сравнения селькупского языка не были предметом специального изучения. Однако в грамматических исследованиях им уделялось определенное внимание при описании падежной системы и послеложных конструкций [Прокофьев, 1935, 1937; Кузнецова и др., 1980; Беккер и др., 1995]. Анализ языкового материала показывает ограниченное использование сравнительных конструкций в фольклорных текстах тазовских селькупов.

Целью данной статьи является описание основных средств выражения сравнения в синтаксических конструкциях фольклорных текстов тазовского диалекта селькупского языка.

Сравнение понимается как универсальная когнитивная категория, как особая структура мысли, специфика которой «состоит в одновременном присутствии в сознании двух сопоставляемых представлений, которые сближаются на основании какого-то общего для них признака и одновременно противопоставляются по каким-то другим основаниям, разным для различных типов сравнений. Эта содержательная, мыслительная специфика закономерно предполагает и определенные, специальные формы, способы выражения, которые очень разнообразны. Они и должны в первую очередь стать объектом лингвистического исследования» [Черемисина, Шамина, 2004, с. 598–599]. Н. М. Девятова включает в состав компонентов сравнительной конструкции объект сравнения, эталон сравнения, общий признак, а также показатель сравнительного отношения и подчеркивает, что при исследовании сравнительных конструкций следует в большей степени уделять внимание показателям сравнительного отношения и их роли в организации общего значения сравнительной конструкции [Девятова, 2017, с. 9].

По семантике выделяются два типа сравнения – эквивалентное и неэквивалентное.

Эквивалентное сравнение

Эквивалентное сравнение выражается в текстах селькупского фольклора синтаксическими конструкциями со значением сходства, подобия, соответствия предмета сравнения и эталона сравнения по определенному признаку. В качестве показателей сравнительного отношения, передающего семантику подобия, выступают преимущественно служебные слова – послелог, редко – падежные аффиксы.

В диахронически ранних синтаксических конструкциях мифологических текстов в роли показателя подобия, сходства употребляется послелог *taræ* (*tarä*), имеющий значение ‘наподобие, подобно, как, как кто-либо’:

(1) *LōZь-ira ničik kəтьһьть jomBaньk kətsan! mat tat taræ ēptæ qæk anDьр ukkьr çēļ meļčikap qulallæ mьlæ.* [Прокофьев, 1935, с. 105]

LōZь-ira ničik kəть=һь=ть jomBa=ньk kətsan mat ukōt tat taræ
 черт-старик так сказать=AOR=OBJ.3SG Йомпа=DAT внук я прежде ты=GEN подобно
 ē=ptæ=qæk anDь=р ukkьr çēļ me=ļci=ka=p qulal=læ
 быть=VN=POSS.LOC.1SG лодка=ACC один день делать=INTENS=ITER=OBJ.1SG распялить=CV
 mьlæ
 PRTCL

Букв.: тебя наподобие в бытие мое...

‘Черт-старик (дух-хозяин) так сказал Йомпе: «Внучек! Когда я был таким, как ты, ветку в один день выделявал вместе с распяливанием.»

(2) *Ньль LōZь-ira ničik kəтьһьть: «mat ukōt tat taræ ēptæqæk iļmatqæη, utьsæ şittь nьqьlleikolimBьsam.* [Прокофьев, 1935, с. 105]

ньль LōZь-ira ničik kəть=һь=ть mat ukōt tat taræ
 затем черт-старик так сказать=AOR=OBJ.3SG я прежде ты подобно
 ē=ptæ=qæk iļmat=qæη utь=sæ şittь
 быть=VN=POSS.LOC.1SG молодость=POSS.LOC.1SG рука=COM надвое

ньтqыl=lei=k=oli=mВь=s=am

разорвать=INTENS=ITER=REP=DUR=PAST=OBJ.1SG

‘Затем черт-старик так сказал: «Когда я был таким, как ты, в молодости руками надвое разрывал».’

- (3) *Tat taræ eptæqæk orсьмьl qumak esak.* [Прокофьев, 1937, с. 121]

tat taræ e=ptæ=qæk or=сьмьl qum=ak e=s=ak

тебя подобно быть=VN=POSS.LOC.1SG сила=PROPR человек=SUBJ.1SG быть=PAST=SUBJ.1SG

‘Когда я был таким, как ты (по возрасту), я был сильным человеком.’

- (4) *Aj tina tarä contōl soramy qontaltentylä nuŋka.* [Кузнецова и др., 1993, с. 37]

aj tina tarä contōl sora=my qontal=tenty=lä nuŋk=a

опять то подобно средний брат=POSS. NOM.1SG спать=IMPFV=CV стоять=AOR.SUBJ.3SG

‘Опять, как и в тот раз (букв.: подобно тому), средний брат дремля стоит.’ [Там же, с. 82]

- (5) *Man kurasmy amany tarä ēŋa.* [Кузнецова и др., 1980, с. 321]

man kuras=my ama=ny tarä ē=ŋ=a

я, мой вид=POSS.1SG мать=POSS.GEN.1SG подобно быть=AOR=SUBJ.3SG

Букв.: Моя внешность-моя матери моей подобна есть.

‘Я похожа на мать.’

- (6) *Tər timñany tarä ēsy.* [Кузнецова и др., 1980, с. 370]

tər timña=ny tarä ē=s=y

он брат=POSS.GEN.1SG подобно быть=PAST=SUBJ.3SG

Букв.: Он брата моего наподобие был.

‘Он был как мой брат.’

- (7) *Ńät tarä qoptyra.* [Кузнецова и др., 1980, с. 390]

Ńät=t tarä qoptyr=a

олень=GEN.SG подобно бежать=AOR.SUBJ.3SG

Букв.: Оленя наподобие бежит он.

‘Он бежит, как олень.’

В приведенных примерах послелог *tarä* сочетается с местоимениями и существительными в посессивной и непосессивной форме генитива. Постановка слова, предшествующего послелогу, в форме генитива – общее правило функционирования послеложных конструкций в селькупском языке.

В качестве типологической параллели отметим функционирование послелога *дылы* со значением ‘наподобие, подобно, как, словно’ в роли показателя сравнительных отношений в синтаксических конструкциях якутского языка [Васильев, 1982].

Для выражения эквивалентного сравнения используется также послелог *сарä* ‘как, подобно’, который сочетается с существительным и требует постановки предшествующего существительного в локативную адъективную форму:

- (8) *Laŋkuñña qorqōqyl’ sarä.* [Кузнецова и др., 1980, с. 321]

laŋkuñ=ñ=a qorqō=qy=l’ sarä

кричать=AOR=SUBJ.3SG медведь=LOC=ADJ подобно

‘Он ревет, как медведь.’

- (9) *Paktympysa merkōqyl’ sarä.* [Кузнецова и др., 1980, с. 321]

pakty=mpy=s=a merkō=qy=l’ sarä

бежать=DUR=PAST=SUBJ.3SG ветер=LOC=ADJ подобно

‘Он бежал подобно ветру.’

(10) *Təp qālōqyl' carä ēnanu.* [Кузнецова и др., 1980, с. 322]

təp qālō=qy=l' carä ēna=n=y
он рыба=LOC=ADJ подобно быть=AOR=SUBJ.3SG
'Он словно рыба.'

(11) *Nop nārquk tarympaty s̄qyl' carä.*

nop nārqu=k tary=mpa=ty s̄qyl=qy=l' carä
небо красный=ADV приобрести цвет=IMPF=OBJ.3SG краска=LOC=ADJ подобно
'Небо покраснело, как красная краска.' [Кузнецова и др., 1980, с. 321]

По мнению А. И. Кузнецовой, послелогои *taræ* и *carä* одного происхождения: «Изменение начального согласного (*c* из *t*) имеет фонетическую природу и объясняется ассимилирующим влиянием конечного *l'* в адъективной форме» [Кузнецова и др., 1980, с. 321–322]. Однако следует отметить существенное различие в употреблении данных послелогов: послелог *tarä* используется, как правило, в неметафорических сравнениях, тогда как послелог *carä* – в метафорических сравнениях.

В отдельных контекстах эквивалентное сравнение реализуется конструкциями, в которых в качестве показателя отношения соответствия выступает послелог *saqyn* 'соответственно, аналогично, так же, как':

(12) *Mat sāqyn nyläšyk.* [Кузнецова и др., 1980, с. 322]

mat sāqyn nyl=äšyk
я=GEN соответственно встать=IMP.2SG
Букв.: Меня соответственно встань.
'Стань за мной (так, как я стою).'

В ряде контекстов употребляются конструкции с послелогом *kēru* 'величиной с':

(13) *Qorqu mōtyt kēru ēsy.* [Кузнецова и др., 1980, с. 322]

qorqu mōt=yt kēru ē=s=y
медведь дом=GEN.SG величиной с быть=PAST=SUBJ.3SG
'Медведь был величиной с дом.'

(14) *Təp mat pīranu kēru eŋa.* [Кузнецова и др., 1980, с. 322]

təp mat pīra=ny kēru e=ŋ=a
он я, мой высота=POSS.GEN1SG величиной с быть=AOR=SUBJ.3SG
Букв.: Он с мой рост величиной есть.
'Он ростом с меня.'

Послеложные конструкции широко употребляются в селькупском языке. Е. Д. Прокофьева подчеркивала: «Из служебных слов в селькупском языке наиболее развиты послелогои» [Прокофьева, 1966, с. 412].

В фольклорных текстах для выражения подобия, соответствия употребляется также аффикс =*šaj*, падежный аффикс «координатива» – особого падежа, выделенного в тазовском диалекте авторами «Очерков по селькупскому языку» [Кузнецова и др., 1980, с. 177]. Приведем примеры:

(15) [Великан-людоед, проглотив кусок мяса, заключает: «Вроде это (=пища) такое, как я сам».]

Nūny nil'cyk oryñny: «Mity tina onākšaj». [Кузнецова и др., 1993, с. 19; 59]

nūny nil'cyk oryñ=í=y mity tina onāk=šaj
потом так говорить=AOR=SUBJ.3SG вроде=PARTCL такой я сам, мое собственное PRON=COORD
'Потом так говорит: «Вроде это (т. е. пища) такое, как я сам».'

В данном примере аффикс =šaŋ присоединяется к лично-указательному местоимению, обозначающему эталон сравнения. В следующем примере аффикс =šaŋ сочетается с числительным *ukkyr* ‘один’, также выступающим в качестве эталона в сравнительной конструкции:

- (16) *Ukkyr pōr pōqunu mōtты qorqy šērna*: «O-o, *ukkyršak ilentī*». [Кузнецова, 1987, с. 34]
 ukkyr pōr pōqunu mōt=ty qorqy šēr=n=a ukkyr=šak ile=ntī
 однажды снаружи чум=DAT медведь войти внутрь=AOR=SUBJ.3SG один=COORD жить=FUT.1DU
 ‘Один раз с улицы в чум медведь вошёл: «O-o, вместе (букв.: одному соответственно) будем жить.’

- (17) *Tər wərqy qıtuššak εsympa*. [Кузнецова и др., 1987, с. 177]
 tər wərqy qıtu=š=šak ε=sy=mp=a
 он большой человек=GEN=COORD быть=PAST=DUR=SUBJ.3SG
 Букв.: Он большого человека наподобие становился.
 ‘Он стал таким, каким бывает взрослый человек.’

Неэквивалентное сравнение

Неэквивалентное сравнение отражает различия между предметом и эталоном сравнения и реализуется в тазовском диалекте синтаксическими конструкциями, в составе которых: предмет сравнения (существительное либо местоимение в форме именительного падежа), эталон сравнения (существительное или местоимение в форме аблатива), а также прилагательное или наречие, указывающее на признак, лежащий в основе сравнения.

Н. М. Терещенко указала на одну из основных функций аблатива в самодийских языках: «исходная форма при сравнении между собой лиц или предметов» [Терещенко, 1973, с. 277]. «При этом, – подчеркивает Н. М. Терещенко, – большая или меньшая степень проявления того или иного признака заключается не в слове, обозначающем этот признак. Исходной формой для сравнения является имя предметного значения, с которым сравнивается другое имя, также имеющее значение предметности» [Терещенко, 1973, с. 258–259]. Приведем примеры из тазовского диалекта селькупского языка:

- (18) *Каналя ātəŋnāny kypal̄ ēŋa*. [Терещенко, 1973, с. 259]
 кана=ля ātə=n=nāny kypal̄ ē=ŋ=a
 собака=DIM олень=GEN.SG=ABL маленький быть=AOR=SUBJ.3SG
 Букв.: Собачка от оленя маленькая есть.
 ‘Собачка меньше оленя.’

- (19) *šira tokanp̄ k̄raļ ēŋa*. [Прокофьев, 1935, с. 88]
 šira toka=n=nāp̄ k̄raļ ē=ŋ=a
 утка гусь=GEN.SG=ABL маленький быть=AOR=SUBJ.3SG
 Букв.: Утка от гуся маленькая есть.
 ‘Утка гуся меньше.’

- (20) *Ŋeŋat̄ opəŋnāp̄ k̄rak̄a somal̄aq̄ ēŋa*. [Прокофьев, 1935, с. 88]
 ŋeŋa=т̄ opəŋ=nāp̄ k̄rak̄a soma=l̄aq̄ ē=ŋ=a
 сестра=POSS.1SG я сам=ABL немного хороший=PRTCL быть=AOR=3SG
 Букв.: Сестра моя от самого меня немного лучше есть.
 ‘Сестра моя немного лучше меня самого.’

- (21) *Tan ātəŋnDьnān mat ātə=мь pōs̄ warQ ēŋa*. [Прокофьев, 1935, с. 88]
 tan ātə=ī=nDь=nān mat ātə=мь warQ ē=ŋ=a
 ты=GEN.SG олень=POSS.PL=POSS.2SG=ABL я олень=POSS. 1SG большой быть=AOR=3SG
 ‘Из твоих оленей мой олень самый большой.’

(22) *Tytyk pīqyṅy pīrṅy ēṅa*. [Кузнецова и др., 1980, с. 182]

tytyk pī=**qyṅy** pīrṅy ē=ṅ=a
кедр осина=**ABL.SG** высокий быть=**AOR=SUBJ.3SG**

Букв.: Кедр от осины высокий.

‘Кедр выше осины.’

(23) *Təryṅṅān mat kəpṅylə qəntak*. [Прокофьев, 1937, с. 88]

təryṅṅān=**nān** mat kəpṅylə qən=t=ak
он=**GEN.SG=ABL** я быстро идти=**AOR=SUBJ.1SG**

‘Его я скорее пойду.’

Использование падежных форм аблатива «в целях выражения сравнения признаков предметов» прослежено Е. А. Крейновичем в юкагирском колымском языке [Крейнович, 1958, с. 60]. Данная типологическая параллель является одним из аргументов в подтверждение гипотезы о родстве самодийских и юкагирских языков в рамках уральской языковой семьи.

В отдельных текстах, записанных в 1970–1980-е гг., встречаются сравнительные обороты с союзом *kuttar* ‘как’, представляющие собой кальку с русских синтаксических конструкций:

(24) *Təm paktymṅa catkysä, kuttar surṅp*. [Кузнецова и др., 1980, с. 394]

təm paktymṅa=**mp=a** catkysä **kuttar** surṅp
он бежать=**PAST=SUBJ.3SG** быстро **как** птица

‘Он бежал быстро, как птица.’

(25) *Tab̄ konḍal̄ba kutaṅ nöllaga*. [МЭ]

таб̄ кондал̄=**б=a** **кутаṅ** пö=l=laga
он спать=**DUR=SUBJ.3SG** **как** камень=**ADJ=DIM**

‘Он спит, как камень (камешек).’

Подобное калькирование возникло в результате развития селькупско-русского двуязычия во второй половине XX в.

Заключение

В целом анализ языкового материала показывает ограниченное использование сравнения как выразительного средства в фольклорных текстах тазовских селькупов. По семантике можно выделить два типа сравнения – эквивалентное и неэквивалентное. Эквивалентное сравнение передается синтаксическими конструкциями со значением сходства, подобия, соответствия. В роли показателей отношения подобия между предметом и эталоном сравнения выступают в подавляющем большинстве контекстов служебные слова: послелогои *taræ* (*tarä*) ‘наподобие, подобно, как кто-либо’, *carä* ‘как’, *saṅṅ* ‘соответственно, аналогично’, *kəṅṅ* ‘величиной с’, редко – падежный аффикс координатива =*ṅaṅ*. Эквивалентное сравнение прослеживается в основном в диахронически ранних конструкциях осложненных предложений, ведущую роль в которых выполняют формы отглагольных именных образований и деепричастия.

В реализации неэквивалентного сравнения используется синтаксическая конструкция, в состав которой входят: предмет сравнения (существительное либо местоимение в форме основного падежа), эталон сравнения (существительное или местоимение в форме аблатива), а также прилагательное или наречие, указывающее на признак, лежащий в основе сравнения. Подобная конструкция употребляется и в других самодийских языках, а также прослеживается в юкагирском колымском языке. В текстах тазовского диалекта неэквивалентное сравнение реализуется, как правило, в простых повествовательных предложениях.

Подчеркнем, что типологической особенностью традиционной синтаксической системы селькупского языка является отсутствие сложноподчиненных союзных предложений, союзных сравнительных оборотов и наличие осложненных предложений, ведущую роль в которых выполняют формы отглагольных именных образований и деепричастия.

Список литературы

- Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Морфология селькупского языка. Ч. 1-2. Томск: ТГПИ, 1995. 513 с.
- Васильев Ю.И. Сравнительные конструкции с показателем *дылы* в якутском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 99–104.
- Девятова Н.М. Сравнение в динамической системе языка. М.: Книжный дом «Либроком», 2017. 320 с.
- Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 288 с.
- Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект). М.: МГУ. 1980. 407 с.
- Кузнецова А.И. Речевые акты в сказках тазовских селькупов // Строй самодийских и енисейских языков. Томск: ТГПИ, 1987. С. 31–39.
- Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: МГУ, 1993. 196 с.
- Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР. 1935. 132 с.
- Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.–Л.: Учпедгиз, 1937. С. 91–124.
- Прокофьева Е. Д. Селькупский язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 396–415.
- Тереженко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973. 323 с.
- Черемисина М.И., Шамина Л.А. Выражение сравнения в тувинском языке // Черемисина М.И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 598–613.

Список условных обозначений

1SG – 1-е л. ед. ч.; **2SG** – 2-е л. ед. ч.; **3SG** – 3-е л. ед. ч.; **1DU** – 1-е л. дв. ч.; **ABL** – аффикс исходного падежа; **ACC** – аффикс винительного падежа; **ADJ** – аффикс прилагательного; **ADV** – аффикс наречия; **AOR** – аффикс аориста; **COM** – аффикс комитатива (совместного падежа); **CONJ** – союз; **COORD** – аффикс координатива; **CV** – аффикс конверба (деепричастия); **DAT** – аффикс дательного падежа; **DIM** – диминутивный аффикс; **DUR** – аффикс длительного действия; **FUT** – аффикс будущего времени; **GEN** – аффикс генитива (родительного падежа); **IMP** – аффикс императива; **IMPF** – аффикс имперфекта; **IMPFV** – имперфектив; **INTENS** – аффикс интенсива; **ITER** – аффикс итератива; **LOC** – аффикс местного падежа; **OBJ** – объектное спряжение глагола; **PAST** – аффикс прошедшего времени; **PRTCL** – частица; **POSS** – посессивный (лично-притяжательный аффикс); **POSTP** – послелог; **PRON** – местоимение; **PROPR** – именной аффикс обладания; **REP** – аффикс множественного действия; **SUBJ** – субъектное спряжение глагола; **VN** – аффикс отглагольного имени; **МЭ** – материалы экспедиции.

References

- Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Il'yashenko I. A. *Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Ch. 1–2* [Morphology of the Selkup language. Pts. 1–2]. Tomsk, TSPI, 1995, 513 p.
- Cheremisina M. I., Shamina L. A., Vyrashenie sravneniya v tuvinskom yazyke [Expression of comparison in the Tuvan language] In: Cheremisina M. I. *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov*

raznykh sistem [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, pp. 598–613.

Devyatova N. M. *Sravnienie v dinamicheskoy sisteme yazyka* [Comparison in the dynamic language system]. Moscow, Knizhnyy dom “Librokom”, 2017, 320 p.

Kreynovich E. A. *Yukagirskiy yazyk* [Yukaghir language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1958, 288 p.

Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu., Khelimskiy E. A. *Ocherki po sel’kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Moscow, MSU, 1993, 196 p.

Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel’kupskomu yazyku (tazovskiy dialekt)* [Essays on the Selkup language (Taz dialect)]. Moscow, MSU, 1980, 407 p.

Kuznetsova A. I. *Rechevye akty v skazkakh tazovskikh sel’kupov* [Speech acts in the tales of the Taz Selkups] In: *Stroy samodiyskikh i eniseyskikh yazykov* [The structure of the Samoyedic and Yenisei languages]. Tomsk, TSPI, 1987, pp. 31–39.

Prokof’ev G. N. *Sel’kupskaya grammatika* [Selkup grammar]. Leningrad, Izd. Instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1935, 132 p.

Prokof’ev G. N. *Sel’kupskiy (ostyako-samoedskiy) yazyk* [Selkup (Ostyak-Samoyed) language] In: *Yazyki i pis’mennost’ narodov Severa* [Languages and writing of the peoples of the North]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1937, pt. I, pp. 91–124.

Prokof’eva E. D. *Sel’kupskiy yazyk* [Selkup language] In: *Yazyki narodov SSSR* [Languages of the peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1966, vol. III. *Finno-ugorskie i samodiyskie yazyki* [Finno-Ugric and Samoyedic languages]. pp. 396–415.

Tereshhenko N. M. *Sintaksis samodiyskikh yazykov* [Syntax of the Samoyedic languages]. Leningrad, Nauka, 1973, 323 p.

Vasil’ev Yu. I. *Sravnitel’nye konstruksii s pokazatelem dyly v yakutskom yazyke* [Comparative constructions with the indicator of *dyly* in the Yakut language] In: *Grammaticheskie issledovaniya po yazykam Sibiri* [Grammar studies on the languages of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1982, pp. 99–104.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
9.09.2023

Сведения об авторе

Ильина Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научных сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: Ludil60@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3469-9353

Information about the Author

Ludmila A. Ilyina – Candidat of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: Ludil60@mail.ru

ORCID 0000-0002-3469-9353

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.22 (=512.157)

DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-67-77

Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 1: Статические и динамические характеристики

М. Т. Сатанар

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Аннотация

В условиях перемен, происходящих в современном мире, востребованным представляется обращение к образу матери-земли, матери-Родины. В работе актуализируется вопрос идентификации мифологического образа духа-хозяйки земли Аан Алахчын Хотун, который наиболее полно представлен в текстах эпоса олонхо. Анализ статических характеристик образа в описании и динамических характеристик в сюжете позволяет выделить основные семантические признаки Аан Алахчын Хотун. Автор устанавливает состав устойчивых признаков образа и приходит к выводу, что они могли появиться в разное время. Полученные результаты могут быть использованы в последующих исследованиях – для реконструкции генезиса антропоморфного образа духа-хозяйки земли.

Ключевые слова

дух-хозяйка земли, мифологический образ, характерные черты, антропоморфный состав, эпитетация, атрибут, функция

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Северо-Восточного федерального университета «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты»

Для цитирования

Сатанар М. Т. Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 1: Статические и динамические характеристики // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 67–77. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-67-77

© М. Т. Сатанар, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

The image of the spirit-mistress of the earth in the olohkho epic. Part 1: Static and dynamic characteristics

M. T. Satanar

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

Currently, there appears to be a significant demand for addressing the image of Mother Earth. This study was intended to identify the main characteristics of the image of the spirit–mistress of the earth, Aan Alakhchyn Khotun, in the olohkho epic. Use was made of the structural, functional, and semantic analysis, as well as of the review and generalization, with the principle of historicism being the key one. The analysis has revealed the following stable signs of the image: being a female, a predominance of white color, nudity of breasts, elegant clothes, localization in the world tree, divine origin, and the functions of a nurse, protector, or adviser. A cane and a ladle in her hands or a shamanic tambourine and a mallet have been found to be characteristic attributes of the appearance. The natural prima materia and, in some texts, the anthropomorphic images (little people) of Ereke-Dyereke tend to accompany the arrival of Aan Alakhchyn Khotun. Emphasis is placed on the ornithomorphic hypostasis of the spirit of the words of the image in the form of a cuckoo. The early records demonstrate the phytomorphic hypostasis of the image in question in the form of a fusion of the images of the spirit of the tree and the hostess of the place. A conclusion is drawn that the semantic features of the image of Aan Alakhchyn Hotun reflect the multi-temporal nature of their historical appearances, suggesting further genetic studies to explore the archaic image of the spirit-mistress of the earth.

Keywords

spirit-mistress of the earth, mythological image, characteristic features, anthropomorphic composition, epithet, attribute, function

Acknowledgements

The study was carried out as part of the NEFU research project «Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects»

For citation

Satanar M. T. *Obraz dukha-khozyayki zemli v epose olohkho. Chast' 1: Sticheskie i dinamicheskie kharakteristiki. [The image of the spirit-mistress of the earth in the olohkho epic. Part 1: Static and dynamic characteristics]. Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 67–77. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-67-77*

Введение

В якутской фольклористике значимой предстает проблема изучения истоков и ранних этапов формирования мифологических представлений. Опыт изучения происхождения и развития мифологических сюжетов и образов представлен в трудах известных исследователей исторической поэтики фольклора и литературы (О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп, В. М. Жирмунский, М. И. Стеблин-Каменский, Е. М. Мелетинский, Е. С. Новик, С. Ю. Неклюдов и др.). Для настоящего исследования методологически важны тезисы В. Я. Проппа о том, что «художественный анализ неразрывно связан с историческим», что исследователь не может «отказываться от исторического изучения народной поэзии только на том основании, что все записи поздние», а также установка, что фольклорные тексты «хранят явственные следы пройденных эпох, иногда настолько ясные и конкретные, что они могут иметь силу исторического свидетельства» [Пропп, 1999, с. 26]. И первостепенным в «историческом исследовании» (А. Ф. Лосев) предстает вопрос «идентификации мифологического персонажа» [Виноградова, 2000, с. 13], отражающий фиксацию характеристик (признаков) данного персонажа сперва в его «описательной статике», затем в его деятельности (сюжетной динамике) [Там же, с. 28].

Автор настоящей работы также опирался на положение Л. Н. Виноградовой о важности установления для мифологического образа «ядра идентифицирующего минимума характеристик» [Там же, с. 21]; цель исследования – выявить характерные черты образа духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*. Источниковой базой послужили эпические тексты, записанные в дореволюционный период (до 1917 г.), большинство из которых были опубликованы в академической серии «Образцы народной литературы якутов». Однако, поскольку и в более поздних вариантах записи текстов в одном образе

сохраняется множество наслоений разных исторических эпох, автор исследования обращался и к материалам, зафиксированным в советский период.

Современное состояние изучения древнего образа духа земли характеризуется достаточно обширной базой материалов описательного характера, а также удачными попытками применения методов объяснительной науки (Г. У. Эргис, Р. И. Бравина, Н. А. Алексеев, А. Е. Захарова, А. П. Решетникова и др.) с реализацией структурного, функционального подходов. Так, в текстах эпоса олонхо образ духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун* якутскими фольклористами определяется как мудрая советчица и добрая прорицательница, защитница героя-богатыря, от благорасположения которой зависит счастливая жизнь людей, благополучие домашнего скота. Ее обиталищем служит родовое древо *Аал Луук мас*. У нее седые распущенные волосы, белое тело, похожее на окрас куропатки зимой, обнаженные большие груди, нарядная одежда. У *Аан Алахчын Хотун* есть дети (внуки) – многочисленные мальчики и девочки, называемые *Эрэкэ-Дьэрэкэ*, от дыхания которых зеленеют деревья и травы [Пухов, 1962, с. 35; Эргис, 2008, с. 122; Уткин, 1994, с. 25; Винокуров, 2017, с. 44 и др.].

Характерные черты образа духа-хозяйки земли в статическом описании

В группу характеристик образа в его «статике» входят эпитеты, внешний облик, социальный статус, атрибуты, место обитания, характер, родословная, название [Виноградова, 2000, с. 28].

Уже при беглом обзоре текстов ранних и поздних записей олонхо видно, что наиболее развернутый эпитет-описание внешнего облика образа дается в поздних вариантах фиксации. В самозаписи М. Н. Ионовой-Андросовой представлен следующий эпитет образа: *Көрсүө мэйишлээх, көнгүл санаалаах, / Көнө сүрэхтээх, көбүөр-симиир саба / Балым-салым эмиийдээх, / Бэдэр сангыябын нэлбигийди кэттэ кэппитинэн, / Үүс-киис өлбүргэтэ бэргэһэтин / Өбүччү кэттэ кэппитинэн (төрүүбүт) / Аан дойду иччитэ Манган Манхалыын* [Ионова-Андросова, 1998, с. 185–186] ‘С благоразумным умом, добрым сердцем, / С грудями обнаженными, / Словно два кумысных бурдюка, / Рысью шубу нараспашку надев, / Рысье-соболью шапку / Набекрень надев (родившаяся), / Дух земли Манган Мангалын’¹.

Встречаются описания портрета духа земли и с более подробным изложением, к примеру: «И вот... отчины владычица, кормилица, создательница, государыня – старшая сестра его, сейчас же явилась. Серебристых соболей доху накинула, пятнистой рыси шапку набекрень набросила, лучших волчьих шкур шароварами колени охвачены, пятнистой рыси передних лап рукавички надеты, серебристых соболей задних лапок сапожки обуты. Что ласковое солнце, глазки её ясно глядели, что рай, светлое личико сияло, блестящие, кумысному меху подобные, с сосцами перси её вздымались, белели одетые мехом колени» [Ястремский, 1929, с. 22]. А вот как обращается богатырь Юрюнг Юёдойян к хозяйке земли: *Аан ийэ дойдум иччитэ / Аан Алааччын / Айыы далбар, / Ньэкээ ньилбэк, / Түүлээх ытыс, / Маџан түһэгэй, / Күн Чалбарыын / Хотун Эбэкэм!* [ҮҮ, 2013, с. 74–75] ‘Дух матери-земли / Аан Алааччын / Светлая госпожа, / Облюбованные бёдра, / Волосатые ладони, / Белые колени, / Солнечная Чалбарыан / Госпожа бабушка!’. Услышав просьбу героя-богатыря, вдруг перед его взором появляется пожилая женщина, которая внешне описывается как: *Хаар курдук баттахтаах, / Хабыйахаан курдук эттээх, / Үүс-киис тириштэ бэргэһэтин / Өгүэйли уурбут / Хотун дьахтар* [Там же] ‘С волосами снежно-белыми, / С телом, словно куропатка белая, / Шапку из шкур рыси и соболя / Набекрень накинувшая / Госпожа женщина’.

В текстах поздних записей развернутая эпитетация встречается значительно чаще, к примеру: *Субу аан дойду / Иччитэ буолан ньидьирээбит, / Абырыалаах дьылбэктээх, / Боџуускалаах түһэхтээх, / Күрэн манган баттахтаах, / Көнгүөр курдук эмиийдээх, / Арыы саһыл издэстээх, / Абыныахтаах ытыстаах / Аан ийэ дойдум иччитэ / Аан Алахчын хотун эбэкэм!* [Ядрихинский, 2011, с. 158] ‘Этой земли-матушки / Хозяйкой признанная, / С бёдрами просаленными, / С коленями разукрашенными, / С проседью волосами, / С грудью округлой, / С щеками смуглыми, / С ладонями замасленными / Дух-иччи Земли-матушки / Аан Алахчын хотун!’ [Там же, с. 159]; или: *Кыдадыкы эбэ хотун иччитэ, / Хаар маџан баттахтаах, / Хабыйахаан курдук быһыылаах, / Халыйбыт хаһалаах, / Хантайбыт хабарџалаах, / Икки балым-салым / Таһыар-көгүөр курдук / Томтоо долгун эмиийдээх / Аан Алахчын*

¹ Здесь и далее, если не указано иное, перевод фрагментов фольклорных текстов с якутского языка на русский осуществлен автором статьи.

хотун! [Ойуунускай, 2003, с. 132] ‘Хозяйка-хотун долины Кыладыкы, / С белыми, подобно снегу, волосами, / С телом, как у куропатки, / С расплывшимся животом, / С гордо закинутой головой, / С двумя огромными, / Словно два турсука, / Полными грудями / Аан Алахчын хотун!’

Итак, суммарное представление о внешнем портрете духа-хозяйки земли сводится к следующему «антропоморфному составу» (В. Н. Топоров): белое тело, большая грудь, седые волосы, белые бедра и колени, замасленные ладони. В мифопоэтической традиции устойчивым считается упоминание одежды духа-земли – нараспашку надетой шубы из рысьей шкуры, набекрень сидящей шапки из соболиных и рысьих шкур. При этом по статусу она – госпожа, по возрасту – старуха или пожилая женщина, по характеру – благоразумная, добрая. Что касается собственного имени образа духа земли, то в текстах олонхо фиксируется многообразие имён – *Аан Дархан Хотун, Аан Аалай Хотун, Аан Мичил Хотун, Айыы Чалбарыкы, Манган Мангхалыын* и т. д., среди которых превалирует имя *Аан Алахчын Хотун*. Такое обстоятельство отмечается и в этнографических материалах [Трошанский, 1902, с. 47; Алексеев, 2008, с. 423 и др.].

В некоторых ранних текстах имя персонажа вовсе отсутствует. Приведем пример: *Маһын төрдүгэр кэлэн [Эр Соботох] үстэ үөлэн сүгүрүйэн баран бэргэһэтин сэгэтэн кынгыһахты кэтэн туран эттэбэ:* – *Аар маһым иччитэ хотун! Аан дойдум иччитэ эбэм!* [Уваровский, 2003, с. 61] ‘Подойдя к дереву, трижды поклонился ему и, приоткрыв ушки своей шапки, сказал: – Госпожа дерева моего великана! Ты, бабушка, хозяйка вселенной!’ [Там же, с. 127]. Как видно, в мирозерцании предков наблюдается слияние духа дерева с духом-хозяйки земли.

Интересно, что иногда дух земли предстает одновременно и женщиной, и мужчиной: *Абыс иилээх-сабалаах / Аан иньэ дайдым аналлаах иччитэ, / Алтан тороосколоох / Адьаарыхса Тойон, / Көмүс тороосколоох / Күн Күбэйихсэ Хатын* [ХДь, 2016, с. 134] ‘Назначенный дух / Восьмиободной-восьмикрайней матери-земли, / С медной тростью / Аджарыхса Тойон, / С золотой тростью / Кюн Кюбэйихсэ Хатын’; или: *От-мас иччитэ / Орой Буурай уол-кыыс / Мунньустубут эбит. / Сир-дойду иччитэ / Сиэрэй Буурай оюнньор-эмээхсин / Ситилэспит эбит* [Александров, 2022, с. 90] ‘Духи-иччи трав-листьев / Мальчишки-девчонки Орой Буурай / Собрались, оказывается. / Духи-иччи земли-страны / Старики-старухи Серяй Буурай / Столпились, оказывается’ [Там же, с. 91]. В примерах разнополюе духи земли представлены в слившемся виде.

В труде Г. У. Эргиса отмечено, что дух земли в олонхо иногда действует в виде существа мужского пола – *Манган Мангхалын Тойон, Айыы Алалай Черчи* [Эргис, 2008, с. 122], и в материалах А. А. Попова находим: «“Ајы Аламај Чәрчј” – божественный лучезарный “Чәрчј”, хозяин Вселенной (земли), божество мужского пола, тоже живущее на березе, было мало популярным» [Попов, 1949, с. 272].

Эпическая традиция сохранила также функционирование двух образов-женщин духов земли: *Итэбэллээх ийэ дойдум иччитэ, <...> / Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун, эбэкэм, <...> / Абыс иилээх-сабалаах / Айгыр силик / Аан ийэ дойдум иччитэ / Аан Мичик Хотун, эбэкэм!* [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 80] ‘Дух-хозяйка матери-земли нашей, <...> / Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун, <...> / Дух-хозяйка восьмиободной, восьмиокраинной / Первозданной Матери-земли нашей, <...> / Аан Мичик Хотун, / Бабушка моя’ [Там же, с. 352]. Заметим, перед нами два разных образа, между которыми ставится разделительная линия – *ийэ дойдум иччитэ* ‘дух матери-земли’, манифестирующей идею родной земли-окраины или малой родины² и *аан ийэ дойдум иччитэ* ‘дух срединной матери-земли’, т. е. дух планеты Земля³. В связи с этим подчеркнем, что в этнографических материалах неоднократно упоминается, что, в якутском миропонимании, *иччи* населяют все в среднем мире: каждая местность, каждый лес, каждый трудный подъем, каждое видное матерое дерево...» [Кулаковский, 1979, с. 29]; *иччи* имеют: озера, реки, вода, дерево, лес, камень, земля, каждый участок покоса, дорога, горы, ущелья, водовороты и т. д.» [Трошанский, 1902, с. 27] и т. д. Так, «в день выхода на сенокосные работы разбрызгивали по всему лугу целый берестяной турсук масла, разбавленного молоком (“көбүөр”), говоря: “Хозяин(-ка) земли, ешь, кушай!...” (“Ан дойдү иччитә, асә, сiә!...”)» [Попов, 1949, с. 273]. Отсюда очевидно, что в старину каждая местность имела своего духа-хозяина. Например,

² *Ийэ дойдү* – родина, отчизна, родная сторона [ТСЯЯ, 2006, т. 3, с. 150].

³ См. об этом в статье: *Сатанар М. Т.* Миропонимание эпической формулы *абыс иилээх-сабалаах аан ийэ дойдү* в свете физической теории единого поля // *Общественные науки.* 2017. № 3. С. 247–256.

в олонхо «Кёр Буурай» Н. С. Александрова, не считая духов земли стариков-старух *Серяй Буурай* (текст выше), обнаруживается шесть разных наименований духов земли в женском облике [Александров, 2022, с. 600, 605], а также два – в мужском облике [Там же, с. 605, 607], один из которых – *буор иччитэ* ‘дух-хозяин почвы’ старик *Модун Баай*, причем все они локализируются в разных местах эпического пространства.

К атрибутивным характеристикам образа относятся трость (посох) и черпак (гадальная ложка). Обратимся к примеру: *Аан ийэ дайдым / Аналлаах иччитэ, / Алтан далбар тайахтаах / Аан Алахчын, Манган Мангалыын, / Көмүскэстээх санаалаах, / Көмүс күбэй эбэккэм!* [Ойуунускай, 2003, с. 35] ‘Матери изначальной – Земли / Хозяйка с начала времен, / С посохом золотым / Аан Алахчын / Манган Мангалыын, / Заступница дорогая моя, / Бабушка седая моя!’; или: «И вот восьмиветвистого священного дуб-дерева гений, отчины владычица, сейчас же явилась. С тремя отверстиями пёструю гадальную ложку держала» [Ястремский, 1929, с. 22].

Иногда в сюжетосложении олонхо дух-хозяйка земли предвещает судьбу мира или героя-богатыря, бросая вверх гадальную ложку-хамыйах ‘большой черпак из березы или лиственницы’: *Аан дойдударын иччитэ... / Ала Нүөрсүн хотун / иннилэригэр киирэн туран, / Кэскил кэпсээтэ, / Ырыа ыллаата, / Түөрэх кэбистэ, / Төлкө бырахта. / Хара бастаангыттан / Сиэллээх хамыйаба / Эмти ыстанна* [Александров, 2022, с. 414] ‘Дух-иччи мира их всего... / Ала Ньюёрсун Хотун, / Перед ними оказавшись, / Грядущее рассказала, / Песню спела, / Гадать начала, / Судьбу увидела. / С начала самого / Черпак с волосом конским / Дал трещины’ [Там же, с. 415].

В некоторых олонхо рассматриваемый образ описывается с шаманскими атрибутами – бубном и колотушкой: *Сэттэ иллээх-сабалаах ийэ дойдум иччитэ, / Тангалайдаах чабычах дунүрдээх, / Сиэллээх айыы далбар хамыйах булаайахтаах, / Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун, / Эбэ хотун эбэм, / Дорообону тутуй!* [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 29] ‘Дух-хозяйка семиободной-семиокраинной / Матери-земли моей, / Имеющая бубном узорную чашу, / Разукрашенную шитьем из конского волоса, / Имеющая колотушкой священную ложку, / Разукрашенную пучком из конской гривы, / Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун, / Госпожа-бабушка, бабушка моя, / Прими же мое приветствие!’ [Там же, с. 305].

При этом примечательны постоянные спутники образа, сопровождающие его появление: «Глухо прогремел гром, сильнее идти стал дождь, показались белые перистые облака, засверкали молнии, подули ветры, земля заволновалась и задрожала, вздулись воды, зашумела вода морская» [Уваровский, 2003, с. 127]. Надо заметить, в данном фрагменте присутствуют все четыре первостихии (вода, огонь, воздух, земля). Но в большинстве текстов появление духа-хозяйки земли связано с водой и воздухом: *Дьэ, добоор, / Итии салгын салгыйда, / Илигирэс тыал тыалырда, / Итир былыттар ибизркээтилэр. / Ибир самыырдар ыһахтаатылар* [Александров, 2022, с. 88] ‘Джэ, друг, / Воздух горячий подул, / Ветер дрожащий настиг, / Облака темные небо окутали, / Дожди проливные хлынули’ [Там же, с. 89].

К статическим характеристикам относится и локус образа духа-хозяйки земли. В зачинах олонхо, именно в мотиве описания мирового древа *Аал Луук мас (Аал Кудук мас)*, упоминается ее место обитания: *Дьырыбына Дьырылыатта / Кыыс бухатыыр наскыһыйан, / Аал Кудук маһы / Күн өттүнэн / Күөйэ хааман тиийэн / Арыы ньалабай дьабатын / “Топ-топ” тонсуйа-тонсуйа, / Сүһүөхтээх бэйэтэ сүгүрүйэн, <...> / Албана-силэнэ турбут / Өрөгөйдөөх өһүн хоһооно / Маннык буолла: / – Дьэ! Дьэ! Дьэ эрэ!... / Аан ийэ дойдум иччитэ / Аан Алахчын хотун эбэкэм!* [Ядрихинский, 2011, с. 154, 156] ‘Джырыбына Джырылыатта / Девушка-богатырь, / Аал Кудук дерево / Со стороны солнечной / Неспешно обойдя, / В трещину дерева смолистую / “Тук-тук” постукивая, / В суставах наклоняясь, <...> / Славить-восхвалять / Удачу-победу / Такими словами стала: / – Дя-э! Дя-э! Давай-ка!... / Дух-иччи Земли-матушки / Аан Алахчын хотун!’ [Там же, с. 155, 157]. Здесь примечательно подробное указание её местоположения – на солнечной стороне, и при стуках по стволу дерева: *Аар Кудук мас / Арыы ньалабай хатырыга, / Хачыгырыы-бычыгырыы тыаһаан, / Хамнаан наскалдьыйарга дылы гынна, / Нэлиэр көмүс сэбирдэбэ / Илибирди сэгэйэргэ дылы гынна, / Чопчу көмүс туораба / Дорбооннонорго дылы гынна, / Аргый абай арыллан, / Хайа ыстанан тэлэлиннэ* [Там же, с. 158] ‘Дерева Аар Кудук мас / Кора смолистая, / С шумом-хрустом / Как будто раздвинулась, / Широкие листья золотые / Незаметно задрожали, / Шишка золотая как бы / Звуки издавать стала. / Медленно раздвигаясь, / Будто раскололась-раскрылась’ [Там же, с. 159].

Вызывают интерес подробности, содержащие данные иного характера, которые сохранились в ранних записях текстов: «Дерево зашелестело своими листьями, и с них свежий мелкий молочный дождик оросил Юрюнг Уолана. Подул теплый ветер, и дерево закрипело. Поскрипело, поскрипело дерево – и у корня его, из-под земли, выглянула по пояс хозяйка-дух дерева и места» [Харузина, 1898, с. 65], а иногда и с фиксацией трансформации места обитания: *Аар мас кыкынаан-кыкынаан сааллан-сааллан баран төнгүргэс буолбут төрдүттэн хаар курдук астаах, хабыахан курдук эттээх, икки көбүөр симири саба эмийдээх айыы хотун эмээхсин куругар диэри тахсан кэллэ* [Уваровский, 2003, с. 62] ‘Дерево-великан, скрипя-поскрипывая, снижаясь-уменьшаясь в росте, стуча и ударяясь, превратилось в пень-корень, и высунулась из-под него по пояс старуха-мать владычица с волосами белыми, как снег, с телом как у куропатки, с грудями, как два кумысных жбана’ [Там же, с. 127]. Таким образом, образ *Аан Алахчын Хотун* устойчиво локализуется в священном древе *Аал Луук мас*, причем в различных местах дерева.

Еще один идентифицирующий признак образа – ее божественная родословная. Так, в монологической речи *Аан Алахчын Хотун* прямо указывается ее происхождение от *айыы* ‘добрых начал’: *Айыы Тойонтон алгыстаах, ааттаах дойду ирчитэ, айыы кыыһа буолабын* [Пекарский, 1908, с. 140] ‘От Айыы Тойона благословенная, духом славной страны, дочерью айыы являюсь’. В олонхо М. Н. Ионовой-Андросовой «Потомки белотелого Юрюнг Айыы Тойона» образ предстает одной из восьми дочерей главного патриарха якутского пантеона божеств [Ионова-Андросова, 1998, с. 186]. Этнографические материалы также подтверждают отнесение образа *Аан Алахчын Хотун* к категории *айыы*⁴ [Попов, 1949, с. 271; Кулаковский, 1979, с. 42 и др].

Характерные черты образа духа-хозяйки земли в сюжетной динамике

Существенными показателями выступают функциональные характеристики духа-хозяйки земли, содержащие некую коммуникативную маркированность. «Функции, по существу, определяют коммуникативную цель этих действий – вредительство, помощь, наказание, “творение” и т. п.», – пишет Л. Н. Виноградова [2000, с. 48]. Так, устойчивым в текстах являются доброта духа-хозяйки земли, ее благосклонность к людям, забота и благословение, мудрые и пророческие советы, ее готовность помогать всем обитателям срединной земли. К примеру, отрывок ответной речи *Аан Алахчын Хотун* одинокому *Эр Соготох*, который обращается к ней с просьбой помочь ему: «Я все знаю, правильно печалишься, правильно просишь. Слушай! Твой отец Аар-Тойон, твоя мать Кюбйай Хотун. Они по высшему предназначению тебя, только родив, спустили с третьего неба в этот мир, чтобы ты народил детей, произвел народ и стал родоначальником людей. Наступил этот момент: отправляйся не задерживаясь, езжай прямо на юг, дорога твоя трудная будет, потерпи, надейся: суженую найдешь. Прощай! Да пусть тебе сопутствует счастье-удача!» [Уваровский, 2003, с. 127]. Как видно, она заранее знает судьбу героя, его предназначение, отца и мать, суженую и прочее, соответственно, обладает тайными знаниями. Как отмечает Н. А. Алексеев, «дух-хозяйка земли относится благосклонно к герою даже в тех случаях, когда наперекор ее совету он отправляется в поход» [2008, с. 423].

Далее, в текстах ярко выражены ее функции кормилицы. Дух-хозяйка земли вскармливает своим молоком героев-одиночек с младенчества, а перед отправкой в богатырский поход – и богатырей, имеющих родителей: *Бу ханас эмиийбиттэн / Үс төгүл төхтүрүэ / Биймахтыы обор эрэ! / Буулаба бухатыыр буоларгар / ааспат аһын, / Өһүлүбэт өйүөн / Тобураабат сөлөгөйүн буолуо! – диэтэ* [Ядрихинский, 2011, с. 164] ‘Теперь из левой груди моей / Три раза подряд / Молока глотни! Для богатыря могучего – это / Едой нескончаемой, / Запасом неиссякаемым, / Влагой живительной будет! – сказала’ [Там же, с. 165].

В некоторых эпических сюжетах о герое-одиночке, родовое дерево предстает его матерью. Так, при обращении богатыря *Дыырай Бэргэн* к духу восьмиветвистого *Ал Дуп* дерева *Аан Алахчын Куо* с просьбой рассказать ему об его родословной, дух дерева отвечает: *Оболоокой биэбэкэм... / Этэр тылбын / Истэ-сэргии олоруй, <...>. / Кыыс кытыт биэ буолан / Бу Аал Луук маһы / Үстэ эргийэ көтөн баран, / Үс ыйдаах кулуну / Кулуннаан кэбиспитэ, / Онон үс ыйдаах оҕону / Ытаан айабын / Аппаннаттабын ахсын / Бу Аал Луук мас / Арабас илгэнэн айаххар / Чаллырбаччы таммалаан / Оккуран бэйэбин улаатыннарбыта* [Нохсоров, 2009, с. 92–93] ‘Дитя моё, голубчик... / Вслушайся

⁴ *Айыы* – доброе начало, доброе божество, добрый дух. – М. С.

в слова мои, <...> / Девушка та, / Превратившись в кобылицу, / Это древо Аал Луук / Трижды обойдя кругом, / Ожеребятилась тобой, / Трехмесячным, / И младенца трехмесячного / Поила-кормила / Это древо Аал Луук / Капающими с листьев / Желтой благодатью илгэ, / Вот так недоношенного вырастив'. «Ее молоко равносильно по благотворному воздействию волшебной жидкости – *өлбөт мөнүү уута* (живая вода)», – пишет А. Е. Кулаковский [1979, с. 423]. Молоко способно моментально приумножить физическую силу богатыря. Значит, являясь помощником героя, образ служит и «дарителем волшебной силы» (В. Я. Пропп). В некоторых олонхо данная особенность совсем эксплицирована: «Старик пошел на поляну, где росла береза – такая высокая, что вершиной она уходила под самое небо. Эта береза была не простая. В ней жил дух-покровитель старика и старухи. Звали ее потому Ан-дойду-иччитэ. Она давала старику со старухой всякую пищу: молоко, тару, сору, мясо и рыбу» [Харузина, 1898, с. 174]. Иногда «дарение силы» в виде прикладывания к груди может заменяться передачей живой воды. В любом случае функция дарителя сохраняется: «После этого благословения, достав из-под корня живую воду и налив ее в пузырь, отдала ему: “Привяжи под левый бок, в трудную минуту поможет тебе!”. Сама, скрипев-поскрипев и всё более вытягиваясь ростом, обратно превратилась в дерево-великана» [Уваровский, 2003, с. 127].

В связи с качеством «знания о судьбе героя» заметим, что в этнографических заметках А. А. Попова имеется запись: «По прежним воззрениям якутов, добрая “Ајы Нэлбәрдään”⁵ иногда определяла судьбу новорожденного» [Попов, 1949, с. 271–272]. Далее А. А. Попов в подтверждение отмеченного приводит текст одной легенды, согласно содержанию которой, дух земли отправляет определять судьбу новорожденного мальчика хозяев трав и деревьев (маленьких человечков). Действительно, как свидетельствуют тексты олонхо, детьми (внуками) хозяйки земли являются многочисленные *Эрэкэ-Дьэрэкэ* – мелкие духи растительности, одетые в листья: *Инньэ диирин кытары мас лас кына тыаһаан баран күн өттүнэн мас хайа ыстанна... Хаар курдук баттахтаах... хатын дьахтар тахсан кэллэ... Абыс дьарбаа бичик кыһын ханас өттүгэр аттыалланан, тобус дьэрэкээн бичик уолаттарын уга өттүгэр добуһуолланан тахсан турда, алгыы-силэнэ турда* [Пекарский, 1910, с. 309] ‘И как только сказал это, дерево со звуком “лас” со стороны солнечной стала раскрываться... С белыми подобно снегу волосами... почтенная женщина вышла... Сопровождаясь восемью узорными девочками с левой стороны, девятью пестрыми мальчиками с правой стороны, стояла и благославляла’.

Заступническая черта духа-хозяйки земли, обеспокоенной разрушениями земли и гибелью народа из-за непрекращающейся битвы богатырей, наблюдается в ее песенной речи, обращенной к самому верховному богу *Юрюнг Аар Тойону*. Это видится в мотиве отправления духа слов *Аан Алахчын Хотун* в Верхний мир (в виде кукушки). Так она сообщает о беде и спасает людей племени *айыы*: *Аан Алахчын хотун / Тыллаах-сыһаабын иччитэ / Тырымныы көтөн / Тыкааран тахсан, / Кэбэ кыыл буолан / Кэтэбэ кэбиннэн, / Үүт-аас бэйэлээх / Үкээр куйаас тыыннаах... / Үрүг Аар Тойон / Дьэитин-уотун / Тэлэмэн чэрчитигэр... / Отос гына / олоро түстэ* [Ойуунускай, 2003, с. 77] ‘Из пределов широкой земли, / Окруженной хребтами гор, / Рассекая воздух звонкой стрелой, / На небо, сверкая, взлетел / Голос Аан Алахчын, / Дух её челюсти и языка; / И, в кукушку малую превратясь, / Крылышками блестя, / Покружился над кровлею золотой / Обширно прекрасного дома-дворца, / Где обитает Юрюнг Аар Тойон’ [НБС, 2007, с. 56].

В связи с образом кукушки интересным представляется фрагмент развития сюжета олонхо «Еребил Берген», где между главным героем и удаганкой *Кыыс Нуогай* завязывается такое разрушительное сражение, что раскалывается восьмиветвистое древо *Аал Луук мас*, тем самым обрекается на смерть всё живое вокруг. Примирение воюющих сторон устанавливается только после вмешательства богатырей *айыы* – *Дугуй Саарын* и *Усук Туйгун*, а далее действует удаганка *Кыыс Нуогай*: *Абыс салаалаах / Аал Луук маһын / Төрдүгэр тиийэн / Дүнгүрүн үс төгүл / Ньирилэччи дайбаан, <...> / Үс төгүл / Үнкүрүйэн күөлэһийэн... / Кэр-чуор саһалаах / Ала кэбэ кыыл / Буола түспүт. / Төнгүргэһин үрдүгэр олоро түспүт. / Сайынгы күн / Тахсытытын диэки / Хайыһа түһэн баран / Кэр-чуор куолаһынан / Этэн чоргуттунан барбыт <...> / Этэн чоргуттун / Тобус хонугун / Томтойо туолуутугар / Урукку чөлүгэр түспүт* [Тимофеев-Теплоухов, 2015, с. 292–293] ‘К основанию / Восьмиветвистого / Аал Луук дерева придя, / Трижды громко ударяет / Колотушкой

⁵ “Ајы Нэлбәрдään” = хозяйка земли. – М. С.

в бубен, <...> / Трижды перекатившись... / Мигом превращается / В звонкоголосую / Кукушку полосатую. / Сев на пень / Древа могучего, / К солнечной стороне / Обернувшись, / Начинает куковать / Звонким, ясным голосом <...> / К наступлению / Полного девятого / Дня кукования / Древо Аал Луук / Прежним стало'. Немного забегаая вперед, подчеркнем, что гипотетически, если предположить связь удаганки (шаманки) с образом *Аан Алахчын Хотун* посредством функционирования единых шаманских атрибутов, локусов и образа кукушки, то важным характерным свойством рассматриваемого образа духа-хозяйки земли предстает ее способность к оборотничеству.

Заключение

Таким образом, состав семантических признаков, свойственный мифологическому образу, образует достаточно цельное и полное представление о духе-хозяйке земли *Аан Алахчын Хотун*. Выявлены следующие качественные характеристики образа *Аан Алахчын Хотун*:

- 1) *Название, имя, интерпретация.* В текстах эпоса олонхо наблюдается устойчивость применения термина «дух-хозяйка земли», иногда используется название «хозяйка Вселенной», «дух-хозяйка дерева и места», «хозяйка дерева» без имени; отмечается вариативность имён (*Аан Дархан Хотун, Аан Аалай Хотун, Аан Мичил Хотун, Айыы Чалбарыкы, Манган Мангхалыын* и т. д.), среди которых доминирует *Аан Алахчын Хотун*; эпитеты характеризуют ее по внешнему облику – белое тело, бёдра и колени, седые волосы, обнаженные груди; интерпретируется как добрый дух.
- 2) *Внешний вид.* Отмечается ее антропоморфная ипостась, ее возраст – пожилая женщина или старуха, бабушка; иногда упоминается ее светлое лицо, ясные глаза; в описаниях доминирующей чертой подчеркивается белый цвет; выраженным признаком, отличающим духа-хозяйку земли, считаются огромные обнаженные груди; в текстах устойчиво упоминание ее нарядной, богатой одежды – шубы из рысьей шкуры и шапки из соболиных и рысьих шкур.
- 3) *Социальный статус.* Превалирует женская сущность, иногда фиксируется мужчиной, отмечается также наличие нескольких духов-хозяев земли и в женском, и в мужском облики; госпожа.
- 4) *Атрибуты, спутники.* Эпическая традиция наделяет образ духа-хозяйки земли тростью, гадальной ложкой (черпаком), в некоторых случаях шаманскими атрибутами – бубном и колодушкой, в ранних текстах олонхо атрибутом фиксируется сосуд-пузырь с живой водой, которой она передает герою-богатырю; ее появление сопровождается неизменными спутниками – ветром, молнией, дождем; иногда отмечается в сопровождении мелких духов растительности *Эрэкэ-Дьэрэкэ*, которые служат детьми (внуками) духа-хозяйки земли (отчетливы иерархические отношения между ними).
- 5) *Локус.* Устойчиво закрепленным местом обитания служит центр эпического пространства – мировое древо *Аал Луук мас*, отмечаются локализации в различных местах дерева (в стволе, с солнечной стороны ствола, под корнем), в ранних текстах олонхо наблюдается ее связь с фрагментом мирового дерева (пнем).
- 6) *Родословная.* Имеет божественное происхождение.
- 7) *Свойства, способности.* Выраженной способностью образа является умение опекать, вскармливать и воспитывать детей-сирот; характерной чертой подчеркивается способность к превращению (изменение роста, внезапное появление и исчезновение, отмечается превращение духа ее слов в кукушку); обладает знанием прошедшего, настоящего, будущего; умеет предсказывать будущее.
- 8) *Функции.* Образу присущи функции помощницы и кормилицы людей *айыы*, дарительницы «волшебной живой воды», советчицы и обладательницы тайных знаний, покровительницы и защитницы людей, посредницы между жителями Среднего и Верхнего миров олонхо.

Приведенный выше «ядерный» набор основных характеристик, с помощью которого идентифицируется образ духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*, отражает достаточно отчетливый разновременный состав признаков в смысле «разделения их на исторические периоды» [Лосев, 1957, с. 17] появлений (см. пункты, относящиеся к названию, социальному статусу, атрибутам, локусу, способностям,

функциям), которые могут выступить «разновременными рудиментами⁶ в пределах одного мифа» [Там же]. Такой вывод обозначает перспективу последующих исследований – попытку воссоздать путь исторического становления антропоморфного образа духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*.

Список литературы

- Алексеев Н. А.* Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск, 2008. 494 с.
Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. 432 с.
Винокуров В. В. Иччи (духи-хозяева) в якутском героическом эпосе олонхо // Эпосоведение. 2017. № 3 (07). С. 38–51.
Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск, 1979. 484 с.
Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. 620 с.
Попов А. А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XI. М.; Л., 1949. 276 с.
Протт В. Я. Русский героический эпос. М., 1999. 636 с.
Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М., 1962. 255 с.
Сатанар М. Т., Илларионов В. В. Миропонимание эпической формулы *абыс илээх-саҕалаах аан ийэ дойду* в свете физической теории единого поля // Общественные науки. 2017. № 3. С. 247–256.
Троцанский В. Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань, 1902. 219 с.
ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3 (Буквы Г, Д, Дь, И). 844 с.
Уткин К. Д. Истоки якутского шаманизма. Якутск, 1994. 19 с.
Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск, 2008. 400 с.

Список источников

- Александров Н. С.* Көр Буурай = Кёр Буурай. Якутск, 2022. 620 с. (На якут. и рус. яз.).
Ионова-Андросова М. Н. Олонхо, песни, этнографические заметки. Якутск, 1998. 733 с. (На якут. яз.).
НБС – Нюргун Боотур Стремительный: олонхо / Пер. В. В. Державина. Москва, 2007. 407 с. (На рус. яз.).
Нохсоров У. Г. Дьырай Бэргэн. Якутск, 2009. 348 с. (На якут. яз.).
Ойуунускай П. А. Дьулуруйар Ньургун Боотур. Дьокуускай, 2003. 552 с. (На якут. яз.).
Пекарский Э. К. Образцы народной литературы якутов. Выпуск II. СПб., 1908. 81 с. (На якут. яз.).
Пекарский Э. К. Образцы народной литературы якутов. Выпуск IV. СПб., 1910. 128 с. (На якут. яз.).
Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур = Строптивный Кулун Куллустуур. М., 1985. 609 с. (На якут. и рус. яз.).
Тимофеев-Теплоухов И. Г. Изэйхсит сиэнэ эриэн таба аттаах Эрэбил Бэргэн. Дьокуускай, 2015. 370 с. (На якут. яз.).
Уваровский А. Я. Ахтылар = Воспоминания. Якутск, 2003. 208 с. (На якут. и рус. яз.).
ҮҮ – Үрүн Үөдүйээн. Дьокуускай, 2013. 360 с. (На якут. яз.).
ХДь – Хаан Дьаргыстай. Дьокуускай, 2016. 232 с. (На якут. яз.).
Харузина В. Н. Сказки русских инородцев (с краткими бытовыми очерками и иллюстрациями). М., 1898. 317 с. (На рус. яз.).
Ядрихинский П. П. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Якутск, 2011. 448 с. (На якут. и рус. яз.).
Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. Л., 1929. 226 с. (На рус. яз.).

⁶ «Рудименты, т. е. остатки прежних эпох в той или иной степени своей интенсивности» [Лосев, 1957, с. 17]. «Рудименты только дополняют и детализируют общую картину мифа как фокуса живых исторических сил. Они, как обертоны, делают полнозвучным и полноценным основной тон или аккорд, которым является данный миф» [Там же, с. 20].

References

- Alekseev N. A. *Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri* [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2008, 494 p. (In Russ.).
- Ergis G. U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Yakutsk, 2008, 400 p. (In Russ.).
- Kulakovskiy A. E. *Nauchnye Trudy* [Scientific works]. Yakutsk, 1979, 484 p. (In Russ.).
- Losev A. F. *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii* [Antique mythology in its historical development]. Moscow, 1957, 620 p. (In Russ.).
- Popov A. A. Materialy po istorii religii yakutov byvshego Vilyuyskogo okruga [Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. XI, 276 p. (In Russ.).
- Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian Heroic Epos]. Moscow, 1999, 636 p. (In Russ.).
- Pukhov I. V. *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho: osnovnye obrazy* [Yakut heroic epos olonkho: the main images]. Moscow, 1962, 255 p. (In Russ.).
- Satanar M. T., Illarionov V. V. Miroponimanie epicheskoy formuly аҕys iileekh-саҕалаах аан iye doydu v svete fizicheskoy teorii edinogo polya [The worldview of the epic formula аҕys iileh-саҕалаах аан iye will reach in the light of the physical theory of a single field]. *Social Sciences*. 2017, no. 3, pp. 247–256. (In Russ.).
- Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта* [Explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2006. Vol. 3 (Letters G, D, Dj, I). 844 p. (In Yakut, in Russ.).
- Troshchanskiy V. F. *Evolyutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov* [Evolution of the Black faith (shamanism) among the Yakuts]. Kazan, 1902, 219 p. (In Russ.).
- Utkin K. D. *Istoki yakutskogo shamanizma* [The origins of Yakut shamanism]. Yakutsk, 1994, 19 p. (In Russ.).
- Vinogradova L. N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk demonology and the mytho-ritual tradition of the Slavs]. Moscow, 2000, 432 p. (In Russ.).
- Vinokurov V. V. *Ichchi (dukhi-khozyaeva) v yakutskom geroicheskom epose olonkho* [Ichchi (master spirits) in the Yakut heroic epic olonkho]. *Epic Studies*. 2017, no. 3 (07), pp. 38–51. (In Russ.).

List of sources

- Aleksandrov N. S. *Kør Buuray = Ker Buuray* [Ker Burai]. Yakutsk, 2022, 620 p. (In Yakut, in Russ.).
- Ionova-Androsova M. N. *Olonkho, pesni, etnograficheskie zametki* [Olonkho, songs, ethnographic notes]. Yakutsk, Kuduk, 1998, 733 p. (In Yakut).
- Khaan D'argystay* [Khaan Jarystai]. D'okuuskay, 2016, 232 p. (In Yakut).
- Kharuzina V. N. *Skazki russkikh inorodtsev (s kratkimi bytovymi ocherkami i illyustratsiyami)* [Fairy tales of Russian foreigners (with short everyday essays and illustrations)]. Moscow, 1898, 317 p. (In Russ.).
- Nokhsorov U. G. *Dyyray Bergen* [Durai Bergen]. Yakutsk, 2009, 348 p. (In Yakut).
- Nyurgun Bootur Stremitel'nyy* [Nyurgun Bootur the Swift]. Trans. by V. V. Derzhavin. Moscow, 2007. 407 p. (In Russ.).
- Oyuunuskay P. A. *D'uluruyar N'urgun Bootur* [Nyurgun Bootur the Swift]. D'okuuskay, 2003, 552 p. (In Yakut).
- Pekarskiy E. K. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov* [Samples of Yakut folk literature]. St. Petersburg, 1908, iss. 2, 81 p. (In Yakut).
- Pekarskiy E. K. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov* [Samples of Yakut folk literature]. St. Petersburg, 1910, iss. 4, 128 p. (In Yakut).
- Timofeev-Teploukhov I. G. *Kuruubay khaannaakh Kulun Kullustuur = Stroptivyy Kulun Kullustuur* [Obstinate Kulun Kullustuur]. Moscow, 1985, 609 p. (In Yakut, in Russ.).
- Timofeev-Teploukhov I. G. *Ieyekhsit siene erien taba attaakh Erebil Bergen* [Erebil Bergen]. D'okuuskay, 2015, 370 p. (In Yakut).
- Uvarovskiy A. Ya. *Akhtyylar = Vospominaniya* [Memories]. Yakutsk, 2003, 208 p. (In Yakut and Russ.).

Yadrikhinskiy P. P. *D'yrybyna D'yrylyatta kyys bukhatyur = Devushka-bogatyur' Dzhyrybyna Dzhyrylyatta* [The hero girl Jyrybina Jyrylyatta]. Yakutsk, 2011, 448 p. (In Yakut, in Russ.).

Yastremskiy S. V. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov* [Samples of Yakut folk literature]. Leningrad, 1929, 226 p. (In Russ.).

Үрүн Үөдүүеен [Yuryung Yueduyang]. D'okuuskay, 2013, 360 p. (In Yakut).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
21.07.2023

Сведения об авторе

Сатанар Марианна Тимофеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора «Олонхование» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID 0000-0002-3546-7343

WoS Researcher ID AAH-5055-2019

Information about the Author

Marianna T. Satanar – Candidate of Philology, Researcher, Sector for Olonkho studies, Olonkho Research Institute, Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID 0000-0002-3546-7343

WoS Researcher ID AAH-5055-2019

УДК 398.2+398.3 (811.512.3)
DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-78-88

**Когда Кабан Учитель разожжет под землей свой огонь...:
об одном персонаже бурятской мифологии**

Н. Н. Николаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

В статье рассматривается персонаж *Гахай багша*, Кабан Мудрец или Кабан Учитель, встречающийся в сказках, героическом эпосе, шаманских призываниях и народном календаре бурят. Новизна исследования состоит в том, что впервые образ *Гахай багша* исследован во всех его ипостасях, определены его атрибутика, функции и семантика. Выявлено, что образ *Гахай багша* уходит корнями в древнемонгольские и в целом общемировые представления о кабане / вепре / свинье, символизирующем плодородие, воплощающем продуцирующую силы земли и живительную силу небесной воды. Также семантика образа *Гахай багша* включает отсылки к культуре кабана-первопредка, бытовавшего у монгольских народов.

Ключевые слова

сказка, героический эпос, шаманские призывания, мифология, народный календарь, персонаж, свинья, кабан

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания; проект № FWSW-2021-0004 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»

Для цитирования

Николаева Н. Н. Когда Кабан Учитель разожжет под землей свой огонь...: об одном персонаже бурятской мифологии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 78–88.
DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-78-88

**When the Boar Teacher lights his fire under the ground...:
one character of Buryat mythology**

N. N. Nikolaeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

This paper examines the image of *Gakhai bagsha* in fairy tales, heroic epic, shamanic invocations, and the folk calendar of the Buryats. The name of this character includes the *gakhai* 'pig/boar' component. At the same time, it is an anthropomorphic character with obvious mythological roots. *Gakhai bagsha* is a type of simpleton under the guise of a sage who emerges victorious from conflict situations thanks to his luck and coincidence. The epic *Gakhai bagsha* is rather close to the deity of the shamanic-buddhist character. An indispensable attribute of *Gakhai bagsha* in fairy tales and epics is a pig's / boar's head. The mythological basis of this outfit appears in the folk calendar. *Gakhai bagsha* making a fire under the ground is associated with the arrival of spring and the thawing of the earth. In shamanic invocations, he is called the owner of the earth. The image of *Gakhai bagsha* is rooted in ancient ideas

© Н. Н. Николаева, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

about the owner of the earth embodying the idea of fertility and the heavenly deity controlling the rains and fertility. Not only did the ancient Mongols have such representations. They were also widespread in the world culture. Another aspect of this image is the reminiscence of the totemistic cult of the boar-first ancestor. *Gakhai Bagsha* is likely to have appeared in the folklore and mythological space of Buryats through the Khori-Buryat people. Due to historical reasons, Khori-Buryats were longer influenced by the Mongol world and preserved the ancient Mongolian mythological and totemistic representations.

Keywords

fairy tale, heroic epic, shamanic invocations, mythology, folk calendar, character, pig, boar

Acknowledgments

The work was performed within the framework of a state assignment; project No. FWSW-2021-0004 “Ethnocultural identity in the architectonics of folklore and literary texts of the peoples of the Baikal region”

For citation

Nikolaeva N. N. *Kogda Kaban Uchitel' razozhzhel pod zeml'ei svoi ogon'...: ob odnom personazhe buryatskoi mifologii* [When the Boar Teacher lights his fire under the ground...: one character of Buryat mythology]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 78–88. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-78-88

История изучения и актуальность исследуемой темы. Образ Кабана Учителя или Кабана Мудреца *Гахай багша* в бурятской традиции имеет, по всей видимости, мифологическое происхождение с довольно глубокими и в то же время туманными корнями. Обычно он упоминается в работах исследователей в контексте сказочного сюжета из монгольского книжного источника, который в свою очередь восходит к индийскому первоисточнику [Баранникова, 1978, с. 237–251; Цыбикова, 2020, с. 9–10]. Сказки с данным персонажем были записаны на территории Республики Бурятия и Забайкальского края. Также он представлен в эпосе, народном календаре и шаманских призываниях бурят. *Гахай багша*, на наш взгляд, представляет собой уникальное явление. Сказочный герой *Гахай багша* отличается от эпического. Эпический *Гахай багша*, в свою очередь, не идентичен по семантике и функциям шаманскому персонажу. Может создаться впечатление, что речь идет о нескольких разных образах, объединенных одной номинацией. *Гахай багша* выделяется в ряду многочисленных и во многом однотипных богатырей, героев-трикстеров, ханов, чудесных помощников и т.д. благодаря мифологической составляющей своего образа. Поэтому актуальным представляется исследование истоков образа *Гахай багша*, его скрытой семантики в рамках древних мифологических воззрений бурят и монголов.

Цель работы. Целью работы является исследование образа *Гахай багша* во всех его ипостасях, выявление атрибутики, функций и семантики персонажа на сказочном, эпическом, шаманском материале, определение истоков его происхождения.

Материал исследования. Материалом послужили опубликованные тексты сказок, записанных у разных этнолокальных групп бурят [Бурятские народные сказки, 1973, с. 155–183; Бурятские народные сказки, 2008, с. 50–52; Небесная дева-лебедь, 1992, с. 47–50, 50–54; Цыбикова, 2020, с. 114–118]; аннотированные тексты улигеров [Бурчина, 2007]; изданные и архивные материалы С. П. Балдаева [Балдаев, 2013], (ЦВРК ИМБТ СО РАН¹, ф. 36, инв. № 1082), П. П. Баторова (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 14, инв. № 11); собственные полевые материалы автора (ПМА).

Образ Гахай багша – Кабана Мудреца / Кабана Учителя в сказках

В первую очередь внимание привлекает имя персонажа – *Гахай багша*, где *гахай* – бур., общ.-монг. ‘свинья, кабан’, *багша* – бур., общ.-монг. ‘учитель, преподаватель, наставник’. В некоторых вариантах его именуют *Гахай үзэлиэн Галбаа* ‘Кабан / Свинья гадатель Галба’, ‘Знахарь [по имени] Гахай Галба’, где *галбаа*, скорее всего, – искаж. русск. ‘голова’, т.е. ‘Знахарь Кабанья / Свиная Голова’. Другой вариант: *Гахай тугшэ*, в котором компонент *тугшэ* невозможно точно перевести или интерпретировать, поскольку имеется только переводной текст. Но в любом случае в имени персонажа всегда присутствует *гахай* ‘свинья, кабан’. Во избежание разночтения в работе будет употребляться только вариант *Гахай багша*.

¹ Центр восточных рукописей и киелографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. См. также список «Архивные источники».

Рассматриваемый в эпосе, сказках, шаманских призываниях *Гахай багша* – однозначно антропоморфный персонаж, но наличие «свиного / кабаньего» компонента в имени наводит на мысль о его зооморфных истоках. Сказка с персонажем *Гахай багша* восходит к сюжету «Знахарь со свиной головой» из монгольского сборника «Волшебный мертвец», переводного изложения индийских «Двадцати пяти рассказов веталы» [Волшебный мертвец, 1958, с. 38–47; Двадцать пять рассказов веталы, 1958]. Исследователи отмечали, что от индийского первоисточника в монгольской среде была взята лишь структура обрамленной повести, сюжеты же, наполнившие ее, стали иными [Цыбикова, 2020, с. 10], т.е. образы и персонажи «Волшебного мертвеца», очевидно, принадлежат по большей части не индийской, а монгольской традиции. По нашему мнению, в «Двадцати пяти рассказах веталы» нет персонажа, которого можно идентифицировать как прототип *Гахай багша*, знахаря со свиной головой, а значит, сказочный *Гахай багша* – абсолютно монгольский персонаж.

Сказка была записана под разными названиями на территории современных Республики Бурятия и Забайкальского края, зафиксирована и в наши дни у шэнэхэнских бурят из Автономного района Внутренняя Монголия КНР, выходцев из Забайкальского края. По большей части она была известна среди бурят-буддистов, знавших старомонгольскую письменность и, соответственно, имевших возможность ознакомиться с ксилографическими изданиями и рукописными вариантами монгольского «Волшебного мертвеца». Предбайкальским бурятам этот сюжет не был известен, но у кударинских бурят, представителей эхиритских родов, переселившихся в районы Бурятии из Предбайкалья, был записан, по крайней мере, один вариант. В сказочной традиции других монгольских народов (калмыков, ойратов, халха-монголов) сказки о *Гахай багша* также представлены.

В сказочных сюжетах, в которых одним из действующих лиц выступает *Гахай багша*, можно выделить несколько значимых моментов:

1. Героя, ленивого охотника или простака, именуют либо он сам называет себя *Гахай багша*, целителем, мудрецом, знахарем. В текстах объяснений этому не дается. В некоторых вариантах герой имеет собственное имя, а *Гахай багша* – своего рода почетный титул. Примечательно употребление компонента *багша* – общ-монг. ‘учитель, преподаватель, наставник’ в сказочном контексте в значении ‘знахарь, лекарь, целитель, гадалщик, мудрец’, что очень близко к значению слова *бахши / баксы* / *бахши* у тюрков Средней Азии (киргизы, казахи, кыпчаки и др.), у которых оно обозначало лекаря, знахаря, шамана, исцеляющего больных, находящихся под влиянием злых духов [Религии Центральной Азии..., 2016, с. 233–234]. Другие персонажи, вовлеченные в «целительские» и «гадательные» мистификации *Гахай багша*, относятся к нему как к лицу с экстраординарными способностями, всезнающему и всеведующему мудрецу.

2. Непременным атрибутом лже-лекаря / знахаря / гадалщика выступает свиная / кабанья голова или свиной / кабаньих череп, при помощи которых он проводит своеобразные ритуалы в подражание шаманам или ламам, «находит» предметы, разоблачает оборотней. Поскольку *гахай* может означать и «свинья», и «кабан», то в сказке невозможно точно идентифицировать, чью голову / череп использует *Гахай багша*. Символика свиньи в традиционной культуре бурят имела негативную окраску. Со свиньей ассоциировались такие качества, как глупость, обжорство, жадность, неумеренность, неряшливость, лень. Более того, свинья считалась нечистым животным, ее мясо исключалось из рациона, а прикосновение к ней могло осквернить шамана или человека, имеющего шаманскую наследственность [Миллер, 2009, с. 256; Хангалов, 2004, с. 121–122].

Кабан, в отличие от свиньи, коннотировался не столь негативно. Он не принадлежал к ряду сакральных животных, был объектом охоты, и на него не распространялись представления как о нечистом животном. Хотя, по некоторым данным, кабана, наряду с барсуком, сусликом, кротом, лисой, могли считать одним из зловредных животных, находящихся в тесной связи с нижним миром мертвых, из-за его повадок – рыхления земли в поисках пищи [Содномпилова, Нанзатов, 2016, с. 49].

У некоторых групп бурят кабан почитался как тотемный первопредок. Среди хоринцев (Забайкалье) имеется род *бодонгууд* (‘кабаны’), происхождение которого некоторые исследователи возводят к киданям, у которых существовал культ кабана [Галданова, 1987, с. 50; Цыдендамбаев, 1972, с. 207]. У бурят Прибайкалья также имелся род, очевидно, возводивший свое происхождение к кабану, поскольку его основателями считались мальчик и девочка, спущенные небом на гору у устья реки Тунки и вскормленные дикой свиньей [Бадмаев, 2022, с. 150].

Развитый культ кабана существовал у закаменских хонгодоров. Они использовали клык кабана для очерчивания границы «выкупленной земли» в обряде *газар гуйха* в погребальной церемонии. При постройке жилища земля «освящалась» также клыком кабана, а затем под порогом дома закапывалась его голова [Галданова, 1987, с. 38]. В свадебной обрядности сваренную кабанью голову (наряду с конской и бараньей) как почетное блюдо *төөлэй* преподносили главному свату. Когда он уезжал домой, эту голову привязывали к седлу или торокам, и по дороге следовало избавиться от нее. Если сват привозил голову домой и / или употреблял ее в пищу, это грозило ему смертью. По мнению Г. Р. Галдановой, «закапывание головы кабана под порогом жилища и использование ее в качестве *төөлэй*... на свадьбе позволяют соотнести культ кабана с культом предков, т.е. с большой вероятностью предположить, что у предков отдельных групп бурят существовал древний тотемный культ кабана» [1987, с. 38–39].

У бурят существовали представления, согласно которым в свадебном пиршестве вместе с живыми «участвовали» и почившие предки: *хуримда хубхай толгой мухаряа* ‘на свадьбе сухой череп покатился’ [Бурятский героический эпос..., 2022, с. 130]. Считалось, что умершие, превратившись, т.е. воплотившись в череп (*хубхай толгой*), продолжают общаться с потомками и сородичами. Череп представлялся вместилищем *сүлдэ* (жизненной силы), символом духа-хранителя, предка, способного оказывать воздействие на живых. Подобные воззрения, очевидно, были общемонгольскими. В раннем монгольском летописном источнике «Сокровенное сказание монголов» отрезанной голове керейтского Ван-хана воздают почести и совершают обряд жертвоприношения [МНТ, 1990, с. 82]. Таким образом, дух предка, воплотившийся в кабаньей голове / черепе, был призван даровать потомкам плодородие, богатство, благополучие и т.д., и одновременно представлял опасность для живого человека, поэтому от него следовало избавиться. Можно предположить, что в нашем сказочном сюжете употребление свиного, но, вероятней всего, кабаньего черепа также подразумевает использование сакрального атрибута, в котором воплотился дух предка, дух-покровитель, долженствующий оказывать помощь шаману или своему потомку.

3. Иногда *Гахай багша* представлен не просто гадальщиком / знахарем / лекарем. В одном варианте говорится: «*Гахай багша* – это же хозяин всей земли... Ведь по всей земле *Гахай багша* знаменит. Искусный лекарь и мудрый перерожденец в наш дом вошел’ (перевод с бурятского наш. – Н. Н.) [Бурятские народные сказки, 1973, с. 161]. Лжегадатель принимает имя *Гахай багша* не просто так. В сказочном контексте *Гахай багша* известен и его статус высок. Однако представление о нем как знаменитом мудреце и перерожденце-*хубилгане* (т.е. буддийском святом) – это, несомненно, позднее буддийское привнесение, в отличие от более архаичного представления как о хозяине или властителе всей земли. Сказочный *Гахай багша* представляет собой типаж простака, который благодаря своей удаче и стечению обстоятельств выходит победителем из конфликтных ситуаций. Не сохранив прототипа *Гахай багша*, под чьим именем, как под маской, прячется герой-простак, сказка тем не менее сохраняет наиболее значимые его характеристики: свиной / кабаньих череп или голова в качестве сакрального атрибута, представление о нем как о хозяине земли.

Гахай багша как персонаж героического эпоса

В героическом эпосе персонаж под именем *Гахай багша* представляет собой иное явление. В улигере «Эрэ Тохолэй батор» *Гахай багша* – не то божество, сочетающее в себе шаманские и буддийские черты, не то священнослужитель высокого ранга, в силу своих религиозных достижений обретший полубожественный статус. Так, *Гахай багша лама* должен помочь главному герою Эрэ Тохолэй батору в поисках невесты. Здесь к имени прибавлен компонент *лама* ‘буддийский священник, монах’. Местонахождение *Гахай багша ламы* – в далекой земле, куда не долетит птица и не доскачет конь, где он сидит «[плотно] закрыв [отверстия?] семи подземелий-*тама*» (!) [Бурчина, 2007, с. 34]. Условия его появления напоминают обряд призывания божества: он должен появиться (показаться) в полнолуние, сидя верхом на голом свином черепе (!), держа под правой подмышкой черную книгу *дорлик* (шаманская книга предсказаний и гаданий, обрядник). При его появлении следует призывно манить, держа подушки-*олбоки* по направлению к полной луне, и он прибывает по Небесному Шву (Млечному Пути), по лучам звезд под покровом солнца и луны. Герой должен выставить ему обильное угощение-подношение в виде спиртных напитков и мяса. Эрэ Тохолэй батор выполняет все необходимые условия, *Гахай багша лама* прибывает, оседлав свиной череп, читает о невесте-суженой

в своей книге *дорлик* и подробно рассказывает герою о том, где она находится [Бурчина, 2007, с. 34–39]. На этом его роль в сюжете полностью исчерпывается, т.е. он – второстепенный персонаж и играет функцию окказионального чудесного помощника главного героя. Кроме этого, в варианте «Гэсэра» П. Тушемилова *Гахай багша* упоминается как *турушин* (тысяцкий) на свадьбе героя с одной из его жен, и его присутствие в сюжете абсолютно номинально [Тушемилов, 2000, с. 74].

Эпический *Гахай багша* как персонаж редок и, возможно, вообще встречается только в этих двух сказаниях. Как и у сказочного, атрибутом у него выступает свиной череп и проскальзывает некая связь с землей – он живет в не просто далекой неизвестной земле (иномирье), но сидит «[плотно] закрыв [отверстия] семи подземелий-тама». Кроме этого, эпический *Гахай багша* связывается и с небом, сакральным верхом, он спускается сверху, как божество.

Народный календарь. День, когда Гахай багша под землей разжигает свой огонь

Связь кабана / свиньи с землей в любом аспекте и в целом представление о том, что кабан является своего рода хозяином земли, прослеживается не только в эпическом фольклоре. Так, те же закаменские буряты, выходя на охоту на кабана, «вслух об этом не говорили, так как полагали, что земля – уши кабана (*газар шэхэтэй*)» [Галданова, 1987, с. 38]. В круг этого же понятия, очевидно, входит выражение *газар дуулаг, гахай шагнаг* (вар.: *гахай шэниээ*)! ≈ а) ни гугу!, ни слова об этом!, молчок!; б) об этом история умалчивает; тише воды, ниже травы (букв. 'пусть слушает земля, пусть услышит (обнюхает) свинья!') [БРС, 2006, т. 1, с. 188].

Представления о свинье / кабане – хозяине земли отчетливо прослеживаются в народном календаре. У некоторых групп бурят, кроме восточного циклического и общепринятого русского календаря, бытовал также календарь, приуроченный к церковным православным праздникам и отмечающий те или иные сезонные явления приметами. В этом календаре обозначен день 17 (30) марта, *Легсей – гахай багшын газар доро галаа түлхэ үдэр*, букв. 'Алексей – день, когда Свинья / Кабан Учитель под землей разводит свой огонь' [БРС, 2008, т. 2, с. 265]. Считалось, что в этот день земля начинает оттаивать. Если от земли шли испарения, то весенняя погода ожидалась теплой. Если испарений не было, то весна должна быть холодной. Существовало что-то вроде игры с детьми, когда им говорили: «Смотри, как Алексей будет разжигать огонь. Смотри, откуда идет дым. Дети оглядывались и, увидев где-нибудь восходящие от земли испарения, кричали: огонь разжег!» [Дашиева, 2015, с. 13]. Когда начинало теплеть, говорили: *Гахай багшамнай галаа түлөө* 'Гахай багша наш огонь свой разжег'; если было сыро и холодно: *Гахай багша нойтон модоор галаа түлөө* 'Гахай багша сырими дровами огонь свой растопил'. Оттаивание земли от зимней мерзлоты иногда объясняли тем, что свинья землю роет, от того и земля оттаивает, но более широко, очевидно, представлялось, что Кабан разжигает под землей огонь, и от этого земля оттаивает и наступает весеннее тепло.

В русском народном календаре 17 (30) марта – день Алексия Божьего человека, и с ним связаны практически идентичные приметы о наступлении тепла, погоде на весну. Таким образом, произошел «сплав» русского календаря с бурятскими представлениями, некое слияние образов Алексия и *Гахай багша*.

Насколько нам удалось выяснить, образ *Гахай багша*, разводящего под землей костер и согревающего землю, и связанные с ним поверья и приметы бытовали в Кижингинском (материалы Н. Б. Дашиевой), Хоринском и Еравнинском районах Республики Бурятия, Агинском бурятском округе Забайкальского края (ПМА²), т.е. в основном среди бурят-хоринцев (и проживавших с ними по соседству других групп), в среде которых, как было сказано выше, в древности существовал культ кабана, что маркирует род *бодонгууд* ('кабаны').

Слабые и завуалированные воззрения похожего плана прослеживаются у унгинских, боханских, осинских бурят-булагатов (Предбайкалье). Хотя у этих групп бурят не существовало представлений о Кабане, разжигающем весной под землей костер, у них бытовало выражение, произносимое старшими членами семьи при чихании ребенка: *нохойн хонзооһондо ороод, ногоони бултайхада гараарай*,

² Информанты – женщина 1950 г.р., уроженка с. Цокто Хангил Агинского бурятского округа Забайкальского края; женщина 1946 г.р., уроженка с. Амгаланта Хоринского района Республики Бурятия; женщина 1974 г.р., уроженка с. Амгаланта Хоринского района РБ; мужчина 1975 г.р., уроженец с. Исинга Еравнинского района Республики Бурятия.

гахайн хонзооһондо ороод газари гэдхэдэ гараарай! ‘Войди в anus собаки и выйди [оттуда], когда покажется трава; войди в anus свиньи и выйди [оттуда], когда оттает земля’ (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 14, инв. № 11, л. 2, 3; ПМА³). У П. П. Баторова есть объяснение этой присказке. При чихании душа ребенка может вылететь из тела. Она может не вернуться, ее могут схватить злые духи, и тогда ребенок умрет. Чтобы этого не случилось, душе указывается своеобразный «путь»: забраться в нечистые места – anus свиньи или собаки. Душа отдает предпочтение своему прежнему местопребыванию и возвращается обратно в тело. Возможно, здесь подразумевался и охранительный аспект – чтобы не попасться духам, душа должна была спрятаться в собаке или свинье. Соответственно, эти животные обладали апотропейными функциями.

В приведенном выше выражении семантика хозяина земли объединяет свинью / кабана и собаку, составляющих мифологическую пару божеств-хозяев. При этом и собака, и свинья / кабан ассоциировались не просто с землей, а с оттаивающей землей, весенним теплом, началом роста трав, что наблюдается и в образе *Гахай багша*, разжигающем весной свой подземный огонь.

Связь кабана / свиньи с защитой души ребенка, возможно, восходит к существовавшему у древних монголов культу веоря с почитанием божества с теонимом *Хадарган Хар тэнгри*, где *Хадарган* ‘матерый дикий веоря 4-5 лет’, *хар* ‘черный’, *тэнгри* / *тэнгэр* ‘небо, небожитель, божество’. Основной его функцией было дарование потомства (детей) [Бурчина, 2007, с. 36]. Очевидно, это же божество было известно под именем *Хадарган Хар Буман*, «чей мифологический образ содержит общий функциональный аспект с Хухэдэй Мэргэн тэнгрием по линии атмосферно-грозовых божеств или буумал тэнгриев» [Дугаров, 2011, с. 63]. Таким образом, у древних монголов божество, вероятно, представлявшееся в образе небесного веоря (*Хадарган Хар тэнгри*, *Хадарган Хар Буман*), связывалось с плодородием и деторождением через свою функцию ниспослания небесной влаги, соотносящуюся с представлениями о грозе как плодородном акте между небом и землей и дожде как небесном семени, дающем жизнь.

Хозяин земли Гахай багша в шаманском пантеоне

Гахай багша отмечился и в шаманской мифологии бурят. Так, у кударинцев *Гахай багша* считался хозяином земли и первым человеком, поселившимся в Кударе. Полное его имя – *Газарай эээн Гахай багша*, *Унагай баатар* – букв. ‘Владыка земли Кабан Учитель, богатырь Унагай’. Также его именовали *Дайдын эээн Даланта ноен* с супругой *Дэлүүтэ хатан* (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 36, инв. № 1082, л. 11–13). *Даланта* ‘имеющий жир на загривке’, т. е. *Дайдын эээн Даланта ноён* букв. ‘Владыка вселенной / земли Имеющий жир на загривке нойон’. *Дэлүүтэ* можно возвести к *дэлюун* со значением ‘селезенка’, т. е. *дэлүүтэ* – *дэлюутэ* букв. ‘имеющая селезенку’, либо к *дэлюун* ‘широкий, просторный, обильный, изобильный; ширь, просторы’, *дэлюутэ* ‘имеющая просторы, раздолье’. Но, на наш взгляд, *дэлүүтэ* – это диал. *дэлхэтэ* ‘имеющая гриву, гривастая’, так как в байкалокударинском говоре бурятского языка наблюдается выпадение фарингального [h] в трех- и более слоговых словах с образованием долгих гласных в результате стяжения следующих простых, оказавшихся рядом гласных, как, например: *анзуун* вместо лит. бур. *анзаһан* ‘соха’, *элүүн* вместо лит. бур. *элһэн* ‘песок’, *загуун* вместо лит. бур. *загаһан* ‘рыба’, *дабуун* вместо лит. бур. *дабһан* ‘соль’ и т. д. [Митрошкина, Семенова, 2004, с. 39].

Гахай багша считался хозяином *Дайдын тайлган* (*тайлгана* земли), проводимого 23–24 июня, на котором просили дождя, урожая трав и хлебов [Балдаев, 2013, с. 514–515]. Согласно рукописным источникам С. П. Балдаева, *Гахай багша* призывали и на тайлгане *Дайдын үбгэдтэ*, посвященном земным старцам, т. е. почитаемым предкам, и просили деторождения, приплода скота и присмотра за стадами и табунами, удачи в рыболовном промысле и богатого улова (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 36, инв. № 1082, л. 11, 12).

Еще один вариант наименования хозяина земли у кабанских бурят – *Дэлхэйн эжэн Дэлүүтэ ноен баабай*, *Гахай ехэ багша*, *Унагай ехэ баатар хүн* – букв. ‘Владыка земли, Имеющий гриву Господин отец, Кабан великий учитель, Унагай великий богатырь’ (перевод наш. – Н. Н.) [Бадмаев, 2022, с. 150–151]. Супругу именуют *Дэрсэ хатан* и, по мнению исследователя А. А. Бадмаева, ее имя – производное от *дэрсыхэ* ‘оттопыриваться (об ушах)’, что передает особенности ушей дикой свиньи,

³ Информант – женщина 1956 г.р., уроженка д. Онгой Осинского района Иркутской области.

длинных, острых и стоячих. Также исследователь предполагает, что в представлениях бурят кабан мог обладать символикой плодородия, дождя, небесной воды, так как в шаманских призываниях у хозяина земли *Гахай багша* просили дождя, урожая хлебов и трав [Там же]. Подобная семантика напрямую соотносится с культом кабана и почитания *Хадарган Хар тэнгрия* у древних монголов, о чем говорилось выше. Здесь можно вспомнить эпического *Гахай багша*, который, словно божество, прибывает с небес и помогает герою найти невесту, т. е. его функцию можно расшифровать тоже в своем роде как способствующую деторождению, продолжению рода.

В образе хозяина земли *Гахай багша* с титулатурой, включающей номинации *дайдын / дэлхэйн эээн, даланта ноен / дэлуутэ хатан*, по нашему мнению, прослеживается контаминация нескольких образов:

1. Мифологический *Гахай багша*, аккумулирующий в себе представления о земле как кабане и представления о хозяине земли – кабане, разжигающем весной свой костер. В этом аспекте земля, возможно, представала в образе плодовой свиньи / кабана, оттаивая весной и рождая в изобилии травы и плоды. Известно, что в западной античной культуре Деметры, богиня плодородия и хлеба, и ее дочь-двойник Персефона первоначально представлялись в образе свиньи. Позднее свинья была жертвенным животным Деметры, ее изображали несущей свинью или в сопровождении свиньи [Фрэзер, 2001, с. 67]. В воззрениях народов Северной и Восточной Европы считалось, что в кабане / свинье воплощается «дух хлеба» [Там же, с. 61–63], т.е. плодородная сила земли.

С другой стороны, символика свиньи / кабана, коррелирующая с представлениями о земном плодородии, прослеживается также и на Востоке, в буддизме. Несмотря на то, что свинья в целом несла негативную семантику, символизируя один из трех грехов (невежество и жадность), в тибетском буддизме обнаруживается божество Ваджраварахи (санскр. vajravārahī ‘Алмазная Свинья (веприца)'). Это одна из ипостасей богини Тары, которую изображали с головой свиньи над правым ухом, либо имеющей три головы, левая из которых была свиной, а ее воплощения имели тело женщины и лицо свиньи, либо могли оборачиваться дикой свиньей⁴. Она представлялась, в числе всего прочего, как источник плодородия и жизни. Считалось, что Ваджраварахи являлась к святым с наставлениями по медитативной практике [Музраева, 2022 с. 381]. Возможно, компонент *багша* ‘учитель, наставник’ в имени *Гахай багша* можно расшифровать также и в этом аспекте, хотя, безусловно, *Гахай багша* сам по себе не буддийский персонаж.

2. Владыка земли или хозяин местности, парный образ которого в шаманской мифологии практически всегда имел эпитетику *даланта / дэлхэтэ*. Л. С. Дампилова указывает: «В синонимичных именах хозяев земли и вселенной (*Даланта/Далагар, Дэлэсэтэ/Дэлгэр*) кодируется их творящее начало. Слово *дэлхэй* ‘вселенная’ обозначает все мироздание, и в песнопении имена божеств *Дэлэсэтэ* ‘с гривой’ и *Дэлгэр* ‘просторный’ символизируют обилие и изобилие. Примечательно имя хозяина земли, архетипически связанное с древним тюрко-монгольским мифом: образ вселенной в виде скачущего жеребца. Конь как священное, солярное животное в монгольской культуре универсально обозначает предковое начало» [Дампилова, 2012, с. 151].

На наш взгляд, в номинации хозяев земли у кударинских бурят прослеживается смешение реминисцентных представлений о хозяине земли как коне и как кабане / свинье. Можно осторожно предположить, что кударинские буряты включили *Гахай багша* в ряд хозяев земли и местности, позаимствовав представления о нем у проживавших рядом других родов, в частности, хоринских, уже после своего переселения на территорию современного проживания, поскольку в шаманском пантеоне и призываниях эхиритов и булагатов Предбайкалья такого персонажа, как *Гахай багша*, однозначно нет. Не исключено, что шаманский *Гахай багша* является своего рода двойником календарного.

Выводы

Итак, образ *Гахай багша*, Кабана Учителя или Кабана Мудреца, представляет собой довольно интересное явление. Присутствуя в сказках, эпосе, шаманских призываниях и мифологических представлениях бурят, он имеет различный статус. Сказочный *Гахай багша* это своего рода титул или маска, под которыми скрывается другой герой, и он наиболее далек от своих мифологических кор-

⁴ Ваджраварахи // abhidharma.ru [Электронный ресурс].

URL: <https://abhidharma.ru/A/Tantra/Content/Cadhana/Vajravarahi.htm>; дата обращения: 07.06.2023.

ней. Эпический *Гахай багша* – персонаж, наделенный чертами божества смешанного буддийско-шаманского характера. В шаманском же пантеоне *дайдын эзэн Гахай багша* причислен к ряду владык земли, хозяев местности, функцией которых было наделение плодородием, чадородием, расплодом скота, весенними и летними дождями, урожаем трав и хлебов. Сказочного и эпического *Гахай багша* объединяет атрибутика (свиной / кабаньей череп) и связь с землей в различных аспектах, завуалированная или очевидная, которая наиболее полно сохранилась в мифологических представлениях народного календаря о Кабане, разжигающем весной свой костер, и шаманских представлениях о нем как о хозяине Земли. На наш взгляд, образ *Гахай багша* уходит корнями в древнемонгольские и в целом довольно распространенные в мировой культуре представления о кабане / вепре / свинье, символизирующих плодородие и чадородие, воплощающих продуцирующую силы земли и живительную силу небесной воды. В качестве божества он представал, очевидно, в виде небесного вепря и в то же время являлся воплощением самой плодородной земли. Кроме того, семантика образа *Гахай багша* включает и реминисцентные отсылки к культу кабана-первопредка, бытовавшего не только у бурят, но и других монгольских народов. Появление *Гахай багша* в фольклорно-мифологическом пространстве бурят, очевидно, произошло через хоринцев, в силу исторических причин более длительно пребывавших в сфере влияния монгольского мира и сохранивших древнемонгольские мифологические и тотемистические представления.

Список литературы

- БРС – Буряад-ород толи = Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республ. типография, 2006. Т. 1: А–Н. 636 с.; 2008. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Бадмаев А. А. Дикая свинья в традиционном мировоззрении и обрядности бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия история, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 145–156.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 710 с.
- Баранникова Е. В. Бурятские волшебные-фантастические сказки. Новосибирск: Наука, 1978. 254 с.
- Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
- Бурятские народные сказки. Волшебные-фантастические / Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 462 с.
- Бурятские народные сказки. Волшебные. Бытовые / Сост. С. С. Бардаханова, С. Д. Гымпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 188 с.
- Бурятский героический эпос «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн. Хүхэрдэй Мэргэн» / Науч. пер., предисл., коммент., примеч., словарь непереведенных слов Н. Н. Николаевой. Корректур бурятского текста, редакция пер. Б.-Х. Б. Цыбиковой. Улан-Удэ: Республ. типография, 2022. 360 с.
- Волшебный мертвец. Монголо-ойратские сказки / Пер. акад. Б. Я. Владимирцова. Изд. 2-е. М.: Вост. лит., 1958. 159 с.
- Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.
- Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2012. 263 с.
- Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 239 с.
- Двадцать пять рассказов веталы / Пер. с санскрита И. Серебрякова. М.: Худ. лит., 1958. 147 с.
- Дугаров Б. С. Хухэдэй Мэргэн: феномен божества-героя // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2011. Т. 10, вып. 4: Востоковедение. С. 60–64.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтше; пер. с нем. А. Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Митрошкина А. Г., Семенова В. И. Языковые особенности эхиритских и булагатских бурят: Учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. 71 с.

Музраева Д. Н. Сочинение «Сутра, повествующая о мыслях свиньи» из монгольского Ганджура // Новый филологический вестник. 2022. №1 (60). С. 376–384.

Небесная дева-лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / Сост., зап. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова; коммент. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.

Религии Центральной Азии и Азербайджана. Самарканд: МИЦАИ, 2016. Т. 1. Традиционные верования и шаманизм. 312 с.

Тушемилов П. М. Абай Гэсэр / Науч. зап. Т. М. Болдоновой; пер., вступ. ст. и послесл. С. Ш. Чагдурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. 256 с.

Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Зооморфный код в контексте этногенетических связей: лиса в традиционных представлениях монгольских народов // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 15. С. 48–63.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 2: Гл. XL-LXIX. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 496 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: В 3-х т. Улан-Удэ: Республ. типография, 2004. Т. 2. 312 с.

Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР. Сказки. Иркутск: Оттиск, 2020. 336 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

МНТ – Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов. Улаан-Үдэ: Буриадай номой хэблэл, 1990. 318 н.

Архивные источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук), ф. 14, инв. № 11. Рукописное наследие П. П. Баторова. Рег. 11. Обычай.

ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 36, инв. № 1082. Балдаев С. П. Материалы по шаманству бурят Байкало-Кудары. 1938 г.

References

Badmaev A. A. *Dikaya svin'ya v tradicionnom mirovozzrenii i obryadnosti buryat* [Wild pig in the traditional worldview and rituals of the Buryats]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2022, vol. 21, no. 5: Archeology and Ethnography, pp. 145–156. (In Russ.).

Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat* [Genealogical stories and legends of the Buryats]. Ulan-Ude, Buryat State Univ. Publ., 2013, 710 p. (In Buryat, in Russ.).

Barannikova E. V. *Buryatskie volshebno-fantasticheskie skazki* [Buryat magical and fantastic fairy tales]. Novosibirsk, Nauka, 1978. 254 p. (In Russ.).

Burchina D. A. *Geroicheskiy epos ungin'skikh buryat: Ukazatel' proizvedeniy i ikh variantov* [The heroic epic of the Unga Buryats: An index of works and their variants]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 544 p. (In Buryat, in Russ.).

Buryaad-orod toli: V 2 t. [Buryat-Russian dictionary: In 2 vols.]. Ulan-Ude, Respubl. tipogr., 2006, vol. 1: A–N. 636 p.; 2008, vol. 2: O–Ya. 708 p. (In Buryat, In Russ.).

Buryatskie narodnye skazki. Volshebno-fantasticheskie [Buryat folk tales. Magic and fantastic]. E. V. Barannikova, S. S. Bardakhanova, V. Sh. Gungarov (Comps.). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1973, 462 p. (In Buryat, in Russ.).

Buryatskie narodnye skazki. Volshebnye. Bytovye [Buryat folk tales. Magical. Everyday]. S. S. Bardakhanova, S. D. Gympilova (Comps.). Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2008, 188 p. (In Buryat, In Russ.).

Buryatskiy geroicheskiy epos "Khyylen khykhe mor'toy Khykheldey Mergen khybyyn. Khykherdey Mergen" [The Buryat heroic epic "Khujlen khukhe mor'toj Khukheldej Mergen khubuun. Khukherdej Mergen"].

- N. N. Nikolaeva (Sci. transl., preface, comm., notes, dict. of untransl. words). B.-Kh. B. Tsybikova (Proof-reading of the Buryat text, ed.). Ulan-Ude, Respubl. tipogr. 2022, 360 p. (In Buryat, in Russ.).
- Dampilova L. S. *Shamanskije pesnopeniya buryat: simvolika i poetika* [Shamanic chants of the Buryats: symbolism and poetics]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, Vost. lit., 2012, 263 p. (In Russ.).
- Dashieva N. B. *Kalendar' v traditsionnoj kul'ture buryat: opyt istoriko-etnograficheskogo i kul'turno-geneticheskogo issledovaniya* [Calendar in the traditional culture of the Buryats: experience of historical-ethnographic and cultural-genetic research]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, Nauka, Vost. lit., 2015, 239 p. (In Russ.).
- Dugarov B. S. *Khukhedej Mergen: fenomen bozhestva-geroya* [Khukhedei Mergen: the phenomenon of the deity-hero]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011, vol. 10, iss. 4: Oriental Studies, pp. 60–64. (In Russ.).
- Dvadtsat' pyat' rasskazov vetaly* [Twenty-five stories of vetala]. I. Serebryakov (Transl. from Sanskrit). Moscow, Khudozh. lit., 1958, 147 p. (In Russ.).
- Frazer J. G. *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii: V 2 t.* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion: In 2 vols.]. Moscow, TERRA-Knizhnyy klub, 2001, vol. 2, ch. XL–LXIX, 496 p. (In Russ.).
- Galdanova G. R. *Dolamaistskie verovaniya buryat* [The Dolamaist beliefs of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 115 p. (In Russ.).
- Khangalov M. N. *Sobranie sochineniy: V 3-kh t.* [Collected works: In 3 vols.]. Ulan-Ude, Izd. Respubl. tipogr., 2004, vol. 2, 312 p. (In Buryat, in Russ.).
- Miller G. F. *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian peoples]. A. Kh. Elert, V. Hintzsche (Eds.), A. Kh. Elert (Transl. from German). Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009, 456 p. (In Russ.).
- Mitroshkina A. G., Semenova V. I. *Yazykovye osobennosti ekhirsitskikh i bulagatskikh buryat: Ucheb. posobie* [Linguistic features of the Ekhirite and Bulagat Buryats: Textbook]. Irkutsk, ISU Publ., 2004, 71 p. (In Buryat, in Russ.).
- Mongoloy nyuusa tobsho. Sokrovennoe skazanie mongolov* [The secret history of the Mongols]. Ulaan-Ude, Buryat Book Publishing House, 1990, 318 p. (In Buryat, In Russ.).
- Muzraeva D. N. Sochinenie “Sutra, povestvuyushchaya o myslyakh svin’i” iz mongol’skogo Gandzhura [The essay “Sutra telling about the thoughts of a pig” from the Mongolian Ganjur]. *The New Philological Bulletin*. 2022, no. 1 (60), pp. 376–384. (In Russ.)
- Nebesnaya deva-lebed': Buryatskie skazki, predaniya i legendy* [Heavenly Swan Maiden: Buryat fairy tales, legends, and stories]. I. E. Tugutov, A. I. Tugutov (Comp., record.); A. I. Tugutov (Transl., preface); I. E. Tugutov, A. I. Tugutov, L. N. Nurkaeva (Comm.). Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd., 1992, 368 p. (In Russ.).
- Religii Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana* [Religions of Central Asia and Azerbaijan]. Samarkand, IICAS, 2016, vol. 1: Traditsionnye verovaniya i shamanizm [Traditional beliefs and shamanism]. 312 p. (In Russ.).
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Zoomorfnyy kod v kontekste etnogeneticheskikh svyazey: lisa v traditsionnykh predstavleniyakh mongol’skikh narodov [Zoomorphic code in the context of ethnogenetic connections: the fox in the traditional representations of the Mongolian peoples]. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2016, vol. 15, pp. 48–63. (In Russ.).
- Tsybikova B.-Kh. B. *Fol'klor buryat Vnutrenney Mongolii KNR. Skazki* [Folklore of the Buryats of Inner Mongolia of the PRC. Fairy tales]. Irkutsk, Ottisk, 2020, 336 p. (In Buryat, in Russ.).
- Tsydendambaev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye. Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie* [Buryat historical chronicles and genealogies. Historical and linguistic research]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1972, 662 p. (In Russ.).
- Tushemilov P. M. *Abaj Geser* [Abaj Geser]. Scient. note by T. M. Boldonova; trans., intr. article and afterword by S. Sh. Chagdurov. Ulan-Ude, Publishing House of Buryat State University, 2000. 256 p. (In Buryat, In Russ.).
- Volshebnyy mertvets. Mongolo-oyratskie skazki* [A magical dead man. Mongol-Ojrat fairy tales]. Akad. B. Ya. Vladimirtsov (Transl.). 2nd ed. Moscow, Vost. lit., 1958, 159 p. (In Russ.).

Archival sources

Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology, and Tibetology, SB RAS. F. 14, inv. 11. Rukopisnoe nasledie P. P. Batorova. Reg. 11. Obychai [The handwritten legacy of P. P. Batorov. Reg. 11. Customs].

Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology, and Tibetology, SB RAS. F. 36, inv. 1082. Materialy po shamanstvu buryat Baykalo-Kudary. 1938 g. [Baldaev S. P. Materials on shamanism of the Baikal-Kudara Buryats. 1938].

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
14.06.2023*

Сведения об авторе

Николаева Наталья Никитична – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: natanika80@mail.ru

ORCID 0000-0002-4903-7387

WOS ResearcherID AGO-3016-2022

Information about the Author

Natalia N. Nikolaeva – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: natanika80@mail.ru

ORCID 0000-0002-4903-7387

WOS ResearcherID AGO-3016-2022

УДК 811.512.151:81+81'37
DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-89-98

Зоонимы, обозначающие оленевых в алтайской лингвокультуре

Н. Р. Ойноткинова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

Цель данной статьи – выявить лингвокультурные особенности зоонимов, обозначающих представителей семейства оленевых в алтайском языке. Впервые на материале художественных и фольклорных текстов, полевых материалов автора рассмотрены фонетические, диалектные, лексико-семантические и прагматические особенности зоонимов. В художественном творчестве алтайцев животные из семейства оленевых стали зооперсонажами, эталонами сравнений и метафорических иносказаний. В охотничьем фольклоре представителям семейства оленевых придается сакральное значение: они считаются священными животными, олицетворением духа-хозяина Алтая. В различных текстах выделяются денотативные признаки зоонимов, объясняющие особенности строения тела или окраса, места обитания этих животных. В языковом сознании носителей алтайского языка и культуры олень и лось ассоциируются с мужской силой и отвагой. Коннотативные значения зоонимов выражают оценку морально-этических качеств человека. Некоторые из зоонимов участвуют в концептуализации пространственных и временных понятий: хрононимов и топонимов, указывающих на место обитания и время охоты на этих животных.

Ключевые слова

алтайский язык, зооним, зооморфизм, денотативное значение зоонимов, коннотативное значение зоонимов, семейство оленевых, языковая картина мира

Благодарности

Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая»

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Зоонимы, обозначающие оленевых в алтайской лингвокультуре // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 89–98. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-89-98

Zoonyms denoting deer in the Altai linguistic culture

N. R. Oinotkinova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the linguistic and cultural specificity of zoonyms denoting reindeer family members (sygyn 'deer, deer' and bulan 'elk') in the Altai culture. A case study of artistic and folklore texts and field materials allowed the phonetic, dialect, lexical-semantic, folklore, and ethnographic features of zoonyms denoting deer animals in the Altai language and folklore to be identified for the first time. The cultural stereotypes of the Altai people about deer are closely related to hunting customs and traditions. In hunting folklore, reindeer family members have a sacred meaning: they are considered sacred animals of Altai, the personification of the master spirit of Altai. In this context, a complete system of prohibitions and taboos has been formulated within the realm of hunting ethics. In the

© Н. Р. Ойноткинова, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

fiction of the Altai people, the deer and elk became animal characters of hunting stories and are also used for comparisons and metaphorical allegories about humans. In folklore and artistic texts, the denotative features of zoonyms characterize the features of the body structure or color, the habitat of these wild animals. The connotations associated with these zoonyms serve as a reflection of a person's moral and ethical character. In the linguistic consciousness of native speakers of the Altai language and culture, deer and elk are associated with male strength and courage. The participation of zoonyms-reindeer in the conceptualization of spatial and temporal concepts is presented in chrononyms (sygyn ai 'month of deer') and toponyms indicating the habitat of moose and deer (for example, Bulandu 'with moose').

Keywords

Altai language, zoonym, zoomorphism, denotative meaning of zoonyms, connotative meaning of zoonyms, deer family, linguistic picture of the world

Acknowledgments

The study was carried out under the project of the Russian Science Foundation, No. 23-28-10028 "Linguistic picture of the world of the Altaians: vocabulary of the Gorny Altai fauna"

For citation

Oinotkinova N. R. Zoonimy, oboznachayushchie olenevykh v altayskoy lingvokul'ture [Zoonyms denoting deer in the Altai linguistic culture]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 89–98. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-89-98

Введение

Языковые стереотипы отражают заключенную в языке интерпретацию действительности. Под стереотипом понимается «представление о предмете, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и т.п., в то же время это представление, которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» [Бартминьский, 2005, с. 68]. Культурные стереотипы, отражающие представления носителей языка, запечатлены в различных языковых клише и текстах. «Показателями стереотипизации являются: повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, что можно исследовать статистически, а также закрепление этой характеристики в языке, а именно в значениях слов, о чем мы можем судить на основе анализа словообразовательных производных (дериватов), метафор, фразеологии, пословиц и поговорок, а также правил построения семантически связного текста» [Там же, с. 169]. Лексические значения слова (денотативные и коннотативные) непосредственно определяются объективным и субъективным видением мира.

Цель и материал исследования

Цель данной статьи – выявить лингвокультурные особенности зоонимов, обозначающих представителей семейства оленевых в алтайском языке. К семейству оленевых, или оленьих, относятся парнокопытные млекопитающие: косули, маралы, олени, лоси. Лексико-семантическая группа оленевых в алтайском языке является малоизученной темой.

В работе применялся сравнительно-сопоставительный метод, а также методики семантического, контекстуального и компонентного анализа. Семантический анализ слова предполагает определение элементарных смыслов, денотативных и коннотативных значений лексемы. Новизна нашего исследования заключается в рассмотрении семантических признаков зоолексем в контексте языка и фольклора алтайцев. Материал исследования отбирался из опубликованных текстов и словарей алтайского языка, а также из неопубликованных, полевых материалов, собранных в Республике Алтай по проекту РНФ № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая».

При выяснении лексических значений зоонимов в алтайском языке мы опирались на различные словари, грамматики и труды других исследователей. В тюркологии одной из важных является статья А. М. Щербака «Названия диких и домашних животных в тюркских языках» [1961], в которой даны этимологические и сравнительно-сопоставительные сведения о наименованиях животных в тюркских языках. Названия животных наряду с другими лексико-семантическими группам в целях реконструкции лексики для пратюркского состояния представлены в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» [2001]. Охотничий промысел в прошлом занимал важное место в традиционной культуре многих кочевых и полукочевых народов, в том

числе и алтайцев. Подробное описание охотничьей практики у алтайских тюрков представлено в работе Л. П. Потапова «Охотничьи поверья и обряды у алтайских тюрков [1929]. Он отмечал, что охота у алтайцев имеет «религиозное наполнение» и это занятие для них «представляется священным» [Потапов, 1929, с. 123]. В настоящее время охота отошла на последний план, поскольку ведущую роль играют фермерские хозяйства по разведению маралов. Охотничьи верования и фольклор даны в коллективной работе «Обрядность в традиционной культуре алтайцев» [2019].

Исследование

Многие поведенческие установки и правила во время охоты восходят к мифу о том, что в горах хозяевами являются духи, поэтому всё живое принадлежит им, следовательно, результат охоты зависит от расположения горных хозяев. Если охотник едет охотиться на крупного зверя, например, на маралов, то не следует стрелять в мелких зверей, чтобы не вспугнуть крупных. Другие считают, что, если по пути на охоту встретишь зайчика, то нужно начать охоту, так как это животное дал сам дух-хозяин гор и таким образом он смотрит, не пренебрегает ли охотник его подарком.

Охота носит сезонный характер. К сентябрю упитанность копытной дичи определялась как очень высокая, а к первым холодам зверь покрывался подшёрстком. Считалось, что в этот период мясо и шкура имеют наивысшее качество. В это время начинали охоту на копытных: маралов, косуль, лосей, сибирских диких козлов (*теке* – самец, *юнма* – самка), горных баранов аргали (*кочкор* – самец, *аркар* – самка). Охотники устраивают облаву (*агырту* ‘облава’). Некоторые охотники для этого используют своих собак, что утверждается в пословице: *Андап барзан, акча алба, андаар алдында ийт азыраба* (Посл.) ‘Собираясь на охоту, денег не бери, перед охотой собаку не корми’ [АПС, 2018, с. 72]. У охотников существовали стереотипные запреты, направленные на экологичное использование природных ресурсов, а также связанные с верованиями. Многие охотники в беседе отмечают, что они соблюдают все охотничьи традиции: *Бис тайгага андап барзас, обязательно кыйра буулап жадыс. Айдынын, алканып жадыс. Берзе – берер, бербезе – бербес. Жол узун, аттарды амырадын туруп, бар жадыс. Эртезинде андап баиштан жадыс*¹ ‘Когда мы на охоту едем, [охотник] обязательно повязывает ленточки. Про себя говорим, благословения просим. Даст [дух-хозяин горы] – даст, не даст – не даст. Дорога длинная, лошадям давая продоху, дальше едем. Утром охотиться начинаем’². Как считают охотники, кормление духа огня – один из важных ритуалов: «Прибыв на место охоты, алтайцы разжигают огонь под деревом. Из запасов угощают огонь-очаг. Варят чай. С собой берут новый [не распакованный] чай, вскипятив чай, им совершают кропление своему Алтаю. Доехав до места, отдохнув, около кедра или берёзы окропляют сваренной едой, угощают, благословения и удачи просят [ОТКА, 2019, с. 312]. Если удалось застрелить косулю, марала, Алтаю говорят такое благопожелание: *Алтайым, карамдабай бердин, / Жеримнинг аны учурады, / Алтай жеримнен алдым* ‘Алтай мой, не пожалев ты дал, / Земли моей и зверь встретился, / С Алтая, от земли моей, я взял’ [Там же, 2019, с. 320]. Существовал обычай: если охотник добыл крупного копытного зверя (лося, марала, косулю), то обязан угостить горных духов кусочками сваренного осердия животного. Также горных хозяев кормят кусочками сваренного мяса первой добычи копытного животного. Некоторые охотники при разделке туши голову животного домой не забирают. От головы отделяют нижнюю челюсть. Затем голову зверя оставляют на возвышенности (это может быть большой камень или небольшая скала) в чистом месте — *ару жер* (место, где нет мусора, нет мертвых животных и т. д.), повернув ее на восток. Если шкура добычи никому из охотников не нужна, то ее оставляют в укромном месте, выбрасывать ее нельзя [ОТКА, с. 295, 342–344]. Добытое мясо охотники делят между собой. Селезенку, желудок, голову, сердце, легкие уносит с собой тот, кто добыл. Их нельзя выбрасывать; если выбросить, то в будущем охотнику не удастся добыть косуль [Там же, с. 313].

В алтайском языке лексема *ан* ‘животное, зверь’ является родовым названием всех диких животных, а также оленевых: *ан* ‘олень, марал’, *чоокыр ан* ‘пятнистый олень’. Слово *ан* является пратюркским [СИГТЯ, 2006, с. 152]. В «Алтайско-русском словаре» приводится ряд лексических значений и примеров: *Ан* I 1) ‘зверь’; *жерлик андар* ‘дикие звери’; 2) ‘олень’; *жоон ан* ‘крупный олень’; 3) ‘марал’; *ан тудар* ‘держат маралов’; *чоокыр ан* ‘олень пятнистый’; *Аннын мойнын ок кезер, эрдин*

¹ Зап. Н. Р. Ойроткина 14.07.2023 г. в с. Экинур Усть-Канского района Республики Алтай (далее – РА) от В. А. Чырбыкова, 1972 г.р., из рода кыпчак.

² Здесь и далее в статье перевод с алтайского языка наш. – Н. О.

мойнын жок кезер (Погов.) ‘Шею зверя пуля косит, шею мужчины нищета косит’ [АРС, 2018, с. 72]. Лексика, связанная с образом жизни оленевых, разнообразна. В языке существуют специализированные глаголы, обозначающие действия этих животных, например: *чанчы* ‘бить копытом (передней ноги о землю, снег и т.п.)’; *андар јер чанчышты* ‘маралы били копытами о землю’ [Там же, с. 795].

В языковой картине мира для репрезентации образов животных существуют различные способы номинаций: по месту их обитания, внешнему виду, издаванию ими каких-либо звуков. Наиболее доминантные признаки животных входят в лексико-семантическую структуру понятия о зоониме. Мы будем рассматривать денотативные, коннотативные и символические (мифологические) признаки зоонимов, обозначающих оленевых, в алтайской языковой картине мира.

Сыгын ‘марал, олень’. Для пратюркского состояния выделяется – *sygun [СИГТЯ, 2006, с. 152]. Во всех диалектах алтайского языка марал обозначается лексемой *сыгын / сыгын* [АРС, с. 624; РТС, 2019, с. 122; РКС, с. 151; ТРС, 1995, с. 77; Баскаков, 1985, с. 198]. Существуют также различные наименования марала, связанные с половозрастными особенностями: *бозу* ‘теленок’; *торбок* ‘бычок’; *мыйгак* ‘маралуха (самка)’; *бала бут* – *эки айры мүүстү сыгын* ‘новорожденный детеныш косули’; *казык мүүс* (*сыгыннын эркек торбогы*) ‘одногодовальный теленок марала’; *эки айры элик* ‘двугодовальная косуля’; *төрт, беи айры* – *эки-үч јашту сыгындар* ‘с четырьмя, пятью ответвлениями двугодовалье и трехгодовалье маралы’; *сарадак / саратак* ‘однолетний марал, маралёнок’ (ср. *сарадак энезиле кожо јүрди* ‘однолетний марал ходил вместе с матерью’ [АРС, 2018, с. 571]). У маралов рога ветвистые, у лося рога более широкие. Чем больше отростков, тем старше животное. Маралы могут иметь от двух до двенадцати ответвлений на рогах (*эки айрыдан от эки айрыга јетире*). Как видим, денотативный признак, указывающий на количество отростков на рогах марала, стал частью наименования животного по возрасту.

По представлениям охотников, многие животные слышат и понимают человеческую речь, поэтому они называли их иносказательными именами. Табуированные наименования марала в охотничьем лексиконе основаны на денотативных признаках зоонима: *боро ан* ‘серый зверь’, *сыбыскы* ‘издающий звук’, *моомо* ‘рогатый’ [Яимова, 1990, с. 109], *айры мүүстү* – букв. ‘с раздвоенными рогами’ и *айры туйгакту* — ‘марал’, букв. ‘с раздвоенными копытами’. Эти эвфемизмы используются до сих пор современными охотниками, приведем текст рассказа: *...сыгынды — айры мүүстүлерден, айры туйгактулардан келиштирген болсоор» деп, барып сангын салып, јаламасын буулап, чачын турар бйдө анайып айт јат, алканып јат*³ ‘...марала – «с раздвоенными рогами, раздвоенными копытами» называют, разведя жертвенный огонь, привязав ленту-*дъалама*, окропляют [чаем] и просят благословения’. В алтайских загадках бурый окрас марала отождествляется с пламенем огня: *Элип-эдип јүзүрди, / Эки сыгын согушты* (Јалбыш). ‘Гонясь друг за другом, / Два марала бодаются’ (Пламя) [АЗ, 1981, с. 91]. Метафорическим обозначением оленя также служит другой зооним – *ат* ‘конь’, хотя маралов алтайцы не используют в качестве транспортного средства: *Сур адымды минип болбодым, / Сур камчымды тудуп болбодым* (Сыгын ла јылан). ‘Не смог сесть на светло-серого коня, / Не смог взять в руки светло-серую плетть’ (Марал и змея) [АЗ, 1981, с. 44].

Появление отметин под глазами у марала объясняется в этиологической легенде. Кудай (Бог), собрав всех животных, раздавал дышащим живым существам жизнь, только рыба с круглой головой (налим) не пришла на это собрание. Марал, узнав о своей жизни-судьбе, возвращался домой. Повстречавшаяся ему в пути рыба спросила: «Ум-хитрость кому дали?» Марал ответил, что ум дали человеку (букв. *айры бутка* ‘двуногому’). Тогда рыба с круглой головой стала убеждать марала, что теперь их жизни грозит опасность от человека, который может, выследив, сварить их в котле. Услышав это, марал заплакал, от слез два глаза из четырех у него высохли. Поэтому у него такая впадина от глаз есть [НПА, 2011, с. 141–143]. По другой версии мифа, у марала раньше было четыре глаза. «Женщина села доить корову. Подошел к ней человек и говорит: “Я испугаю твою корову, и она превратится в оленя”. Женщина говорит: “Не делай этого, я останусь без кормилицы”. Но этот человек все-таки сделал, что хотел. Корова превратилась в оленя и побежала. Хозяйка успела ей вслед плеснуть молока. Молоко попало на холку коровы. На этом месте образовалось белое пятно – признак того, что олень произошел от коровы» [ЛСА, 1994, с. 47].

³ Зап. Н. Р. Ойноткинова 22.05.2015 г. в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского района РА от А. Т. Балыкчинова, 1950 г.р.

В начале осени начинался гон у маралов, во время которого охотились на самцов маралов способом подманивания, подражая крикам марала с помощью трубы – *амырга*, *авырга* (также *абырга* или *пырга*) [ОТКА, 2019, с. 286]. *Күскиде амыргылап жат на сыгынды. Сыгын үүр бедиреп, кижиге мантап кел жат на. Өскө сыгыннын үүрин блаларга келтран на. Мантап келзе, анчылар оны адып алтран на. Ол жаман*⁴ ‘Осенью маралов манком заманивают. Марал ищет самку, прибегает к человеку. Самка другого марала прибегает. Когда прибежит, охотники застрелят. Это плохо’. Название этого животного использовано в концептуализации хрононима: южные алтайцы называют сентябрь *сыгын ай* ‘месяц марала’ (ср. *кураан ай* ‘месяц косули’, т. е. август). Название, несомненно, появилось впервые в охотничьем лексиконе. Как считают некоторые охотники, мясо хвоста маралухи является лекарством от заболеваний желудочно-кишечного тракта: *Мыйгакты куйругын кезип, жылуга жиш, желудокко жараар деп айдыжар*⁵ ‘Хвост маралухи, отрезав, едят теплым, говорят, что для желудка полезен’. Если охотнику удастся увидеть олениху (*мыйгак*), только что родившую детеныша, то он может отрезать немного плоти от пуповины, которую потом используют как амулет удачи.

Одним из способов номинации животного является фиксация в языке характерных для этого животного звуков. Для обозначения звуков марала используются разные глаголы: *буста* ‘реветь, орать’ (о животных); *сыгыннын бустажы* ‘рёв марала’ и *сыйтылда* ‘издавать писк’: *Сыгындырдын сыйтылдууш үндери анан-мынан угула берди* (Э. Тоюшев) ‘Там-сям слышались писклявые голоса маралов’ [АРС, 2018, с. 135, 899].

Охотники всегда знают, где обитают маралы, поэтому на основе зоонима *сыгын* ‘марал, олень’ образовано множество топонимов, например: *Сыгын Мүүс* ‘Рог Марала’ – урочище, расположенное недалеко от с. Купчегень Онгудайского района; *Сыгын Эткен* ‘Местность, где кричал марал’ – гора у с. Паспарты в Улаганском районе; гора *Сыгын* (букв. марал) в Чойском районе [ТРА 4, 2022в, с. 153, 43]. Топоним *Ээрлү Сыгын* ‘Марал с седлом’ появился на основе рассказа одного охотника, который утверждал, что он видел марала с седлом, на котором ехал дух-хозяин местности (*жердин ээзи*)⁶. Наименование животного встречается и в названиях некоторых растений: *сыгын-от* ‘маралий корень’; *сыгын-отты жуур* ‘собирать маралий корень’ [АРС, 2018, с. 624].

Коннотативные значения зоонима связаны с выражением значений «сильный», «отважный», «красивый». Л. Н. Тыбыкова, изучив коннотации, связанные с данным зоонимом, пришла к выводу, что в языковом сознании алтайцев зоо-образ *сыгын* ‘марал’ считается символом мужской красоты, мощи, статности, доблести и бесстрашия, а *элик* ‘косули’ – символом женской красоты [Тыбыкова, 2022, с. 341]. Так, в мифе-сказке «Обида марала» («*Ан тарынганы*») маралу дается эстетическая оценка *жараиш* ‘красивый’: «...все звери собрались, чтобы выбрать своего правителя (зайсана) из самых красивых, сильных, быстроногих. Марал примчался. Сколько зверей было, все обернулись посмотреть на бурого марала. Удивились красоте бурого марала. Строил здесь *красавец марал* с шестью ветвистыми рогами, передние и задние ноги тоненькие, шерсть блестящая, оба глаза поблескивают, язык высунул, передние зубы белеют (курсив наш. – Н. О.). Увидевшие его звери стали завидовать красоте бурого марала» [АНС, 2001, с. 75]. В народных песнях марал – это символ силы, отваги, поэтому в образных параллелизмах стадо маралов сравнивается с отрядом воинов: *Сынды төбөмөн желерде, / Сыны түнгей сыгындыр, / Сыр жангарла өдөрдө, / Үни түнгей үүрелер* ‘Когда вниз по хребту гор рысью бегут, / С одинаковыми хребтами маралы, / Когда во всю с *дьангаром* проходят, / С одинаковыми голосами друзья’ [АНП, 2023, с. 521]. В другом контексте признак (сема) «крупный, мощный» актуализируется в образе мужчин, которых хрупкая девушка-медсестра таскает на себе из-под огня: *Je мени кичинек дебе. Сыгындыр өгөндөрдү октон-оттон чыгара сүүртеп туратам* ‘Ты не смотри, что я маленькая. Как маралы, мужчин из огня и пуль вытаскивала на себе’ [Тыбыкова, 2022, с. 341]. В следующем контексте с маралом сравнивается выносливый, сильный парень: *Ощепковко жакшы – сыгын ошкош жиптен артпайт* ‘Ощепкову хорошо – не отстает от похожего на марала молодого парня’ [Там же].

Другие коннотации зоонима, в частности в пословицах и поговорках, связаны со сравнениями, выражающими оценку качеств человека. Так, образ рогатого марала сопоставляется с бесстыдным человеком, так как бесстыдство, как и появление рогов у животного, являются приобретенными качествами: *Сыра-*

⁴ Зап. Н. Р. Ойноткинова 20.07.2023 г. в с. Чибилу Улаганского района РА от А. И. Язарова, 1959 г.р.

⁵ Зап. Н. Р. Ойноткинова 21.07.2023 г. в с. Саратан Улаганского района РА от А. Я. Белешева, 1955 г.р.

⁶ Зап. Н. Р. Ойноткинова 20.07.2023 г. в с. Кара-Кудьюр Улаганского района РА от Г. Д. Санина, 1966 г.р.

дый сын сыгында бүйкен, / Сыйрылбас жүс сенде бүйкен ‘С жердь ростом марал создан, / С гладким лицом ты создан’ [АПП, 2010, с. 37]. Рога и отсутствие стыда – приобретенные свойства живых существ, хотя они относятся к разным сферам бытия, физическому и духовному. Когда человек надеется на кого-либо что-то, то поговаривают: *Иженген тууда сыгын жок* ‘На горе, на которую надеялся, марала нет’. Поговорка появилась в речи охотников, впоследствии в речи обрела метафорический смысл.

В алтайской традиционной культуре мифологическая символика образа оленя имеет сакральное значение: это священное животное Алтая, олицетворение его духа-хозяина. Мифологема о зооморфном облике духа-хозяина Алтая, появляющегося в облике белого оленя [Тюхтенева, 2009, с. 101], хорошо проиллюстрировано в сказаниях алтайцев. В эпосе «Маадай-Кара» встречается архаичное представление о превращении богатыря и его коня в оленей: *Алтайына келген мынча / Көбөн жалду көк төр боро / Тогузон айры ол дор мүүстү Жорго кара сыгын болуп / Кубула бербей эмди кайтты. / Көгүдей-Мерген баатыр уулым / Жетен айры бу ла мүүстү / Желмер кара сыгын болуп бу кубулды* [Маадай-Кара, 1978, с. 168]. ‘Как только прибыли на свою землю, / Хлопкогривый, темно-сивый [конь] / В черного марала / С рогами, имеющими девяносто ответвлений, Обратился. / Когюдей-Мерген, молодой богатырь, / В черного лохматого марала / С рогами, имеющими семьдесят ответвлений, обратился’ [Маадай-Кара, 1978, с. 356].

Марал – тотемное животное рода кыпчак. Эту архаичную мифологему о происхождении представителей этого рода от зооморфного первопредка отмечают немногие алтайцы, наиболее распространенной является мифологема о происхождении кыпчаков от волчицы: *Кажы ла сөбөктө байаналу анкужы бар. Оны атпас керек. Менин балдарым кыпчактар. Байаналу анкужы ол ан. Ан туштаза атпагар, – деп айдып жадым. Кандый да болзо, жуукта келзе, атпагар. Ол жаан кинчек болор, жарабас адарга* ‘У каждого рода есть тотемные звери-птицы. В них нельзя стрелять. Мои дети кыпчаки. Их тотемное животное – марал. Если встретите марала, не стреляйте, – так говорю. Как бы ни было, подойдёт близко, не стреляйте. Это будет большой грех, нельзя стрелять’ [ОТКА, 2019, с. 313]. Если охотники в горах встречали марала, то не стреляли, так как считалось грехом убивать животное, которое само прибежало к человеку. Как правило, они бегут от какой-то опасности, ища убежище.

Булан ‘лось’. Слово является пратюркским – *bulan [СИГТЯ, 2006, с. 154]. Диалектные варианты слова в алтайском языке: *булан* (алт., тел.) [АРС, 2018, с. 131;], *пылан* (телеут.) [ТРС, 1995, с.70], *план* (чал., кум.) [АФ, 1988, с. 165; РКС, 2021, с. 148], *пылан* (туб.) [РТС, 2019]. Половозрастные наименования лося в алтайском языке: *тижи булан* ‘самка лося’, *буланнын боозузы* ‘теленок лося, лосенок’.

У лося негустой шерстяной покров, красивые большие рога. Строение черепа лося отличается от строения черепа других парнокопытных животных. Эта особенность использована в загадках, в которых с щекой булана сравнивается месяц: *алт. Тошто буланнын жаагы жадыры (Ай)*. ‘На льду лежит челюсть лося’ (Луна) [АЗ, 1981, с. 18]; *туб. Пуста буланнын жаагы жактап калтыр (Ай)*. ‘Ко льду примерзла челюсть лося’ (Месяц) [АЗ, 1981, с. 143].

В верованиях алтайцев лось считается священным животным, на него старались не охотиться. *Бистин улус булан андабас. Байлан жүрер. Жаан улустын айтканыла, мынай айдар: «Булан андабас, коп кырага жарабас, ол кижинин толунтызына бартан неме» – деп. Көн атпас деер*⁷ ‘Наши люди на лосей не охотятся. Придерживаются запретов. Старые люди говорили: «На лосей нельзя охотиться, много убивать нельзя, они на обмен души человека идут». Много нельзя убивать, говорили’. Особенно остерегались те семьи, в которых росли мальчики. Такой стереотип отражен в следующем рассказе: *Эр кижини булан атпас деер. Келинсе адар, анай тегин атпас. Эр кижинин угына учурлу неме. Көн атпас деер, анай байлантран. Булан бисте ас көрүнер. Булан састу жерлер сүүр ан... Обычай бар, бис марттан ала майга жетире тижизин атпай жадыс, ол өйдө андар балдарын чыгарып жат*⁸ ‘Мужчина не должен охотиться на лося. Если встретится [на охоте], а так просто не стреляют. Значимый для мужского рода зверь. Много не стреляют, говорят, так почитают его. У нас лосей редко увидишь. Лоси любят болотистые места... Существует традиция, мы с марта по май на самок лосей не охотимся, в эту пору животные рожают своих детенышей’.

По рассказам охотников, лосей в Горном Алтае немного, постоянного места обитания у них нет, любят болотистые места, часто мигрируют. В чалканской сказке «Спор» («Марган») объясняется, почему лось обитает на равнинной местности. Так, кабарга и лось поспорили: у кого больше шерсти.

⁷ Зап. Н.Р. Ойноткинова 14.07.2023 г. в с. Экинур Усть-Канского района РА от В. А. Чырбыкова, 1972 г.р.

⁸ Зап. Н.Р. Ойноткинова 14.07.2023 г. от А.В. Чырбыкова в с. Экинур Усть-Канского района РА, 1996 г.р.

Лось проиграл пари, с тех пор, говорится, кабарга стала жить на скалистых местах, а лось носится по ровной местности [АФ, 1980, с. 166]. Та местность, где люди видели лосей, фиксировалась в языке, и от зоонима образовались топонимы: *Буланду* ‘Местность с лосями’ в Улаганском районе, *Буландык* букв. ‘с лосями, имеющий лосей’ – лог недалеко от с. Теньга Онгудайского района, *Буландык-Бажы* букв. ‘верховье *Буландык*’ – урочище близ перевала *Јаан-Боочы* [ТРА 2, 2022а, с. 58, 63], *Буланак* букв. ‘лосенок’ – урочище, ручей в Чойском районе [ТРА 4, 2022в, с. 49].

В песенной традиции алтайцев образ лося, как и образ марала, символизирует красоту, силу, отвагу: *Ай кара јыштын тубинде / Карга пудырбас пулан палазы. / Калык арада јургенде, / Соскө пудатпас ада палазы. / Тун кара јыштын тубинде / Муска пудырбас пулан палазы. / Тушман арада јургенде, / Тилге јендирбес көкшин палазы* ‘В глубине тёмного-претёмного леса / Снегу путь преградить себе не даёт лосёнок. / Когда среди народа живёт, / Словом пресекать себя не даёт дитя отца. / В глубине ночного тёмного леса / Льду путь преградить себе не даёт лосёнок. / Когда среди чужих живёт, / Словом победить себя не даёт дитя старца’ [АНП, 2023, с. 259–260].

Лось как персонаж популярен, образ этого копытного хорошо представлен в фольклоре чалканцев. В сказках-мифах образ лося передает различные аллегорические смыслы, связанные с морально-этическими свойствами человека. Лось соревнуется с разными животными: оленем, кабаргой, лошадей и даже с тайменем. Зоонимическому персонажу приписываются такие признаки, как «красноречивый», «большой, но глупый». Так, в тексте «Лошадь и лось» («*Ат ле план*») повествуется о том, что животные поругались, они спорят друг с другом, оба оказались красноречивыми, поскольку каждый имеет свои проблемы и жизненные трудности: лось говорит лошади, что человек стреноживает лошадь, бьет ее по голове поводком, а лошадь говорит лосю, что на лося охотится человек [Там же, с. 167]. В сказке «Кабарга и лось» («*Тоорго ло план*») этот крупный зверь спорит с кабаргой, кто первым увидит на закате солнце. Кабарга легла лицом к западу, а лось лег лицом к восходу солнца, и кабарга увидела солнце раньше [Там же, с. 166]. Зооморфные образы служат для противопоставления их по признакам «умный – глупый». В тексте «Лось и олень» («*План ле сыгын*») через образы животных осуждается человеческое хвастовство. Лось и олень, как бы ни хвастались своими достоинствами, оказались разными: у оленя быстрые ноги, а у лося красивые рога [АФ, 1988, с. 165].

Выводы

Таким образом, нами рассмотрены лингвокультурные особенности зоонимов, обозначающих представителей семейства оленевых в алтайском языке. Выделены лексемы, обозначающие представителей оленевых, рассмотрены их денотативные, коннотативные и символические значения, а также фольклорно-этнографический контекст. Анализ оленевых в традиционной культуре алтайцев позволил выделить сакральную роль этих животных. В охотничьем фольклоре представителям семейства оленевых придается сакральное значение: они считаются священными животными Алтая, олицетворениями духа-хозяина Алтая. Олень отождествляется с духом-хозяином горы, и даже Алтая, убийство лося требует откупа, обмена на душу живого человека. Магический смысл придается оленю с белым окрасом. В связи с этим в охотничьей этике выработалась целая система запретов и табу, которые стараются соблюдать, чтобы избежать негативных последствий.

В художественной литературе алтайцев олень и лось стали зооперсонажами, их образы используются в сюжетах об охоте, а также для оценочных сравнений и метафор о человеке. В фольклорных текстах, в сказках и мифах, делаются акценты на внешние особенности животных: выделяются денотативные признаки зоонимов, объясняющие особенности строения тела или окраса, места обитания этих диких животных.

В языковом сознании носителей языка и культуры алтайцев олень и лось ассоциируются с мужской силой, отвагой. Эти сравнительные ассоциации и метафоры широко представлены в художественных и фольклорных произведениях, а также в речи носителей алтайского языка. В сказках и пословицах алтайцев эти зоонимы репрезентируют коннотативные значения, связанные с морально-этической оценкой человека. Здесь ярко проявляется взаимодействие зоонимического и антропоморфного кодов языка и культуры. Выявлены зоонимы-оленьевые, участвующие в концептуализации пространственных и временных понятий: хрононимов (*сыгын ай* ‘марала месяц’) и топонимов, указывающих на места обитания лосей или оленей.

Список литературы

- АЗ – Алтайские загадки = Алтай табышкактар / Сост. К. Е. Укачина. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. 176 с.
- АНП – Алтайские народные песни. (Рукопись) / Сост. М. А. Демчинова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск, 2022. 947 с. +14 с. вкл. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 35).
- АНС – Алтайские народные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. Т. М. Садалова. Новосибирск: Наука, 2002. 455 с., ил. и компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 21).
- АПП – Алтайские пословицы и поговорки = Алтай кеп ле укаа сөстөр / Сост. Н. Р. Ойноткинова. Новосибирск, 2010. 268 с.
- АРС – Алтайско-русский словарь / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- АФ – Алтайский фольклор / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. 216 с.
- Бартминьский Е.* Языковые стереотипы // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 158–187.
- Бартминьский Е.* О «Словаре народных стереотипов и символов» // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 68–86.
- Баскаков Н. А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): грамматический очерк, тексты, переводы, словарь / Отв. ред. К. М. Мусаев; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1985. 231 с.
- КРС – Кумандинско-русский словарь: ок. 10 000 слов / Сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийск. котельщик, 1995. 150 с.
- ЛСА – Легенды Северного Алтая / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск, 1994. 88 с.
- НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
- ОТКА – Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. 704 с.
- Потанов Л. П.* Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2001. 168 с.
- РКС – Русско-кумандинский словарь / Сост. М. Б. Петрушова, В. М. Данилов, ред. Н. А. Дьайым. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2021. 504 с.
- РТС – Русско-тубаларский словарь / Сост. А. С. Кучукова, ред. С. Б. Сарбашева. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. 384 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
- ТРА 2 – Топонимика Республики Алтай. Кн. 2: Онгудайский район / Редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022а. 202 с.
- ТРА 3 – Топонимика Республики Алтай. Кн. 3: Чемальский район / Редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022б. 145 с.
- ТРА 4 — Топонимика Республики Алтай. Кн. 4: Чойский район / Редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022в. 132 с.
- ТРС – Телеутско-русский словарь / Сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 119 с.
- Тыбыкова Л. Н.* Символика красоты в алтайских зооморфизмах // Этнокультурное наследие народов Алтая. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию юбилею НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022. С. 339–353.

Тюхтенева С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста: Изд-во Калмыц. гос. ун-та, 2009. 169 с.

Щербак А. М. Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.

Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типогр., 1990. 169 с.

References

Altayskie narodnye pesni [Altai folk songs]. (Manuscript). M. A. Demchinov, G. B. Sychenko (Comps.). Novosibirsk, 2022. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 35). 947 p. (In Altai, in Russ.).

Altayskie narodnye skazki [Altai folk tales]. T. M. Sadalova (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2002, 455 p., il. and CD. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 21). (In Altai, in Russ.).

Altayskie posloviitsy i pogovorki (Altaj kep le ukaa söstör) [Altai proverbs and sayings]. N. R. Oinotkinova (Comp.). Novosibirsk, 2010, 268 p. (In Altai, in Russ.).

Altayskie zagadki = Altai tabyshkaktar [Altai riddles]. K. E. Ukachina (Comp.). Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd., 1981, 176 p. (In Altai, in Russ.).

Altayskiy fol'klor [Altai folklore]. E. P. Kandarakova (Comp.). Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd., 1988, 216 p. (In Chalk., in Russ.).

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. A. E. Chumakaev (Ed.). Gorno-Altaysk, 2018, 936 p. (In Altai, in Russ.).

Bartminsky E. O "Slovarе narodnykh stereotipov i simvolov" [About the Dictionary of folk stereotypes and symbols]. In: *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow, Indrik, 2005, pp. 68–86. (In Russ.).

Bartminsky E. Yazykovye stereotipy [Language stereotypes]. In: *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow, Indrik, 2005, pp. 158–187. (In Russ.).

Baskakov N. A. *Severnye dialekty altayskogo (oyrotskogo) yazyka: Dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi): Grammaticheskiy ocherk, teksty, perevody, slovar'* [Northern dialects of the Altai (Oiro) language: Dialect of the Lebedinsky Tatars-Chalkans (Kuu-kizhi): Grammatical sketch, texts, translations, dictionary]. K. M. Musaev (Ed. in. Ch.). Institut yazykoznanija AN SSSR, Moscow, Nauka, 1985, 231 p. (In Russ.).

Kumandinsko-russkiy slovar': okolo 10 000 slov [Kumandin-Russian dictionary: approx. 10,000 words]. L. M. Tukmachev, M. B. Petrushova, E. I. Tukmacheva (Comps.). Biysk, Biyskiy kotelshchik, 1995, 150 p. (In Kum., in Russ.).

Legendy Severnogo Altaya [Legends of Northern Altai]. E. P. Kandarakova (Comp.). Gorno-Altaysk, 1994, 88 p. (In Russ.).

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-folktale prose of the Altaians]. N. R. Oinotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamayeva (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (in Altai and Russ.) il. and CD. (Pam'atniki folklora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 30) (In Altai, in Russ.).

Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev [Ritualism in the traditional culture of the Altaians]. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2019, 704 p. (In Altai, in Russ.).

Potapov L. P. *Okhotnichiy promysel altaytsev (Otrazhenie drevne-tyurkskoy kul'tury v traditsionnom okhotnich'em promysle altaytsev)* [Hunting trade of the Altaians (Reflection of the ancient Turkic culture in the traditional hunting trade of the Altaians)]. St. Petersburg, MAE RAS, 2001, 168 p. (In Russ.).

Russko-kumandinskiy slovar' [Russian-Kumandin dictionary]. M. B. Petrushova, V. M. Danilov (Comps.), N. A. D'ayym (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2021, 504 p. (In Russ., in Kum.).

Russko-tubalarskiy slovar' [Russian-Tubalarian dictionary]. A. S. Kuchukova (Comp.); S. B. Sarbasheva (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2019, 384 p. (In Russ., in Tub.).

Shcherbak A. M. Nazvaniya dikikh i domashnikh zhivotnykh v tyurkskikh yazykakh [Names of wild and domestic animals in the Turkic languages]. In: *Istoricheskoe razvitiye leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]. Moscow, Izd. AN SSSR, 1961, pp. 82–172. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Pratyurkic language-basis. The world picture of the Pratyurkic ethnos according to the language data]. E. R. Tenishev, A. V. Dybo (Eds.). Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (In Russ.).

Teleutsko-russkii slovar' [Teleut-Russian dictionary]. L. T. Ryumina-Syrkasheva, N. A. Kuchigasheva (Comps.). Kemerovo, Kem. kn. izd., 1995, 119 p. (In Russ.).

Toponimika Respubliki Altay. Kn. 2. Ongudaiskiy rayon [Toponymy of the Republic of Altai. Bk. 2. Ongudaysky district]. N. V. Ekeev, B. B. Sanalova, A. E. Chumakaev (Eds.); S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. Gorno-Altaysk, 2022a, 202 p. (In Altai, in Russ.).

Toponimika Respubliki Altay. Kn. 3. Chemal'skiy rayon [Toponymy of the Republic of Altai. Bk. 3. Chemalsky district]. N. V. Ekeev, B. B. Sanalova, A. E. Chumakaev (Eds.); S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. Gorno-Altaysk, 2022b, 145 p. (In Altai, in Russ.).

Toponimika Respubliki Altay. Kn. 4. Choiskiy rayon [Toponymy of the Republic of Altai. Bk. 4. Choi district]. N. V. Ekeev, B. B. Sanalova, N. N. Tydykova, A. E. Chumakaev (Eds.); S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. Gorno-Altaysk, 2022v, 132 p. (In Altai, in Russ.).

Tybykova L. N. Simvolika krasoty v altayskikh zoomorfizmakh [The symbolism of beauty in the Altai zoomorphisms]. In: *Etno-kul'turnoe nasledie narodov Altaya. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu NII altaistiki im. S. S. Surazakova* [Ethnocultural heritage of the peoples of Altai. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 70th anniversary of S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics]. Gorno-Altaysk, 2022, pp. 339–353. (In Russ.).

Tyukhteneva S. P. *Zemlya. Voda. Khan Altay: etnicheskaya kul'tura altaytsev v 20 veke* [Earth. Water. Khan Altai: ethnic culture of the Altai people in the 20th century]. Elista, KalmSU, 2009, 169 p. (In Russ.).

Yaimova N. A. *Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altayskom yazyke* [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya Tip., 1990, 169 p. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
06.09.2023*

Сведения об авторе

Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

E-mail: sibfolklore@mail.ru

ORCID 0000-0002-5767-7085

Information about the Author

Nadezhda R. Oinotkinova – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Altai Philology, Faculty of Altaic and Turkic Studies, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

E-mail: sibfolklore@mail.ru

ORCID 0000-0002-5767-7085

ХРОНИКА

УДК 009

DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-99-102

30-я юбилейная международная конференция «Дульзоновские чтения»

Е. А. Крюкова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Для цитирования

Крюкова. Е. А. 30-я юбилейная международная конференция «Дульзоновские чтения» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 99–102. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-99-102

30th Anniversary International Conference "Dulzon Readings"

E. A. Kryukova

Tomsk State Pedagogic University, Tomsk, Russian Federation

For citation

*Kryukova E. A. 30-ya yubileynaya mezhdunarodnaya konferentsiya «Dul'zonovskie chteniya» [30th Anniversary International Conference "Dulzon Readings"]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 99–102. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-99-102*

21–24 сентября 2023 г. в Томском государственном педагогическом университете в тридцатый раз прошла очередная конференция «Дульзоновские чтения» на тему «Комплексное изучение языков и культур народов России».

Тематика серии международных конференций «Дульзоновские чтения» традиционно охватывает широкий круг вопросов изучения языков и культур народов России и включает лингвистические, этнографические и археологические исследования миноритарных этносов. Первая конференция в русле комплексного изучения проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков была проведена под руководством Андрея Петровича Дульзона в 1958 г., тогда объединились ученые Томского педагогического института, Томского областного краеведческого музея и Новосибирского отдела Всесоюзного географического общества.

Продолжая традиции, заложенные А. П. Дульзоном, ученые ТГПУ организуют конференции в тесном взаимодействии с ведущими научными центрами России и зарубежья. В этом году соорганизаторами конференции выступили Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск) и Музей Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск).

© Е. А. Крюкова, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

Все четыре дня конференции шли заседания двух больших по численности докладов секций. В первой секции обсуждались вопросы фонетики, фонологии, грамматики, морфосинтаксиса, синтаксиса, лексической семантики, лексикологии, топонимики, этимологии на материале языков народов Сибири. Вторая секция занималась проблемами музейного дела, археологии, этнической истории, фольклористики, этнографии миноритарных этносов России.

Впервые в рамках двух отдельных секций состоялись заседания по вопросам русского жестового языка и по истории и современному состоянию диалектов российских немцев.

Новым направлением в истории конференции стала организация круглого стола «Изучение этнокультурных и образовательных процессов в странах Африки», на котором участники обсудили научный туризм, культурные ценности, особенности межкультурной коммуникации и этноориентированное обучение русскому языку в Кении.

В целом за четыре дня конференции участники прослушали и обсудили 10 пленарных и 80 секционных докладов, которые представили ученые из Томска, Новосибирска, Ханты-Мансийска, Абакана, Дудинки, Ижевска, Екатеринбурга, Красноярска, Москвы, Санкт-Петербурга, Сургута, Сыктывкара, Таганрога, Тулы, Элисты, Якутска.

Продолжительные прения после докладов показали, какие проблемы в изучении и сохранении языков и культур сейчас находятся на пике интереса у научной общественности.

Например, доклад В. Н. Харькова из Научно-исследовательского института медицинской генетики и Томского национального исследовательского медицинского центра РАН (г. Томск) «Корреляция данных этногенетики и лингвистики народов самодийской языковой группы» выявил, что остро стоит вопрос верификации данных о родстве языков с помощью современных достижений генетики.

Совместные доклады А. А. Главан и А. Н. Таджибовой из Сургутского государственного университета «К вопросу отображения среднеязычных согласных фонем в современной орфографии сургутского диалекта хантыйского языка» (г. Сургут) и Т. В. Тимкина и Н. Н. Фединой из Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) «Щелевые согласные, передаваемые графемой *жс*, в чалканском языке по данным экспериментальной фонетики» еще раз обозначили сложные процессы разработки орфографических норм для младописьменных языков и их идиомов.

С 2002 г. периодичность проведения конференции «Дульзоновские чтения» – один раз в три года, очередные 31-е «Дульзоновские чтения» состоятся в сентябре 2026 г.

С информацией о конференции можно ознакомиться на сайте конференции:

https://siblang.tspu.edu.ru/grant/?page_id=212

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

25.09.2023

Сведения об авторе

Крюкова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

ORCID 0009-0008-5488-3386

Information about the Author

Elena A. Kryukova – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the of the Siberian Languages Department, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

ORCID 0009-0008-5488-3386

Фото 1. А. А. Ким, Томский государственный педагогический университет
Пленарный доклад

Фото 2. В. Н. Харьков, Научно-исследовательский институт медицинской генетики,
Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН, г. Томск
Заседание Секции 2. *Археология, этническая история, музейные коллекции*

Фото 3. Н. А. Тучкова, Музей Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск
Соорганизатор конференции

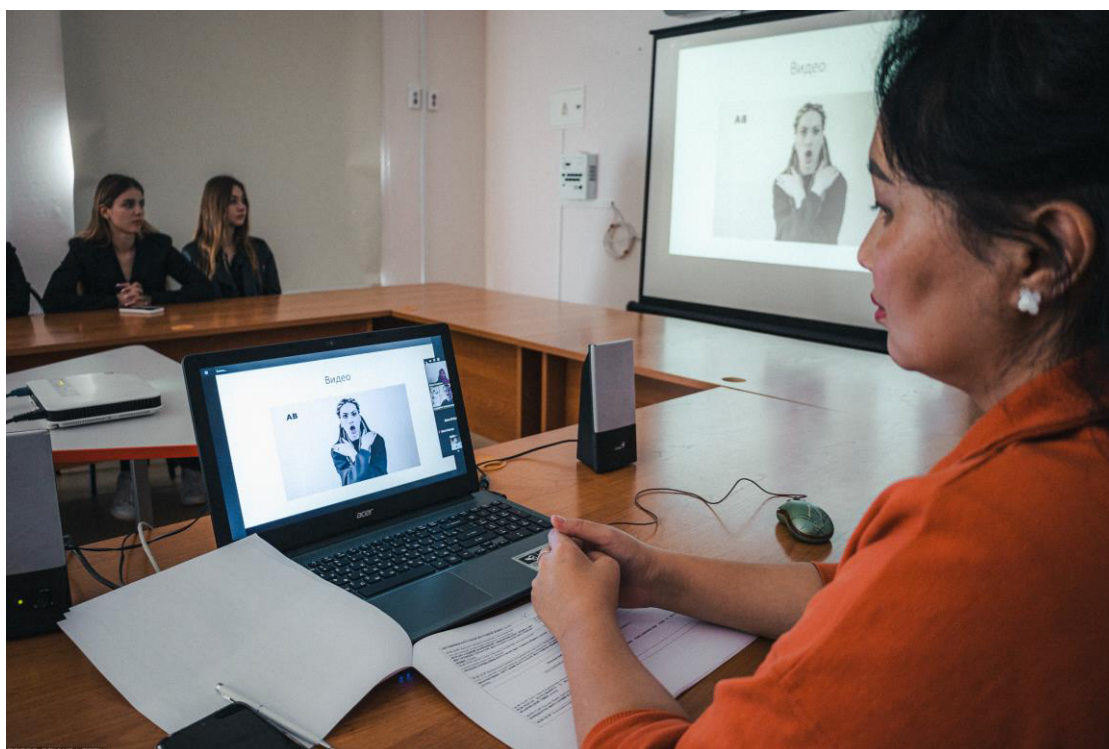

Фото 4. А. В. Байыр-оол, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск
Заседание Секции 3. Русский жестовый язык

УДК 092:811.512.22
DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-103-110

Борис Васильевич Болдырев
(10 октября 1940 г. – 24 августа 2023 г.)

Л. В. Озолиня, Н. Б. Кошкарева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Для цитирования

Озолиня Л. В., Кошкарева Н. Б. Борис Васильевич Болдырев (10 октября 1940 г. – 24 августа 2023 г.) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 103–110. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-103-110

Boris Vasilievich Boldyrev
(October 10, 1940 – August 24, 2023)

L. V. Ozolinya, N. B. Koshkareva

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

For citation

Ozolinya L. V., Koshkareva N. B. Boris Vasil'evich Boldyrev (10 oktyabrya 1940 g. – 24 avgusta 2023 g.) [Boris Vasilievich Boldyrev (October 10, 1940 – August 24, 2023)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 103–110. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-103-110

24 августа 2023 г. в возрасте 82 лет ушел из жизни Борис Васильевич Болдырев, доктор филологических наук, один из старейших сотрудников Института филологии СО РАН, известный тунгусо-маньчжуровед, крупный специалист по эвенкийскому языку.

Борис Васильевич родился 10 октября 1940 г. в Ростове-на-Дону, его отец погиб на фронте, поэтому, еще учась в школе, Борис Васильевич начал работать: помогал на разгрузке угля, был учеником наборщика в типографии, теплоизолировщиком ремонтной бригады, разнорабочим на Ростовской табачной фабрике. После окончания школы был призван в армию. В составе стройбата оказался в Сибири, где с мая 1959 г. по июнь 1962 г. работал на строительстве новосибирского Академгородка, что и определило его дальнейшую судьбу.

© Л. В. Озолиня, Н. Б. Кошкарева, 2023

ISSN 2712-9608
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

Демобилизовавшись в июне 1962 г., Борис Васильевич поступил в Новосибирский государственный университет, где в рамках гуманитарного факультета открылось отделение языков народов Сибири, которое возглавлял чл.-корр. АН СССР Валентин Александрович Аврорин – выдающийся специалист по тунгусо-маньчжурским языкам. Студенты первого набора специализировались в области тунгусо-маньчжуроведения. Одним из ярких преподавателей была Елена Павловна Лебедева – специалист по языку, фольклору и этнографии эвенков, ороков, орочей, удэгейцев, сумевшая вдохновить своих учеников на исследование языков и фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.

Борис Васильевич был одним из первых выпускников гуманитарного факультета НГУ, ему удалось в полной мере реализовать программу, на которую было нацелено новое по своему типу обучение в университете, призванное обеспечить квалифицированными кадрами сибирскую науку.

После окончания университета в 1967 г. Борис Васильевич поступил в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР и в 1970 г. под руководством В. А. Аврорина защитил кандидатскую диссертацию по теме «Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках», материалы для которой были собраны в экспедициях по Дальнему Востоку и Сахалину. Работал младшим, затем старшим научным сотрудником Отдела филологии ИИФиФ СО АН СССР. В 1989 г. Борис Васильевич возглавил Сектор лексикографии, из которого при образовании в 1991 г. Института филологии СО РАН выделены Сектор тунгусо-маньчжуроведения и Сектор русского языка в Сибири. Борис Васильевич становится заведующим Сектором тунгусо-маньчжуроведения, в котором работают уникальные специалисты практически по всем сибирским тунгусо-маньчжурским языкам: М. Д. Симонов (эвенкийский и удэгейский), М. М. Хасанова (негидальский), А. М. Певнов (чжурчженьский), Л. В. Озолин (орокский), Е. Г. Итэсь (ульчский), А. О. Сагайдачная (Трофимова) (удэгейский). Позднее состав сектора расширился, и в него вошли специалисты по другим сибирским языкам: Л. А. Ильина (селькупский) и С. С. Буторин (кетский).

Борис Васильевич опубликовал фундаментальные монографии и словари по тунгусо-маньчжурским языкам: «Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках», «Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках», «Грамматика ороцкого языка» (в соавторстве с В. А. Аврориным), «Морфология эвенкийского языка», «Грамматика эвенкийского языка», двухтомный «Эвенкийско-русский словарь», «Русско-эвенкийский словарь», «Эвенкийско-русский и русско-эвенкийский словарь», серия диалектных словарей эвенкийского языка: «Словарь желтулакского говора эвенков Амурской области» (в 2-х тт.), «Словарь зейского говора Амурской области», «Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области» (2-х тт.) и др.

Все исследования Б. В. Болдырева основаны на обширном фактическом материале, в них учитываются традиции изучения тунгусо-маньчжурских языков и предлагаются оригинальные решения спорных вопросов. Сравнительно-сопоставительные исследования морфологии эвенкийского, эвенского, негидальского, ороцкого, удэгейского, орокского, ульчского, нанайского и маньчжурского языков стали весомым вкладом в исследования тунгусо-маньчжурских языков, многие из которых в настоящее время остаются изученными крайне недостаточно, не имеют подробных грамматических и лексикографических описаний, находясь при этом на грани исчезновения.

В 2004 г. за работу «Части речи и грамматические категории эвенкийского языка в сравнительном освещении» Б. В. Болдыреву была присуждена степень доктора филологических наук. В ней предложено решение таких дискуссионных вопросов, как принципы описания грамматических систем типологически сходных и типологически различных языков, определены единые критерии выделения грамматических классов. По мнению Б. В. Болдырева, универсальным классифицирующим признаком является общеграмматическое, или категориальное, значение слова, позволяющее в полной мере определить его сущность как части речи, уточнить инвентарь грамматических классов и разрядов слов того или иного языка, охарактеризовать частнограмматические категории, сопутствующие каждому грамматическому классу.

Борис Васильевич поднимал самые актуальные вопросы изучения тунгусо-маньчжурских языков: их социальный и коммуникативный статус, современное состояние, задачи сохранения, сбора и фиксации языковых фактов. Основываясь на материале практически всех языков тунгусо-маньчжурской группы, он уточнил функции форм «косвенной», или «отчуждаемой», принадлежности, предложив новое этимологическое решение ее происхождения. При исследовании словообразовательной системы имени существительного им впервые проанализирована семантическая и формальная структура таких словообразовательных элементов, как суффиксы, предпринята попытка реконструкции их архетипов, что позволяет построить словообразовательную модель для каждого суффиксального показателя.

Основной заслугой Б. В. Болдырева как лексикографа стало обоснование необходимости создания национальных словарей нового типа, в полной мере репрезентирующих как язык в целом, так и каждую лексическую единицу, для чего необходимо привлечение в словарной статье широкого иллюстративного материала, причем контексты должны иллюстрировать не столько наличие лексемы в языке (что было основной задачей большинства национально-русских словарей), сколько ее семантические и функционально-грамматические возможности, для чего в вокабуле демонстрируется фонетическая и морфофонетическая вариативность, свойственная бесписьменным или младописьменным сибирским языкам.

В подготовленных Б. В. Болдыревым диалектных словарях отражаются лексикограмматические особенности эвенкийских говоров, они стали важным подспорьем для учителей эвенкийского языка, преподавателей и студентов вузов и колледжей, где изучается эвенкийский язык, а также для специалистов в области тунгусо-маньчжуроведения и алтаистики.

На протяжении многих лет Б. В. Болдырев являлся членом Ученого совета Института филологии СО РАН, членом Диссертационного совета по защитам диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте филологии СО РАН, членом экспертного совета РГНФ.

Созданные Борисом Васильевичем фундаментальные грамматические и лексикографические труды надолго останутся востребованными в работах по сравнительно-сопоставительному изучению тунгусо-маньчжурских языков, типологии, компаративистике, поскольку их отличает скрупулезность анализа обширного фактического материала, тщательность аргументации, оригинальность научной концепции.

Путь Бориса Васильевича как исследователя продлился более 50 лет, это была насыщенная, плодотворная работа, основанная на глубоком понимании системных связей тунгусо-маньчжурских языков. Составленные им словари являются результатом кропотливого отбора слов, каждое из которых – это жемчужина языка и речи, поиска ярких, выразительных примеров их употребления, подбора наиболее точных русских эквивалентов, что является далеко не тривиальной задачей, с которой под силу справиться только лингвисту, тонко чувствующему структуру языка и обладающему языковым вкусом и чутьем.

Список литературы

Озолина Л. В. Борис Васильевич Болдырев (ученому, человеку, другу) // Сибирский филологический журнал. 2015. Вып. 4. С. 271–274.

Андреева Т. Е. Борис Васильевич Болдырев (к 80-летию со дня рождения) // Сибирский филологический журнал. 2020. Вып. 4. С. 341–343.

References

Ozolinya L. V. Boris Vasil'evich Boldyrev (uchenomu, cheloveku, drugu) [Boris Vasilievich Boldyrev (to a scholar, a person, a friend)]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 4, pp. 271–274. (In Russ.).

Andreeva T. E. Boris Vasil'evich Boldyrev (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya) [Boris Vasilievich Boldyrev (on the 80th anniversary of his birth)]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 4, pp. 341–343. (In Russ.).

Приложение Appendix

Список научных трудов

Диссертационные работы

Болдырев Б.В. Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. Дис. ... канд. филол. наук. АН СССР. Сиб. отд-ние. Объед. учен. совет по ист.-филол. и филос. наукам. Новосибирск, 1970.

Болдырев Б.В. Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. АН СССР. Сиб. отд-ние. Объед. учен. совет по ист.-филол. и филос. наукам. Новосибирск, 1970. 19 с.

Болдырев Б.В. Части речи и грамматические категории эвенкийского языка в сравнительном освещении. Дис. ... д-ра филол. наук. Ин-т филологии ОИИФФ СО РАН. Новосибирск, 2004. 87 с.

Болдырев Б. В. Части речи и грамматические категории эвенкийского языка в сравнительном освещении: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ин-т филологии ОИИФФ СО РАН. Новосибирск, 2004. 87 с.

Монографии

1. Болдырев Б. В. Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. М., 1976. 152 с.

2. Болдырев Б. В. Словообразование имён существительных в тунгусо-маньчжурских языках. Новосибирск, 1987. 192 с.

3. Аврорин В. А., Болдырев Б. В. Грамматика ороцкого языка. Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2001. 400 с.

4. Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск, 2007. 932 с.

5. Болдырев Б. В. Очерки по сравнительной морфологии тунгусо-маньчжурских языков. Ч. I. Имя существительное. Ч. II. Имя существительное: категория падежа. (в печати)

Словари

1. Болдырев Б. В. Русско-эвенкийский словарь. Под ред. Кудри А.А. М., 1988. 304 с.

2. Болдырев Б. В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск, 1994. 499 с.

3. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. I. Новосибирск, 2000. 504 с.

4. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. II. Новосибирск, 2000. 484 с.

5. Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Варламова Г. И., Андреева Т. Е., Мальчакитова Р. Е. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области. Ч. 1. Благовещенск, 2009. 608 с.
6. Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Варламова Г. И., Андреева Т. Е., Мальчакитова Р. Е. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области. Ч. 2. Благовещенск, 2010. 235 с.
7. Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Варламова Г. И., Сенина Л. К. Словарь зейского говора эвенков Амурской области. Благовещенск, 2010. 425 с.
8. Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Соловьёва Л. А. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области. Ч. I. Благовещенск, 2013. 464 с.
9. Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Соловьёва Л. А. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области. Ч. II. (в печати)

Статьи

1. Болдырев Б. В. К вопросу о происхождении формы косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках // Изв. СО РАН СССР – Сер. обществ. наук. 1970. № 11. Вып. 3. С. 46–49.
2. Болдырев Б. В. Категория косвенной принадлежности в нанайском языке // Языки и литература народов Сибири. Новосибирск, 1970. С. 109–145.
3. Болдырев Б. В. К вопросу о структуре притяжательной конструкции тунгусо-маньчжурских языков // Языки и литература народов Сибири. Новосибирск, 1970. С. 146–464.
4. Болдырев Б. В. О грамматическом выражении выделительности в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках // Изв. СО РАН СССР – Сер. обществ. наук, 1972. № 1. Вып. 1. С. 60–64.
5. Болдырев Б. В. Фонетическая структура суффикса косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках // Фонетика и морфология языков народов Сибири. Новосибирск, 1972. С. 56–63.
6. Болдырев Б. В. Суффиксы имён существительных, обозначающих названия лица (на материале эвенкийского языка) // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 17–29.
7. Болдырев Б. В. Суффиксы имён существительных, обозначающих животных (на материале эвенкийского языка) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1975. С. 85–100.
8. Болдырев Б. В. Суффиксы имён существительных, обозначающих названия частей тела (на материале эвенкийского языка) // Исследования по языкам народов Сибири. Новосибирск, 1976. С. 28–51.
9. Болдырев Б. В. Суффиксы имён существительных, обозначающих названия растений (на материале эвенкийского языка) // Исследования по языкам народов Сибири. Новосибирск, 1976. С. 52–57.
10. Болдырев Б. В. Словообразование имён существительных, обозначающих предметы одежды (на материале эвенкийского языка) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. С. 119–134.
11. Болдырев Б. В. Суффиксы имён существительных, обозначающих орудия (на материале эвенкийского языка) // Исследования по языкам народов Сибири. Новосибирск, 1977. С. 29–52.
12. Болдырев Б. В. Словообразование имён существительных, обозначающих продукты (на материале эвенкийского языка) // Вопросы лексикологии. Новосибирск, 1977. С. 191–200.
13. Болдырев Б. В. Словообразование непредметной лексики, связанной с явлениями природы (на материале эвенкийского языка) // Изучение языков народов Сибири. Новосибирск, 1978. С. 74–101.
14. Болдырев Б. В. Словообразование имён существительных, обозначающих географические названия // Изучение языков народов Сибири. Новосибирск, 1978. С. 102–121.
15. Болдырев Б. В. Существительные с аффиксом -ки в эвенкийском языке в сравнительном освещении (на материале тунгусо-маньчжурских языков) // История и диалектология языков Сибири. Новосибирск, 1979. С. 23–38.
16. Болдырев Б. В. Сравнительное исследование эвенкийских существительных с суффиксом -вун // История и диалектология языков Сибири. Новосибирск, 1979. С. 39–59.
17. Болдырев Б. В. Тунгусо-маньчжурские названия животных с суффиксом -ки, -ка // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов Сибири. Новосибирск, 1979. С. 65–75.

18. *Болдырев Б. В.* Словообразовательный суффикс *-мкура* в эвенкийском языке и его аналоги в тунгусо-маньчжурских языках // Сибирский диалектологический сборник (на материале языков коренных народов Сибири). Новосибирск, 1980. С. 48–55.
19. *Болдырев Б. В.* Эвенкийские суффиксы *-кит* и *-зак* и их аналоги в тунгусо-маньчжурских языках // Сибирский диалектологический сборник (на материале языков коренных народов Сибири). Новосибирск, 1980. С. 56–73.
20. *Болдырев Б. В.* Словообразование имён существительных, обозначающих непредметную лексику (на материале эвенкийского языка) // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 111–123.
21. *Болдырев Б. В.* Суффикс *-лан* в тунгусо-маньчжурских языках // Морфология имени в сибирских языках. Новосибирск, 1981. С. 85–117.
22. *Болдырев Б. В.* Словообразование имён существительных посредством формообразующих суффиксов (на материале тунгусо-маньчжурских языков) // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981. С. 56–60.
23. *Болдырев Б. В.* Существительные с суффиксом *-птин* в эвенкийском языке в сравнительно-историческом освещении (на материале тунгусо-маньчжурских языков) // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1981. С. 53–63.
24. *Болдырев Б. В.* Форма обладания в тунгусо-маньчжурских языках // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982. С. 105–116.
25. *Болдырев Б. В.* Существительные с суффиксом *-птун* в тунгусо-маньчжурских языках // Язык как исторический источник. Новосибирск, 1983. С. 30–40.
26. *Болдырев Б. В.* Об исторически составных словообразовательных аффиксах // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984. С. 168–176.
27. *Болдырев Б. В.* Эвенкийские суффиксы *-рук*, *-сик* и их аналоги в тунгусо-маньчжурских языках // Исследование языков народов СССР. Новосибирск, 1985. С. 28–37.
28. *Болдырев Б. В.* Притяжательное оформление определений в эвенкийском языке // Лексика тунгусо-маньчжурских языков. Новосибирск, 1985. С. 76–81.
29. *Болдырев Б. В.* Пролативные наречия в тунгусо-маньчжурских языках // Языки народов Сибири: грамматические исследования. Новосибирск, 1991. С. 55–66.
30. *Болдырев Б. В.* Итоги и задачи изучения тунгусо-маньчжурских языков // Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: Материалы Междунар. науч. конф. Южно-Сахалинск. 31 октября – 2 ноября 1991 г. Южно-Сахалинск, 1992. С. 10–18.
31. *Болдырев Б. В.* Притяжательное склонение в тунгусо-маньчжурских языках // Языки, культура и будущее народов Арктики: Тезисы докладов международной конференции 17-21 июня 1993 г., Ч. II. Якутск, 1993. С. 12–13.
32. *Болдырев Б. В.* Место причастий в системе частей речи тунгусо-маньчжурских языков // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Междунар. науч. конф. Новосибирск (Академгородок), 26–30 июня 1995 г. Том I: Филология. Новосибирск, 1995. С. 104–107.
33. *Болдырев Б. В.* К проблеме послелогов в тунгусо-маньчжурских языках // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, Вып. 5. 1999. С. 151–156.
34. *Болдырев Б. В.* Конверсивы и их место в системе частей речи эвенкийского языка. *Altai Nakro. Journal of the Altaic Society of Korea.* № 14, 2004. С. 65–78.
35. *Болдырев Б. В.* Лексикографическое и теоретическое исследование исчезающих языков этнических меньшинств народов Сибири, Сахалина и Дальнего Востока. *Altai Nakro. Journal of the Altaic Society of Korea.* № 16, 2006. С. 35–53.
36. *Болдырев Б. В.* О научной деятельности Анны Николаевны Мыреевой // Наука и образование. Якутск, 2006. С. 111–113.
37. *Болдырев Б. В.* О структуре притяжательных (изафетных) словосочетаний в тунгусо-маньчжурских языках // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции 27–29 сентября 2007 г., Новосибирск, 2007. С. 55–57.

38. Болдырев Б. В. Член-корреспондент АН СССР В. А. Аврорин // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции 27–29 сентября 2007 г., Новосибирск, 2007. С. 57–59.
39. Болдырев Б. В. В.А. Аврорин // Гуманитарные науки в Сибири, № 4. 2007. С. 112.
40. Болдырев Б. В. Аврорин В. А. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. А-И. Новосибирск, 2009. С. 17.
41. Болдырев Б. В. Василевич Г. А. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. А-И. Новосибирск, 2009. С. 294.
42. Болдырев Б. В. Горцевская В. А. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. А-И. Новосибирск, 2009. С. 421.
43. Болдырев Б. В. Колесникова В.Д. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 100.
44. Болдырев Б. В. Константинова О.А. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 129.
45. Болдырев Б. В. Лебедев В. Д. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 266-267.
46. Болдырев Б. В. Лебедева Е. П. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 267.
47. Болдырев Б. В. Маньчжурское письмо // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 321.
48. Болдырев Б. В. Негидальский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 460–461.
49. Болдырев Б. В. Новикова К. А. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 489.
50. Болдырев Б. В. Оненко С. Н. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 553.
51. Болдырев Б. В. Орочский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 560.
52. Болдырев Б. В. Петрова Т. И. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 614.
53. Болдырев Б. В. Ришес Л. Д. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 774–775.
54. Болдырев Б. В. Симонов М. Д. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. С-Я. Новосибирск, 2009. С. 111.
55. Болдырев Б.В. Суник О.П. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. С-Я. Новосибирск, 2009. С. 210.
56. Болдырев Б. В. Тунгусо-маньчжурские // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. С-Я. Новосибирск, 2009. С. 315–316.
57. Болдырев Б. В. Цинциус В.И. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. С-Я. Новосибирск, 2009. С. 466–467.
58. Болдырев Б. В. Шнейдер Н.Я. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. С-Я. Новосибирск, 2009. С. 542.
59. Болдырев Б. В. Эвенкийский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. Новосибирск, 2009. С. 564.
60. Болдырев Б. В. Эвенский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. Новосибирск, 2009. С. 565.
61. Болдырев Б. В. Словарь исчезающего говора // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия (сборник научных трудов). Вып. 3. Благовещенск, 2010. С. 27–48.
62. Болдырев Б. В. К вопросу о синтаксическом строе тунгусо-маньчжурских языков // Сибирский филологический журнал, № 2. 2014. С. 173–180.
63. Болдырев Б. В. Рецензия на монографию: Trends in Linguistics Documentation. Collected Works of Bronislaw Pilsudski. Volume 4. Material for the Study of Tungusic Languages and Folklor. Mouton de

Gruyter, Berlin; New York, 2011. P. 1–1398. // Сибирский филологический журнал, № 1. 2014. С. 247–249.

64. *Болдырев Б. В.* Связанные отглагольные имена существительные в тунгусо-маньчжурских языках: имя цели // Сибирский филологический журнал, № 4. 2015. С. 222–228.

65. *Болдырев Б. В.* Падеж в тунгусо-маньчжурских языках как грамматическая категория // Вестник БНЦ, № 3. 2015. С. 123–134.

66. *Болдырев Б. В.* Отложительный падеж в негидальском языке (функциональный и семантический аспект) // Языки и фольклор коренных народов Сибири, Вып. 30. 2016. С. 49–53.

67. *Болдырев Б. В.* Послелог и их место в системе склонения в тунгусо-маньчжурских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири, Вып. 34. 2017. С. 16–28.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
15.09.2023*

Сведения об авторах

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3749-816X

Кошкарева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, зав. сектором языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4578-6591

Information about the Authors

Larisa V. Ozolina – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3749-816X

Natalia B. Koshkareva – Doctor of Philology, Professor, Head of the of the Siberian Languages Sector, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4578-6591

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2023. № 3 (выпуск 47)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Чурт»

Раздел «Лингвистика»:

редактор *Е. В. Тюнтешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»: редактор и оператор электронной верстки *Т. В. Дайнеко*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, д. 8
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

ISSN 2712-9608

